ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
№ 2 (64) 2020
Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество «Экономическое возрождение России» (1915 г.), действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990*).

Издание Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской региональной общественной организацией ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (*Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13*).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.
Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Официальный сайт журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru
Подписано к печати 27.05.2020 г.
Формат 84 × 108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 1000 экз. Заказ 20357.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте: составление, редакционная подготовка, 2020

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета (Великобритания);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfiriev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences

CONTENTS

On the way to revival
Bodrunov S. D. Global risks during the pandemic: practice corroborates the theory of noonomy 4
Glazev S. Y. Noonomy as the kernel for the formation of new technological and world economic modes 15
Aganbegyan A. G. Suggestions on socioeconomic development in the context of the current crisis 33
Nigmatulin R. I., Nigmatulin B. I. Pandemic. World crisis. State of the Russian economy 45
Kleiner G. B. Systemic reconstruction of Russia's socioeconomic space 59
Smolin O. N. Scientific and innovative policy in Russia and some systemic problems of the development of Russian science 70
Mirkin Y. M. Changes in economic and financial structures: impact of 2020 shocks..... 86
Ryazanov V. T. New technologies in the economy and the coronavirus pandemic: preliminary conclusions..... 93

Business economics and innovation
Plotnikov V. A. Digitization as a logical stage in the evolution of an economic system 104
Kochetkov S. V., Kochetkova O. V. Innovative development of production: premises and implementation mechanism 116
Sergeev G. S. Development of high-tech production in post-Soviet Russia in the context of the world-systems theory 122

Online workshop of S. Y. Witte INID young scholars and experts
Yakovleva N. G. Technological and socioeconomic transformations in the beginning of the XXI century: role and place of education 133
Maslov G. A. Origins of establishing NIS.2 and noonomy concepts in the economic theory 142
Pavlov M. Y. Noonomy, postindustrial economy and Industry 4.0: comparison and contrast 152
Lemeshonok O. B. Beyond corruption: issues with «authorities–ownership» relations under the noonomy 163
Barashkova O. V. Center and *periphery* in Russia: technological progress as key to achieving a more balanced national economy 171
Stepanova T. D. Genesis of noonomy: humans as supreme value and main resource for development 180

Book Review
Bodrunov S. D. Notes on the future: opportunities for integrating noonomy and geopolitical economy..... 188
Desai R. Russia in the geopolitical economy of world capitalism 194
Komlos J. Time to change the way we teach economics (Part 1) 208

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

Бодрунов С. Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики 4
Глазьев С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов 15
Аганбегян А. Г. Предложения по социально-экономическому развитию в современной кризисной обстановке 33
Нигматулин Р. И., Нигматулин Б. И. Пандемия. Мировой кризис. Экономическое состояние России 45
Клейнер Г. Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства 59
Смолин О. Н. Научно-инновационная политика в России и некоторые системные проблемы развития отечественной науки 70
Миркин Я. М. Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020 86
Рязанов В. Т. Новые технологии в экономике и коронавирусная пандемия: предварительные выводы 93

Экономика предпринимательства и инновации

Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы 104
Кочетков С. В., Кочеткова О. В. Инновационное развитие производства: предпосылки и механизм реализации 116
Сергеев Г. С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода 122

Онлайн-семинар молодых ученых ИНИР им. С. Ю. Витте и экспертов

Яковлева Н. Г. Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования 133
Маслов Г. А. Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории 142
Павлов М. Ю. Ноономика, постиндустриальная экономика и индустрия 4.0: что общего и в чем разница? 152
Лемешонок О. Б. По ту сторону коррупции: проблема отношений «власть – собственность» в ноономике 163
*Барашкова О. В. «*Центр» и «периферия» России: технологический прогресс как ключ к росту сбалансированности национальной экономики 171
Степанова Т. Д. Генезис ноономики: человек как высшая ценность и главное средство развития 180

Книжное обозрение

Бодрунов С. Д. Заметки о будущем: возможности интеграции ноономики и геополитэкономического подхода 188
Десаи Р. Russia in the geopolitical economy of world capitalism 194
Комлос Д. Пора менять подход к преподаванию экономики (Часть 1) 208

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-4-14

С. Д. Бодрунов[1]

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПАНДЕМИИ: ПРАКТИКА ПОДТВЕРЖДАЕТ ТЕОРИЮ НООНОМИКИ

Приближение глобального кризиса, отягощенного пандемией коронавируса, ставит мир на грань глобальной катастрофы, которая может изменить понимание экономики, соотношения экономики и общества, человеческих ценностей и пр. Основа изменений – прогресс технологий, приводящий к генезису нового индустриального общества второй генерации (НИО.2). На пути перехода к новому качеству общественного развития человечество сталкивается с противоречиями между различными технологическими укладами, классами и социальными слоями и т. д. Если человеческое сознание отстает в своем развитии от материальных условий, то конфликты становятся все более жесткими. Нерациональное разрешение конфликта при переходе к новому укладу и новому общественному устройству в современных условиях может привести к катастрофическим последствиям. Рост конфликтогенности во всех сферах жизни рассматривается как закономерное явление. Меняются и другие аспекты социального поведения, например доверие в обществе, востребованное в условиях пандемии. Эта потребность будет удовлетворяться благодаря осознанию человеком своих истинных ценностей, что знаменует переход к нооообщественным отношениям. Подчеркивается, что продвигаться к новому этапу развития нужно «всем миром», сохраняя баланс между повышением благосостояния человека и сохранением его как Человека.

Ключевые слова: ноономика, пандемия, глобальные риски, рост конфликтогенности, угроза существованию человечества, сфера знаний, общечеловеческие культурные ценности, доверие.

УДК 330.352

Замаячивший на ближнем горизонте глобальный кризис (начало которому положили противоречия финансиализации), превращенный пандемией в общемировую дра-

[1] *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор, e-mail: inir@inir.ru.

му, подтверждает вывод о том, что человечество стоит на перепутье, что в развитии цивилизации появилась развилка и существует реальная угроза не просто кризиса, но глобальной катастрофы, которая может изменить наше понимание экономики, соотношения экономики и общества, человеческих ценностей и ценности самого человека, и т. д. Этот вывод сделан нами за несколько лет до пандемии и развит в монографии «Нооономика» [4].

Сегодняшняя ситуация лежит в русле противоречий, с которыми сталкивается человечество на пути к новому качеству общественного развития. Мы назвали его нооономикой – состоянием социума, в котором доминируют неэкономические, постэкономические потребности и качества человека. Основа этих изменений – прогресс технологий, приводящий к генезису знаниеемкого, «умного» производства нового индустриального общества второй генерации (НИО.2). В НИО.2 человек выполняет только те функции, которые не может выполнить машина [17]; доминирующими становятся те сферы, где человек осуществляет преимущественно творческие функции.

Это – результат действия объективных закономерностей исторического развития, ибо всякое новое состояние общества обусловлено изменением материальных условий существования людей. В марксизме этот феномен описывается как диалектика противоречивого взаимодействия производительных сил и производственных отношений [16]. В данном случае мы говорим несколько об ином – о том, что изменения материальных условий происходили и происходят в том числе потому, что человек в рамках исторического движения все большее количество знаний применяет для удовлетворения своих растущих потребностей.

В какие-то моменты объем этих знаний, имплементированных в материальное производство (в частности, в технологии), возрастал настолько, что приводил к скачку в накоплении трансформационного потенциала, к необходимости качественных изменений во всех компонентах труда и его общественной организации. Это стимулировало переход к новому состоянию материального производства, что не могло не отразиться на состоянии общества. Такие изменения стали особенно заметны с переходом к индустриальному способу производства.

Предметом данной статьи не является специальное исследование исторических закономерностей, сопоставление периодов переходов, изменений факторов общественного сознания или общественного устройства в целом, с одной стороны, и изменения типов производства – с другой; не является таким предметом и сопоставление этих изменений с конкретными контрапунктами исторического процесса, обычно акцентируемыми историками (войны, политические перевороты и т. п.), хотя все это связанные процессы. Безусловно, они будут разбросаны по времени и не всегда абсолютно соответствуют переходам к новым формациям (в категориальной базе марксизма). Более того, они не строго субординированы во времени – некорректно утверждать, что в таком-то году случилась такая-то социальная революция, потому что в это время произошла промышленная революция. Однако, всякий «переход» такого рода в материальном производстве вызывал не только конфликт между старым и новым производством, но и резкое усиление противоречий в социальной сфере. Подтверждений этому в истории более чем достаточно. Вспомним противоречия нарождавшегося машинного производства и отмиравшего ручного ремесла в Англии, породившие движение луддитов, а в более общем плане – новый, более развитый буржуазный социальный строй.

В переходный период такой конфликт происходит всегда – старое конфликтует с новым, новое рождается в конфликте со старым… Это хорошо известно и очень

важно. И это не только противоречия «отцов» и «детей». Это – противоречия различных технологических укладов, классов и социальных слоев и других взаимодействий, «сопровождающих» такой переход. Ситуация стабилизируется, когда побеждают новый технологический уклад (ТУ) и новая модель социально-экономической системы. Развитие ТУ радикально влияет на формирование общественного уклада, поэтому, когда в обществе все *уложилось* (от слова «лад» – укладывать, уложить, складывать, уложение делать некое!), наступает менее турбулентный, менее пассионарный [9] период развития.

Но очередное накопление изменений приводит к переходу в новое состояние любую систему, в том числе и общественно-экономическую. Она становится «шире», что порождает новые конфликты.

При этом нужно четко понимать, что средства, при помощи которых конфликты ведутся (или разрешаются) в общественной системе, зависят и от материального состояния общества, и от сознания людей. Если сознание отстает в своем развитии, а материальные условия по своим возможностям возрастают, то конфликты становятся все более жесткими и даже кровопролитными. Чем более «продвинут» человек технологически, тем больше у него знаний, которые можно применить не только для созидания, но и для разрушения.

Это – важнейшая особенность нынешнего исторического момента: уровень развития технологий таков, что, в отличие от прошлых этапов развития, конфликты в случае нерационального их разрешения грозят глобальной катастрофой. Причина известна – переход к новому, шестому ТУ [11]. Этот переход чреват конфликтом технологий, что уже проявляется: старые технологии не выдерживают конкуренции, уходят, но с борьбой – с банкротством предприятий, с геополитическими столкновениями, со многими другими материальными, экономическими, политическими и культурными конфликтами.

Дальше, однако, видятся проявления «конфликта осознания» людьми перехода к новой реальности. Возрастает конфликтность в сфере общественных отношений: пересматриваются принципы этих отношений, ценностные параметры и т. п. Это касается, в частности, изменений в отношении к собственности, институтам и пр., что тоже происходит не без конфликтов.

Все это – признаки назревающего глобального конфликта между общественным устройством, порожденным экономическим обществом, дошедшим до состояния современного глобального развитого капитализма, и обществом, которое будет формироваться на основе использования достижений нового ТУ и генезис которого мы наблюдаем уже сегодня. Мы называем его новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2), естественное развитие которого предполагает переход в ноостадию.

Безусловно, мир будет сопротивляться, бороться за свое существование, порождая мощные консервативные тренды, свидетелями чего мы являемся. При этом он пользуется инструментарием, наработанным технологическим прогрессом, т. е. уходящая система использует инструментарий нового технологического уклада. Данный инструментарий гораздо мощнее того, что применялся в предыдущих конфликтах переходных периодов. Эти инструменты – от сверхмощных энергетических ресурсов, ядерного оружия до химических, биологических, генетических, информационных, финансовых и прочих сверхсовременных технологий – создавались на предприятиях и в организациях различных направлений технологического развития. Соответственно, нерациональное разрешение конфликта в рамках перехода к новому мирохозяйственному

укладу и новому общественному устройству может привести к катастрофическим последствиям, поскольку современный уровень технологий позволяет уничтожить все живое, включая инициаторов этого процесса [4].

Чтобы не допустить подобной ситуации, необходимо соответствующее развитие критериальной базы общественного пространства, знаний и установок для обеспечения рационального поведения людей, формирования элементов «нооповедения». Это – то, чего сегодня категорически не хватает, в чем человечество остро нуждается и где оно отстает от императивов времени.

Именно в этой плоскости формируется основа грядущего конфликта, поскольку «глобальное человечество» не готово к разрешению упомянутого противоречия на бесконфликтной основе. Катализатором катастрофы может стать не прямое столкновение интересов, а любая не контролируемая человеком угроза, такая, как нынешняя пандемия коронавируса. Невозможность решать такие проблемы сообща, «всем миром», нежелание идти на компромиссы (хотя бы временные!) в геополитической борьбе может стать началом конца. В ситуации с пандемией определённые позитивные инициативы есть. Так, Россия обратилась с призывом объединиться в борьбе с коронавирусом, снять санкции и искусственные риски, создать «зеленые коридоры» хотя бы по тем направлениям, которые помогут в борьбе с эпидемией. В то же время некоторые страны, наоборот, рассчитывают получить от кризиса дополнительные геополитические и экономические выгоды.

Причины этого фундаментального конфликта – противоречие между новой объективной необходимостью солидарных глобальных действий и прежним геополитическим и рыночным эгоизмом государств, капиталов, индивидов. Его корни связаны с противоречиями в культурном и технологическом развитии, с отставанием воспитательной составляющей в человеческом развитии от процесса познания и постижения человеком возможностей природных сил. Чтобы разрешить описываемый конфликт, необходимо прежде всего четко сформулировать его наличие и природу. Нужно перевести все это на язык *конфликта между стремительно развивающимся технологическим миром, знанием, врывающимся в нашу жизнь через технологии, с одной стороны, и отставанием в освоении* (*глобальном освоении и глобальном применении*!) *человеком других знаний* (*в сфере общекультурных и общечеловеческих ценностей, обеспечивающих естественное и осмысленное ограничение использования богатства вновь открывающихся технологий при разрешении противоречий*) *– с другой*.

Конечно, конфликт между стремительным развитием технологий, мира научных знаний и недостатком культуры и ценностей существовал всегда. Но, еще раз подчеркнем, *сегодня технологические возможности изменения мира и условий существования человека многократно больше, чем он может себе позволить при данном уровне своей культуры*.

В этом – риск нерационального разрешения базового конфликта нынешнего переходного этапа в развитии цивилизации, он – гораздо более высокого уровня, чем когда бы то ни было. Риски, сопровождавшие всю человеческую историю, не могли привести к гибели человечества, пока люди не получили технологии, позволяющие уничтожить мир одним нажатием кнопки.

Вывод об угрозе глобального уничтожения был сделан передовыми умами человечества практически сразу после появления ядерного оружия, что в 1950–1960-е гг. стало основой рождения интернационального движения «за мир во всем мире» [20]. В современных условиях информационные и генетические технологии, искусственный

интеллект и т. п. создают новые риски, многократно усиливают возможность воздействия человека на состояние общества, природы, на самого себя. Налицо фундаментальное противоречие между технологическим развитием, с одной стороны, и общественным отношением и осознанием связанных с этим глобальных рисков – с другой.

Концепция ноономики [4] показывает возможный путь выхода из этой ловушки.

Хорошо известно, что всякая теория поверяется практикой. Если говорить о практическом случае реализации такой возможности, который дает любая социальная платформа, – она всегда проверяется тем, что мы либо уже имеем, либо видим, наблюдаем как некую тенденцию в процессе развития. В концепции ноономики мы имеем и то, и другое: эта теория построена полностью и на обобщении исторических трендов социального развития, и на анализе современных противоречий этого движения. Реальные события, наблюдаемые в последнее время, укладываются в рамки концепции ноономики, подтверждая ее положения, хотя эта теория создавалась не для того, чтобы описать будущее или показать один из его возможных сценариев. Она лишь указывает на тенденции и цель развития, равно как и пути достижения этой цели.

Отметим, что теория ноономики формировалась на протяжении более двух десятков лет. Сначала это были краткие тезисы [7, 8]; позже они оформились в серию книг и базовых статей [2–6, 13–16], в которых были сформулированы выводы, подтвержденные практикой общественных трансформаций последних лет. Мы не говорим, что эта модель позволяет предсказать, в какой день и час произойдет конфликт в той или иной точке социального пространства: фундаментальная наука, в принципе, не решает такие задачи, закон всемирного тяготения не дает ответа на вопрос, кто из нас и когда споткнется и упадет. Но в перечисленных работах показано, что закономерностью современной эпохи (начала перехода к НИО.2) является рост конфликтогенности во всех областях нашей жизни – экономической, социальной, геополитической; показано, что она захватывает сферу ценностных установок, сопровождается эскалацией военных, экологических и других конфликтов, протекающих в разнообразных, порой не виданных ранее формах. И жизнь подтвердила: все это продолжается, более того – усиливается.

Один из парадоксов этой ситуации состоит в том, что даже в условиях глобального кризиса, подобного нынешнему, мир поначалу внешне мало меняется. Но некоторые сдвиги, на которые указывает теория ноономики, заметны уже сейчас. Технологические изменения, массовый переход производства и социальных коммуникаций в онлайн-пространство влекут неотвратимые (пока не слишком очевидные) изменения в экономических и социальных отношениях, в институтах. И это подтверждает неоднократно описанный нами тренд, который развивается в том числе сейчас, в наши дни, причем с существенной акселерацией и интенсификацией вследствие нашего конфликта с природой.

Меняются и будут меняться и другие аспекты социального бытия. Это касается, например, технологий доверия и, в целом, доверия в обществе: в условиях пандемии и изоляции мы вынуждены больше доверять друг другу и институтам, а современные технологии создают материальную базу для таких взаимодействий. Это говорит о некоторых сдвигах в сознании людей. Чем глубже такого рода конфликт, тем выше потребность в таких сдвигах. И эта потребность будет удовлетворяться за счет развития сферы знания, благодаря осознанию человеком своих истинных ценностей, своих человеческих особенностей, именно *человеческой* природы, что знаменует переход в пространство нооообщественных отношений.

Приведут ли эти сдвиги к глобальным изменениям? Очевидно – да, но не сразу. Они повысят темп таких изменений, позволят сделать определенный шаг, ускоряющий движение в сторону принятия человеком ноопринципов своего существования, развития «разумности» нашей жизни, «взросления» человека. Эти изменения будут происходить постепенно и по-разному – и в разных областях (геополитических, геоэкономических и т. п.), и в разных частях глобальной цивилизации. Они не выдадут готовую модель выхода из конфликта, не переведут весь мир за короткий срок в другое состояние, но ускорят (лишь ускорят!) такой переход.

Для этого есть ряд причин. И одна из главных – неготовность цивилизации к такому переходу. Несмотря на гигантские достижения НТП, позволяющего сегодня прокормить все население Земли, сверхэкспансия глобального финансового капитала, рост его влияния на мировую экономику приводят ко многим негативным последствиям, затрагивающим динамику и структуру мировой экономики [18–20]. Финансиализация интенсифицировала неравномерность темпов экономического и технологического развития разных стран и регионов, неоднородность их экономик и негомогенность общества. К переходу готовы в той или иной степени лишь отдельные зоны экономического развития и отдельные страты общества В терминах мир-системного анализа [1, 9] к этому в значительной мере готовы страны ядра (Западная Европа, североамериканская зона, Япония); в некоторой мере – ведущие страны полупериферии (например, Китай, но и он готов, скорее, технологически, чем социально); периферия по преимуществу не готова вовсе.

Однако движение должно быть более-менее общим, согласованным; оно не должно быть разнонаправленным либо разноскоростным, как это зачастую случалось ранее. Это – еще одна важнейшая особенность нынешнего перехода. Если раньше, к примеру, было естественно, что одни страны (Англия и др.) уже перешли в капитализм, а другие (Индия и большая часть Азии и Африки) жили при феодализме (что служило основой для их закабаления более передовыми по технологиям и социально-экономической организации социумами), то грядущий переход возможен только как единый для всего человечества. Этот процесс в некоторой мере сродни идее «мировой революции», проповедовавшейся классиками марксизма. При этом, если такая революция предполагала насильственное (читай – вооруженное) противостояние, то современный переход, совершаемый глобально, должен произойти ненасильственно, без крайних форм агрессии и борьбы.

Впрочем, заметим, что и современное «закабаление» возможно, хотя оно может происходить (и отчасти происходит) на новой технологической и институциональной основе. Однако с постепенным редуцированием роли капитала (в соответствии с концепцией нооономики), с его уходом с исторической арены современные инструменты и институты закабаления (к примеру, глобализация и ее игроки) не будут столь же эффективны и действенны, как те, что использовались в XIX–XX вв. Сейчас капитал ищет более изощренные формы «политики канонерок», прикрываясь фальшиво представляемыми ценностями (демократией, или глобальными ценностями, или либеральным контекстом и т. п.). Иными словами, пока происходит в основном неравномерное движение с мощными попытками мирового капитала продолжать традиционную политику, используя новые технологические и институциональные инструменты.

Однако, в отличие от этого (реакционного) процесса, обратные (прогрессивные) трансформации, обеспечивающие продвижение к новому технологическому и социально-экономическому устройству (к НИО.2 и далее – к нооономике и нооообщественному

устройству), резко неравномерно идти не могут. Намерение лидеров технологического развития первыми войти в НИО.2 и получить глобальное преимущество на длительный исторический период вряд ли реализуемо[2].

Напомним, что попытку «построить коммунизм в отдельно взятой стране» мир уже видел на примере СССР. Если мы внимательно отнесемся к истории вопроса, то вспомним, что первоначально марксистская концепция предполагала всемирное движение к коммунизму. Только потом, осознав реальность, «неготовность мира», СССР принял на вооружение тезис построения нового общественного устройства в отдельно взятой стране. Жизнь показала, что это нереализуемо, если иметь в виду общество, которое базируется на нооценностях и ноокритериальной базе общественного устройства. Если мы хотим продвигаться к новому этапу развития (а мы вынуждены будем это делать), то двигаться надо всем вместе. Впереди – длительный этап, глобальное насыщение общественных потребностей товарами, услугами и т. д. Этот сложный и небесконфликтный период будет сопровождать нас, вероятно, десятки лет, а может быть, и больше, в зависимости от темпов технологического развития и социального сознания.

Продолжая аналогию с попытками создания нового общества в СССР, где в середине XX в. господствовал лозунг «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму», отметим, что на том историческом этапе так оно и было, по-иному и быть не могло. Это вытекало из фундаментальных закономерностей, о которых мы упоминали выше: 1) всегда есть конфликт старого с новым; 2) новый уклад всегда дает большие технологические возможности для более драматичного разрешения конфликта; 3) при этом общественное сознание (общечеловеческая культура, коды жизненных установок) недостаточно развито не только для бесконфликтного снятия противоречий, но даже для того, чтобы исключить наиболее разрушительные из имеющихся возможностей разрешения конфликта. Отсюда – «обострение по мере продвижения...».

И сейчас мы, в принципе, находимся в сходной ситуации – на пороге глобальной развилки. Но – с гораздо более высоким уровнем технологий, с продвинутыми средствами как для драматического, так и для менее конфликтного разрешения нарастающих противоречий. И снова мы глобально отстаем в нооразвитии, хотя мыслящей частью человеческого общества для решения этой проблемы предложено много позитивного. Но в главном человек пока «недомысливает», не может он никак увериться, что открытые им коды культурного осознания общечеловеческих ценностей (не связанных с принципами «зоо»-поведения) есть истина – и истинный путь развития.

Если человечество сумеет эту ситуацию преодолеть «всем миром» (и только так!) в обозримой исторической перспективе, то для него откроется дорога к относительно бесконфликтному развитию по пути к новому индустриальному обществу следующего поколения. На ранних этапах оно тоже будет экономическим, но, решая иные, в иных критериях определенные, стратегические задачи, которым будет подчинено его развитие; этому же будут подчинены экономическая координация, трансформация отношений и институтов собственности, способы и формы удовлетворения потребностей, равно как их содержание и структура. Начнется продвижение в социальное пространство,

[2] Более того, у этой медали есть и другая сторона: наиболее подвержены мировым потрясениям, в частности пандемии-2020, страны, более интенсивно включенные в глобализационные процессы [12, 13].

лежащее по ту строну собственно экономических отношений. Это будет экономика, постепенно переходящая к новому качеству общественного бытия, к чистому удовлетворению потребностей. Там будет другая жизнь, другое отношение к ценностям, в частности, ценности человеческой жизни будут стоять выше, чем экономические. Сегодня мы, декларируя такой приоритет (уже – декларируя, это важно: вербальное выражение, формулирование ценностей предшествует их реальному воплощению! Вспомним: «...вначале было слово...»), вынуждены считаться с экономической реальностью, которая диктует соответствующее поведение. И вот уже, несмотря на пандемию, начинают «во имя спасения экономики» работать заводы, учреждения, предприятия – с риском для жизни работников и потребителей.

Почему это происходит? Современная экономика есть инструмент удовлетворения нынешних потребностей людей, доставшийся нам в наследство от предшествующего общественного устройства. Если без наличия альтернативы не задействовать этот инструмент, то произойдет разбалансировка механизма «добывания» и распределения общественного блага и удовлетворения потребностей. На практике это может обернуться не просто падением стоимости нефтяных фьючерсов на спекулятивных площадках или снижением ВВП, ростом безработицы и т. п., но истинными бедствиями – голодом, распространением болезней, смертью людей. Поэтому на данном историческом отрезке важной задачей является развитие экономики на самой передовой технологической основе с ориентацией на истинные нужды человека, с постепенным отказом от решения задач, диктуемых глобальным капиталом, и формированием альтернативной экономики НИО.2.

В качестве краткого отступления приведем пример, касающийся субординации экономических, социальных и духовных ценностей. В официальных документах зафиксировано, что Российская Федерация – это социальное государство. В социальном государстве экономика должна быть ориентирована на структуру общественных отношений, направленную на человека. Человек – это высшая ценность, человека надо развивать, повышать его культуру, его осознание себя как человека и т. д. Но для этого необходим материальный достаток, который даже при (разумном!) росте несимулятивных потребностей тем ближе, чем более продвинута технологически современная экономика. Именно поэтому стоит поддержать в целом позитивный тренд формирования задач развития российского общества, обозначившийся в последнее время в базовых документах властей России – развитие человека на основе повышения кондиций экономики с использованием современных прогрессивных и перспективных технологий.

Китай тоже строит «общество средней зажиточности», и здесь нет никакого противоречия между объявленными стратегическими «коммунистическими» идеологическими целями и избранной тактикой вкупе с современными «капиталистическими» экономическими инструментами. Китаю сначала надо сформировать условия, при которых все члены общества станут, как минимум, «среднезажиточными», имеющими «достаточный достаток»; получат гарантию на удовлетворение базовых потребностей, а потом – идти дальше, к удовлетворению более высоких потребностей. При этом формирование общественных потребностей более высокого уровня – в саморазвитии, творчестве, восприятии духовных ценностей и благ и т. п. – задача и стратегическая, и повседневная.

Идти по пути решения стратегической задачи – формирования новых общественных отношений, ноопотребностей – можно только через (1) удовлетворение не только в странах ядра, но и на полупериферии базовых потребностей на основе технологического

прогресса и с использованием самых мощных имеющихся сегодня экономических инструментов вкупе с (2) подтягиванием периферии к уровню развитых стран.

И это надо делать не так, как в Советском Союзе, где воспитывали «нового человека» и призывали к духовному развитию, но не обеспечивали удовлетворение базовых материальных потребностей. Этот путь ведет в тупик. Человека нужно сначала избавить от постоянного опасения за нерешенность материальных проблем, «приучить» его жить в парадигме достатка и лишь затем постепенно продвигать его духовное, нооразвитие. Одно без другого (несмотря на многочисленные позитивные частные примеры) в глобальном масштабе невозможно.

Пока человек не решит задачи перехода к НИО.2, необходимо «всей цивилизацией» стремиться предотвратить срыв в пучину глобальной катастрофы. Попытка такого курса реализуется в России, где социально-экономическое развитие нацелено как на повышение материального благосостояния, так и на прогресс в сферах здравоохранения, образования и воспитания, культуры; на развитие взаимопонимания и доверия, а внешняя политика демонстрирует приверженность разрешению противоречий путем достижения договоренностей и компромиссов, а не вооруженного противостояния (что не противоречит задаче обеспечения защиты интересов страны при возникновении конфликта).

Этот курс не простой, он требует усилий, настойчивости и чреват постоянным противостоянием с глубоко «въевшимися» в ткань экономики представлениями, правилами, нормами и институтами. Особенно трудно его реализовывать в условиях пандемии. России важно найти баланс между двумя классами потребностей: 1) при нормальном экономическом состоянии – сохранение достатка людей, недопущение резкого снижения качества их жизни; 2) сохранение здоровья и жизни каждого конкретного человека.

Проблема нахождения этого баланса актуальна для всех стран мира. Более того, когда речь идет не о сегодняшней ситуации, а о том обществе, которое будет через многие десятки лет, необходимо понимать, что этот баланс всегда должен соединять повышение материального благосостояния человека и сохранение его как человека.

Достижение этого баланса, его «постижение» является предтечей продвижения к нооообществу, а предпосылками такого перехода являются развитие материального производства на новой технологической основе и развитие человека, способного быть его ноореципиентом. Отсюда – императивы реиндустриализации экономики, цифровизации, внедрения технологий нового уклада, инновационного развития экономики России, приоритетного развития материального производства и т. д. – при непременном продвижении к социально более высокоорганизованному обществу и гармоничному развитию личности.

Список литературы

1. *Амин*, *С*. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин; пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Европа, 2007.

2. *Бодрунов*, *С. Д*. К вопросу о нооономике / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1 (59). – С. 4–8.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №1 (55). – С. 5–16.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

5. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика: онтологические тезисы / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4. – С. 6–18.

6. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооразвитие, а не бездумный рост / С. Д. Бодрунов // Вольная экономика. – 2018. – № 6. – С. 13.

7. *Бодрунов*, *С. Д.* Модернизация общественных институтов: базовая антикризисная стратегия России / С. Д. Бодрунов // Аэрокосмическое приборостроение России: сб. – Сер. 1. «Экономика авиаприборостроения». – Вып. 9. – СПб.: НААП, 2009. – С. 5–16.

8. *Бодрунов*, *С. Д.* Модернизация России – политический лозунг дня / С. Д. Бодрунов// Экономическое возрождение России. – 2012. – №4 (34). – С. 4–12.

9. *Валлерстайн*, *И.* После либерализма / И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

10. *Глазьев*, *С. Ю.* Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов / С. Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2. – С. 15–32.

11. *Гумилев*, *Л.* Passionarium. Теория пассионарности и этногенеза / Л. Гумилев. – М.: АСТ, 2016. – 936 с.

12. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения): сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2017. – 606 с.

13. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. – Т. 2. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения: сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова.– СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2018. – 672 с.

14. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. 3. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова.– СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. – 664 с.

15. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. 4. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества: сб. науч. тр./ под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020. – 422 с.

16. *Мавродес*, *С.* Гипотеза финансиализации в марксизме: шаг вперед или ложный путь? / С. Мавродес // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 68–81.

17. *Маркс*, *К.* К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 5–9.

18. *Рязанов*, *В. Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.

19. *Сифакис-Капитанакис*, *К.* Новые факторы глобальных финансов и финансиализация капитализма / К. Сифакис-Капитанакис // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 82–93.

20. *Файн*, *Б.* Финансиализация с марксистской точки зрения / Б. Файн // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 34–49.

21. *Фриман*, *А.* Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства / А. Фриман // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 37–60.

22. Farzanegan M.R., Feizi M., Gholipour H.F. (2020). Globalization and Outbreak of COVID-19: an Empirical Analysis. MAGKS Papers on Economics 202018, Philipps-Universitat Marburg, Faculty of Business Administration and Economics, Department of Economics (Volkswirtschaftliche Abteilung)

23. Sforza A., Steininger M. (2020). Globalization in the Time of COVID-19. CESifo Working Paper Series 8184, CESifo Group Munich.

24. Сайт Пагуошского движения ученых URL: https://pugwash.org/1955/07/09/statement-manifesto/.

S. D. Bodrunov. Global risks during the pandemic: practice corroborates the theory of noonomy. Approaching global crisis exacerbated by the coronavirus pandemic puts the world on the verge of a global catastrophe that can change our understanding of the economy, relation between the economy and society, human values, etc. These changes stem from the progress of technologies that leads to the emergence of a new industrial society of the second generation (NIS.2). During its transition to a new quality of public development, the humanity experiences contradictions between different technological modes, classes, social strata, etc. If the development of awareness lags behind evolving material conditions, conflicts become increasingly severe. Irrational resolution of conflicts during the transition to a new technological mode and a new public order can have catastrophic consequences in the modern context. Under such circumstances, increased tensions in all spheres of life are deemed logical. Other aspects of social behavior also undergo certain changes, e.g. the concept of public trust that is highly relevant during the pandemic. The public demand for trust will be satisfied thanks to humans perceiving their true values, which signals the transition to noo-social relations. The author emphasizes that the we should all come together as we move to a new development stage while maintaining the balance between increasing the general welfare and upholding the human condition.

Keywords: noonomy, pandemic, global risks, increased tensions, threat to human existence, area of knowledge, general cultural values, trust.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-15-32

С. Ю. Глазьев[1]

НООНОМИКА КАК СТЕРЖЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДОВ

Рассматривается формирование новых технологических, управленческих и социальных структур. Суть происходящего анализируется с точки зрения теории больших циклов: технологические сдвиги в экономике – с позиций теории длинных волн и лежащих в их основе технологических укладов; институциональные изменения – с позиций теории вековых циклов накопления капитала и лежащих в их основе мирохозяйственных укладов. Исходя из этого формируется концептуальный взгляд на переход к новому мировому порядку как формационный – от экономики товарного производства к экономике знаний, составляющей основу ноономики. Рассматриваются три прогнозных сценария перехода к ноономике.

Ключевые слова: технологический уклад, мирохозяйственный уклад, теория длинных волн, экономика знаний, ноономика, сценарий перехода к ноономике.

УДК 330.352

Основные определения

Происходящие в мире революционные технологические и институциональные изменения создают ощущение уже не конца истории, а конца света. Православные фундаменталисты усматривают в широко внедряемых в рамках карантинных мер цифровых пропусках признаки Апокалипсиса, в Израиле раввины заявляют о пришествии Мессии (Машиаха)[2], в Лондоне говорят о формировании мирового правительства[3]. Капиталисты после очередного краха финансового рынка рассуждают о новой реальности, вымогая у государства деньги на спасение бизнесов, а социалисты объявляют о конце капитализма.

Для точной интерпретации используемых нами понятий предлагаем их авторские определения.

Под **технологическим укладом** (ТУ) понимаются группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образую-

---

[1] *Сергей Юрьевич Глазьев*, министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: commission@yandex.ru

[2] В интервью Chamal News об этом заявил министр здравоохранения Израиля Яков Лицман.

[3] Об этом заявил бывший премьер-министр Великобритании Г. Браун // Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // РИА «Новости» (URL: https://ria.ru/20200328/1569257083.html - 28 марта 2020 г.).

щие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления [1].

Мирохозяйственный уклад – это система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения [2, 3].

Согласно определению С. Д. Бодрунова, создавшего теорию **нооономики**, под последней понимается неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Суть нооэтапа цивилизационного развития заключается в том, что не индивиды вступают в отношения друг с другом в процессе материального производства, а две разные сферы цивилизационной конструкции: производство (ноопроизводство, сводящееся к техносфере) и человеческое общество [4, с. 171].

Переход к нооономике, доказывает С. Д. Бодрунов, «будет основан на естественной, знаниевой и технологической революции. Такой переход будет осуществляться через прогресс знаний, интеллекта, ума, направляемых на все более полное удовлетворение растущих потребностей людей. Как раз возможность такого, все более полного, удовлетворения потребностей будет служить важнейшей предпосылкой снятия конфликтности перехода. И в то же время в структуре самих потребностей на первый план будут во все возрастающей степени выходить потребности истинно человеческие – в образовании, изучении мироздания, духовном развитии, культуре. На началах культуры будут преобразованы все стороны образа жизни человека – культуры физической, культуры отношений, культуры потребления…Ускоренное развитие человеческого знания будет вынуждать общество приноравливать скорость своего духовно-общественного развития к темпам развития технологического… Поэтому должно произойти сначала естественное «выравнивание долей» материальных и духовных потребностей, а затем и опережение роста потребностей духовных. Именно на такой – и только такой! – основе взойдет нооцивилизация. И нооономика, а не экономика, станет знаниеемким и «умным» способом удовлетворения потребностей и индивидов – членов нооообщества, и нооообщества в целом» [4, с. 121].

Теория нооономики уточняет появившееся в 1917 г. понятие постиндустриального общества[4], в котором подчеркивается роль НТП и интеллектуализации экономики. К этому понятийному ряду следует добавить определение **экономики знаний** как «модели развития постиндустриального общества или ступени развития постиндустриаль-

[4] Термин «постиндустриальное общество» впервые был применен в 1917 г. теоретиком английского либерального социализма А. Пенти. В 1958 г. это понятие появилось в статье американского социолога Д. Рисмена «Отдых и труд в постиндустриальном обществе». Но основоположником комплексной теории постиндустриального общества считается Д. Белл, который описал основные элементы этой теории в книгах «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1978).

ной экономики в связи с совершенствованием ИКТ, активным применением инновационных технологий в промышленности, глобализацией рынков» [5, с. 27].

В отличие от концепций постиндустриального общества и экономики знаний, которые отражают изменения, происходящие в структуре и факторах производства, не затрагивая производственные отношения, теория ноономики говорит о таком качественном скачке в развитии производительных сил, который вообще лишает содержания производственные отношения. Логика этого скачка исходит из предположения, что прогресс в автоматизации производства сделает ненужным участие в нем людей, которые смогут, наконец, избавиться от адамова проклятия[5]. Совершится долгожданный «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[6].

Действительно, уровень производительных сил уже сейчас позволяет прокормить более 20 млрд человек [6]. Доля работающих в сфере материального производства составляет менее четверти занятых и имеет тенденцию к снижению [7, с. 97, 98]. Одновременно сокращается доля занятых рутинным трудом в сферах управления, социального обслуживания, строительстве, инфраструктуре. Они замещаются роботами, алгоритмами, автоматизированными процессами. Можно предположить, что эта тенденция в обозримое время приведет к полному вытеснению всех нетворческих видов деятельности. И в этом царстве свободы от тяжкого труда производственные отношения будут замещены социальными. Однако это не означает всеобщего благополучия и гармонии. Неравенство в обладании собственностью, деньгами, властью создает сложные противоречивые отношения между людьми, которые могут оказаться антагонистическими.

Возможно, в будущем закономерности воспроизводства экономики как единой системы технико- и социально-экономических отношений прекратят свое действие. Но это может произойти только вследствие этого самого действия. Ниже закономерности долгосрочного экономического развития экстраполируем в будущее, чтобы выявить признаки ноономики в формирующихся новых технологических, социальных и экономических структурах.

Мировой кризис как процесс смены технологических и мирохозяйственных укладов

Охвативший мир кризис носит структурный характер, обусловленный кардинальными технологическими и институциональными изменениями.

В настоящее время происходит переход от пятого к шестому технологическому укладу (ТУ). В основе последнего лежит комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными и когнитивными, являются ключевым фактором роста нового ТУ. Его ядро расширяется с темпом около 35 % в год, формируя технологические траектории новой длинной волны экономического роста [8].

---

[5] «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» // Ветхий Завет, Бытие. Гл. 3.

[6] Из книги «Анти-Дюринг» (отд. 3, гл. 2) Фридриха Энгельса (1878).

Переход к шестому ТУ совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится еще на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребительским нуждам. Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, создаваемыми целевым образом, в том числе в целях многократного повышения прочности, износостойкости, надежности производимых из них изделий. В машиностроении на основе системы «нанокомпьютер – наноманипулятор» создаются сборочные автоматизированные комплексы и 3D-принтеры, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продления человеческой жизни[7]. Медицина получит в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне, предполагающие точную доставку лекарственных средств в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации. Трансгенные культуры многократно снижают издержки, повышают эффективность и улучшают потребительские качества фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы будут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность.

Одновременно с технологической революцией развивается социально-политическая. Происходит переход от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу, американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским[8]. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, больше не обеспечивает поступательное развитие производительных сил. Спустя четверть века после установления глобального доминирования США мировой рынок уже не обеспечивает расширенное воспроизводство институтов американского цикла накопления. На периферии американского цикла накопления возник новый центр быстро расширяющегося воспроизводства, который в сфере производства товаров превзошел США. Провал попытки последних усилить свои конкурентные преимущества путем организации трансокеанических зон свободной торговли свидетельствует о переходе нынешнего мирохозяйственного уклада в фазу упадка. По мере нарастания американской агрессивности – от торговой войны к применению биологического оружия – у стран ядра формирующегося нового мирохозяйственного уклада исчезают основания для дальнейшего поддержания финансовой пирамиды американских обязательств, составляющей основу аме-

[7] Автором настоящей статьи в 2016 г. зарегистрировано научное открытие «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации №65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

[8] Научная гипотеза С. Глазьева «Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов» (свидетельство №41-Н о регистрации Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством РАЕН, 2016 г.).

риканского цикла накопления капитала. Решение Китая о прекращении наращивания долларовых резервов обозначило предел бесконфликтного разрешения противоречия между расширенным воспроизводством американских долговых обязательств и глобальными инвестиционными возможностями. Этот процесс неизбежно приобретет в скором времени лавинообразный характер, что повлечет разрушение нынешнего мирохозяйственного уклада.

Современное развитие производительных сил требует новых производственных отношений и институтов организации глобальной экономики, обеспечивающих устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая экологические и космические.

На основе возвышения Китая и Индии формируется ядро нового мирохозяйственного уклада, что влечет реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Об этом же свидетельствует возрождение отвергнутых «вашингтонским консенсусом» институтов планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, промышленной политики, контроля за трансграничными потоками капитала и валютных ограничений.

Сочетая государственное планирование и рыночную самоорганизацию, государственный контроль за движением денег и частное предпринимательство, интегрируя интересы всех социальных групп вокруг цели повышения общественного благосостояния, КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя в мире по темпам экономического роста. Если в США, несмотря на пятикратное увеличение объема долларов за последнее десятилетие, экономика продолжает стагнировать, то КНР сочетает максимальные уровни монетизации экономики, нормы накопления и темпы ее роста. Ориентирующаяся на максимизацию текущей прибыли американская финансовая олигархия явно уступает по эффективности управления развитием экономики китайским коммунистам, использующим рыночные механизмы для повышения народного благосостояния за счет роста производства и инвестиций, а также индийским националистам, создавшим свой вариант интегральной системы управления развитием экономики с демократической политической системой.

Все страны (от Вьетнама до Эфиопии), идущие по пути формирования конвергентной модели, сочетающей социалистическую идеологию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством (регулируя последнее в целях повышения производства материальных благ), демонстрируют опережающее устойчивое развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран. Американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским, а центр мировой экономики смещается в Юго-Восточную Азию.

Новый мирохозяйственный уклад основан на принципах недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. Характерный для стран ядра интегрального мирохозяйственного уклада подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции и торговых эмбарго) дает развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Он принципиально отвергает применение силы, а также использование санкций во внешней политике.

Формируется новая, более эффективная по сравнению с предыдущими, система институтов воспроизводства экономики, центр мирового развития перемещается в Юго-Восточную Азию, что позволяет говорить о начале нового – азиатского – векового цикла накопления капитала. Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Вьетнам, Япония, Сингапур, Индия и Ю. Корея, принципиально отличающиеся от него политическим устройством и доминирующей формой собственности. Общими для них являются сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы, а также приоритет общенародных интересов над частными, что выражается в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Смена мирохозяйственных укладов до сих пор всегда сопровождалась мировыми войнами. Их провоцировал теряющий влияние глобальный лидер, чтобы удержать контроль за своей периферией в завершающей фазе жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада. И всегда заканчивалась появлением нового глобального лидера, превосходство которого обеспечивалось институциональными преимуществами нового мирохозяйственного уклада. Так, две мировых войны прошлого столетия опосредовали переход от мирохозяйственного уклада колониальных империй к имперскому укладу, который в завершающей фазе своего жизненного цикла приобрел форму либеральной глобализации. Движущей силой этого перехода было противоречие между быстрым расширением производства на американской и европейской периферии доминировавшей в системе мирохозяйственных связей Великобритании и возможностями последней по удержанию глобального контроля.

Происходящая эскалация мировой гибридной войны отражает стремление США любыми средствами и инструментами максимально оттянуть момент краха своей финансовой системы и перескочить на новую длинную волну роста до его наступления. Для этого они пытаются переложить бремя обслуживания своих обязательств на другие страны или вовсе их списать. Удержать контроль над нефтедолларами помогают войны на Среднем и Ближнем Востоке. Контроль над наркодолларами предполагает контроль над Афганистаном. Госпереворот на Украине и установление в ней антироссийского нацистского режима направлен на стравливание европейских стран НАТО с Россией и ослабление всех сторон конфликта ради усиления над ними контроля со стороны американской властвующей элиты с целью упрочения возможностей последней по ослаблению Китая. При этом контроль над Россией американские геополитики рассматривают как ключ к удержанию глобального лидерства.

Современная ситуация характеризуется наложением процессов смены технологических и мирохозяйственных укладов, следствием чего становится резонансное усиление кризисных явлений. Типичная для смены технологических укладов гонка вооружений с обострением военно-политической напряженности переходит в мировую войну, которая является закономерной фазой смены мирохозяйственных укладов.

С точки зрения исторических аналогий нынешнее десятилетие аналогично Великой депрессии, предшествовавшей Второй мировой войне. И хотя благодаря колоссальной денежной накачке эмитенты мировых валют смогли смягчить структурный

кризис и избежать резкого падения производства, экономики ведущих стран мира пребывают в состоянии длительной стагнации. Накопленные за десятилетие потери потенциального ВВП сопоставимы с ущербом от падения производства в 1930-е гг., которое было сравнительно быстро преодолено.

Разворачивающийся мировой кризис усугубляет экономическую ситуацию, и счет потерь ВВП в современный период, видимо, превысит провал в соответствующий период прошлого века. Если тогда выход из Великой депрессии произошел быстро и резко благодаря колоссальному увеличению государственного спроса вследствие милитаризации экономики в преддверии и в ходе мировой войны, то сегодня гибридная война ведется, главным образом, в сфере гуманитарных технологий и не нуждается в производстве большого количества оружия и военной техники. И, к счастью, она не сопровождается гигантскими потерями населения и материального богатства, что избавляет от роста расходов на восстановление. Вместе с тем не стоит недооценивать угрозы человечеству, возникающие в связи с глубокими структурными изменениями мировой экономики. Тем более в ситуации, когда агрессор преступил красную черту, открыв биологический фронт войны за гегемонию ценой угрозы самому существованию человечества.

В прошлом столетии властвующая элита Великобритании пыталась сохранить свою глобальную гегемонию за счет провоцирования войн между своими главными конкурентами: Японии против России; Германии с Австро-Венгрией против России и СССР; Японии против США. Чтобы сдержать развитие последних Британская империя даже ввела в 1930-е гг. эмбарго на импорт американских товаров. Сегодня то же самое пытается делать руководство США в отношении китайских товаров. Аналогичным образом американские спецслужбы провоцируют конфликты между своими главными конкурентами, подталкивая Вьетнам и Японию на конфликт с Китаем и выращивая русофобские режимы на постсоветском пространстве с целью разрушения исторической России.

В силу неумолимых законов мирового социально-экономического развития США обречены на поражение в развязанной ими торговой войне с КНР. Но американская властвующая элита будет бороться за глобальное лидерство всеми доступными ей методами, невзирая на международное право. Впрочем, последнее она уже разрушила: игнорируя нормы ВТО при торговой войне с Китаем; нарушая Устав ООН вооруженной агрессией на Балканах и на Ближнем Востоке, а также организацией госпереворотов в ряде стран Европы и Южной Америки; Устав МВФ – финансовыми санкциями против России; занимаясь разработкой биологического оружия, кибертерроризмом и наращиванием военного присутствия в других странах и в космосе вопреки международным конвенциям; спонсируя религиозный экстремизм и неонацизм с целью организации и манипулирования террористическими организациями; арестовывая имущество и похищая неугодных граждан других стран. В полном соответствии с теорией [9] эта война инициируется властвующей элитой США в целях удержания своей глобальной гегемонии в условиях появления в КНР на порядок более эффективной системы управления развитием экономики. Остается открытым вопрос: до каких пределов могут дойти американские лидеры в преступлениях против человечества в своем стремлении удержать господство?

Мировые войны существенно различаются применяемыми технологиями. Вторая мировая была войной моторов, давшей мощный импульс развитию автомобилестроения и промышленности органического синтеза, ставших ядром нового ТУ. К середине 1970-х гг. он достиг пределов роста, и начался процесс его замещения сле-

дующим ТУ, ядром которого стали микроэлектронная промышленность и информационно-коммуникационные технологии. Доктрина «звездных войн» и развернутая США гонка вооружений в ракетно-космической сфере дала мощный импульс росту этого ТУ, который продолжался вплоть до начала нынешнего столетия. Сегодня происходит процесс замещения этого уклада следующим, ядро которого составляют цифровые, нано- и биоинженерные технологии. Как и раньше, он стимулируется гонкой вооружений. Однако базисные технологии формирующегося нового ТУ существенно отличаются от предшествующих. Для стимулирования их разработки хорошо подходят высокоточное ракетное, целевое биологическое, кибернетическое и информационное когнитивное оружие, поражающее стратегические объекты, системы управления, население и сознание противника. Нетрудно заметить применение этих видов оружия в настоящее время: высокоточного оружия – в боевых действиях; биологического – в форме пандемии коронавируса; кибернетического – в кибератаках против объектов финансовой и энергетической инфраструктуры; когнитивного – в социальных сетях. При невозможности применения ядерного и химического оружия современная мировая война приобретает гибридный характер, когда широко используются финансовые, торговые, дипломатические приемы сокрушения противника. США используют свое превосходство во всех перечисленных сферах.

В прошлом столетии мировые войны шли за обладание территорией, во всяком случае со стороны главных агрессоров – Германии и Японии, провозгласивших своей целью расширение жизненного пространства для своих наций путем порабощения остального человечества. Нынешняя мировая гибридная война разворачивается властвующей элитой США за контроль над мировой экономикой, прежде всего за ее финансовой системой. Приватизировав функцию эмиссии мировой валюты, американская властвующая олигархия может эксплуатировать все человечество посредством обмена создаваемых ею фиатных денег на реальные материальные блага и активы. Целью ее агрессии является завершение процесса либеральной глобализации, в рамках которой во всех странах должны обеспечиваться свободное обращение доллара в качестве мировой валюты и обмен на нее всех национальных товарно-материальных ценностей и активов. Поэтому боевые действия в нынешней гибридной войне происходят не посредством применения танков, кораблей и самолетов, как это было в прошлом веке, а путем целевого использования финансовых инструментов, торговых ограничений, кибератак и манипулирования общественным сознанием. Вооруженные силы применяются на завершающей фазе боевых действий в карательных целях для окончательной деморализации поверженного противника, а биологическое оружие – для создания паники в целях дезорганизации управления и остановки экономической деятельности, в конечном счете – для обесценения активов миллионов инвесторов и граждан с целью их последующей скупки глобальным олигархатом.

Началом современного перехода к смене мирохозяйственных укладов следует считать крах мировой системы социализма [10]. Сегодня он вступает в завершающую фазу, в ходе которой должно произойти окончательное разрушение имперского мирохозяйственного уклада, перешедшего после распада СССР под контроль США, и переход к новому. Контуры последнего уже сформированы в Китае и других странах Юго-Восточной Азии, осваивающих институты и создающих системы управления воспроизводством экономики интегрального мирохозяйственного уклада. Их эффективность подтверждается не только динамикой макроэкономических показателей, но и успешным отражением американской агрессии в ходе гибридной мировой войны.

Нет сомнений в том, что китайская система регулирования воспроизводства экономики выйдет из этого кризиса еще более окрепшей. Ее денежные власти воспользовались декапитализацией финансового рынка, чтобы консолидировать национальный контроль над сегментами экономики, зависимыми от иностранных акционеров. Экономика Китая станет не только более эффективной благодаря падению цен на энергоносители и сырьевые товары, но и более привлекательной для иностранных инвестиций. Хотя падение производства вследствие остановки предприятий в течение эпидемии оценивается в 50…70 млрд долларов, оно быстро восстановится, в то время как США и ЕС только предстоит его пережить. При этом КНР удалось избежать банкротств системообразующих банков и предприятий, принадлежащих и поддерживаемых государством, которое полностью контролирует банковскую систему страны, ее транспортную, энергетическую и социальную инфраструктуру.

Дальнейшее развертывание мирового финансового кризиса объективно будет сопровождаться усилением КНР и ослаблением США. Существенно пострадают также страны, находящиеся на периферии американоцентричной финансовой системы (включая ЕС и Россию). Вопрос заключается только в масштабе этих изменений. При благоприятном стечении обстоятельств продолжающаяся более 10 лет великая стагнация экономики западных стран продолжится до тех пор, пока оставшиеся после схлопывания финансовых пузырей капиталы не будут инвестированы в производства нового ТУ, и они смогут «оседлать» новую длинную волну Кондратьева. При неблагоприятном ходе событий денежная накачка финансовой системы выльется в галопирующую инфляцию, что повлечет дезорганизацию воспроизводства экономики, падение уровня жизни населения и политический кризис. У властвующей элиты США останутся две возможности: 1 – смириться с утратой глобального доминирования и принять участие в формировании нового мирохозяйственного уклада; 2 – перейти к эскалации уже ведущейся ими мировой гибридной войны. И, хотя объективно победить в этой войне они не смогут, ущерб для человечества может быть катастрофическим, вплоть до летального.

Новый мировой порядок: сценарии перехода к ноономике

В прошлом веке в аналогичный период одновременной смены технологических и мирохозяйственных укладов развитие шло по трем глобальным политическим траекториям. В России после социалистической революции возникает прообраз нового мирохозяйственного уклада с коммунистической идеологией и тотальным государственным планированием. Через 15 лет для преодоления Великой депрессии в США реализуется Новый курс, формирующий другой тип нового мирохозяйственного уклада, с идеологией государства всеобщего благосостояния и государственно-монополистическим регулированием экономики. Чуть позже в Германии формируется его третий тип – с нацистской идеологией и частно-государственной корпоративной экономикой.

Все эти изменения происходят в завершающий период Британского цикла накопления капитала и лежащего в его основе колониального мирохозяйственного уклада. Занимая центральное место в мировой экономической системе, властвующая элита Великобритании пытается противостоять изменениям, подрывающим ее глобальное доминирование. Против СССР вводится экономическая блокада, для провоцирования массового голода разрешается импортировать из России только зерно. Против США вводится торговое эмбарго. В Германии поощряется антикоммунистический нацистский переворот, английские спецслужбы (в целях противостояния влиянию СССР) защищают и продвигают к власти Гитлера. С теми же намерениями и в ожидании высо-

ких дивидендов американские корпорации инвестируют большие средства в модернизацию германской промышленности [11].

Англичане применяют свою традиционную геополитику – по принципу «разделяй и властвуй», провоцируя войну между Германией и СССР. Они надеются повторить свой успех в развязывании Первой мировой войны, в результате которой произошло самоистребление всех основных конкурентов Великобритании в Евразии: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской и, окончательно, Китайской империй. Но сразу же после начала войны выясняется качественное превосходство Третьего рейха над всеми европейскими странами, включая Великобританию, в эффективности управления экономикой и мобилизации имеющихся ресурсов для военных целей. И хотя Великобритания, благодаря союзническим отношениям с СССР, оказалась в числе победителей, после Второй мировой войны она лишилась своей колониальной империи – более 90 % территории и населения.

Самой эффективной на тот момент оказалась советская система управления народнохозяйственным комплексом, которая совершила три экономических чуда: эвакуацию промышленных предприятий из европейской части на Урал и в Сибирь, за полгода отстроив новые промышленные районы; выход на запредельные для других стран параметры производительности труда и фондоотдачи, на порядок превысившие показатели объединенной фашистами Европы; стремительное восстановление после войны полностью разрушенных оккупантами городов и производственных мощностей.

Новый курс Рузвельта существенно повысил мобилизационные возможности американской экономики, что позволило США нанести поражение Японии в Тихоокеанском бассейне. В послевоенной Западной Европе у США не было конкурентов: бывшие колонии европейских государств стали зоной соперничества американских корпораций и советских министерств. Дальнейшее мировое развитие происходило в формате холодной войны двух мировых империй – советской и американской, имевших схожие технократические и диаметрально противоположные политические модели управления социально-экономическим развитием. Каждая из них имела свои преимущества и недостатки, но при этом кардинально превосходила по эффективности организации массового производства и возможностям мобилизации ресурсов систему семейного капитализма с беспощадной эксплуатацией наемных работников и рабов.

Аналогичная картина складывается в настоящее время. Формирующийся новый мирохозяйственный уклад также имеет три разновидности. Первая, сформированная в КНР под руководством Компартии Китая, характеризуется сочетанием институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы и демонстрирует потрясающую эффективность управления развитием экономики, на порядок превосходящую американскую систему. Это наглядно проявилось в многократно более высоких темпах развития передовых секторов промышленности за последние 30 лет и подтверждено результативностью борьбы с эпидемией.

Вторая разновидность интегрального мирохозяйственного уклада формируется в Индии – самой большой функционирующей демократии в мире. Основы индийской разновидности интегрального строя были заложены еще махатмой Ганди и Джевахарлалом Неру на фундаменте индийской культуры. Национализация банковской системы, проведенная правительством Индиры Ганди, позволила поставить управление финансовыми потоками в соответствие с индикативными планами развития экономики.

Правильно выбранные приоритеты дали толчок развитию ключевых направлений формирования нового технологического уклада, и сегодня Индия выходит на первое место в мире по темпам экономического роста. Как и в Китае, государство регулирует рыночные процессы в целях повышения народного благосостояния, стимулируя инвестиции в развитие производства и освоение новых технологий. При этом валютно-финансовые ограничения удерживают капитал внутри страны, а государственное планирование направляет предпринимательскую активность на производство материальных благ.

Третью разновидность нового мирохозяйственного уклада можно разглядеть в тумане нарастающей пандемии массового психоза. Из недр глубинного государства США инициируются заявки на формирование нового мирового порядка. На волне пандемии создаются институты, претендующие на управление человечеством. Фонд Б. Гейтса устанавливает контроль над деятельностью ВОЗ в части вакцинации населения. При этом вакцинация используется для продвижения давно разрабатываемой им технологии биологического программирования в целях сокращения рождаемости и тотального контроля над поведением прививаемых людей. В этой технологии сочетаются достижения биоинженерии и информатики: вакцинация сопровождается чипизацией, позволяя создавать любые ограничения жизнедеятельности людей.

Видимо, неслучайно Билл Гейтс, приближая нужный ему образ будущего человечества, неоднократно возвещал о надвигающейся пандемии[9]: в своем выступлении в 2015 г. он провозгласил, что мир «не готов к следующей эпидемии». В дискуссии об эпидемиях в 2018 г., организованной Массачусетским медицинским обществом и журналом New England Journal of Medicine, Гейтс предупредил, что пандемия может произойти в течение ближайшего десятилетия. 18 октября 2019 г. Центр безопасности в области здравоохранения при Университете имени Джона Хопкинса (именно по его ресурсу сейчас весь мир отслеживает эпидемию коронавируса) в партнерстве с Всемирным экономическим форумом и Фондом Билла и Мелинды Гейтс организовал мероприятие «Событие 201»[10] о реагировании на пандемию высокого уровня. Встреча была проведена как стратегическая игра, в ходе которой моделировался процесс распространения пандемии устойчивого вируса, передаваемого воздушно-капельным путем, а также при рукопожатиях и других тактильных контактах. Особенностью вируса, по сценарию стратегической игры, было отсутствие эффективной вакцины и избирательная смертность населения, в основном лиц с ослабленным иммунитетом.

Еще одним известным спонсором идеи мирового правительства как необходимого инструмента спасения человечества от угроз перенаселения и загрязнения Земли является Д. Рокфелллер. На предыдущем переломном этапе технико-экономического развития, когда мировая экономика погрузилась в кризис в связи с завершением жизненного цикла 4-го ТУ, он инициировал создание Римского клуба, выступив с докладом «Пределы роста»[11]. Сегодня тема самоограничения потребления ресурсов развиваю-

---

[9] Bill Gates has been warning of a global health threat for years (URL: https://www.businessinsider.com/people-who-seemingly-predicted-the-coronavirus-pandemic-2020-3)

[10] Центр безопасности в области здравоохранения при Университете имени Джона Хопкинса (URL: http://www.centerforhealthsecurity.org/event201/)

[11] «Пределы роста» (англ. The Limits to Growth) — доклад Римскому клубу, опубликованный в 1972 г. Содержит результаты моделирования роста человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов. В написании доклада принимали участие Донелла и Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс III.

щимися странами вновь актуализируется мировыми СМИ. На этот раз она дополняется угрозой самоуничтожения человечества невиданными ранее вирусами.

Прогноз Фонда Рокфеллера о вирусной пандемии, подготовленный десять лет назад, поражает точностью совпадения с нынешней ситуацией. В 2010 г. был обнародован доклад Фонда Рокфеллера и Глобальной сети бизнеса «Сценарии для будущего технологии и международного развития[12]». В одном из сценариев доклада с названием в духе спецопераций секретных служб США из голливудских блокбастеров – Lock Step («Замыкающий шаг») – по сути, представлено моделирование глобальной дестабилизации посредством пандемии вируса. В упомянутом докладе говорится: *«Во время пандемии национальные лидеры во всем мире усилили свои полномочия и установили строжайшие правила и ограничения…Даже после того как пандемия прошла, этот более авторитарный контроль и надзор за гражданами и их деятельностью остались и даже усилились. Чтобы защитить себя от распространения все более глобальных проблем – от пандемий и транснационального терроризма до экологических кризисов и растущей нищеты, лидеры во всем мире стали править более жестко».* Поскольку вирусы не знают государственных границ, напрашивается вывод о необходимости создания глобальных институтов регулирования человеческой жизнедеятельности.

Иными словами, третья разновидность нового мирохозяйственного уклада предполагает, по сути, формирование мирового правительства под руководством американской властвующей элиты в интересах финансового олигархата, контролирующего эмиссию мировой валюты, транснациональные банки и корпорации, глобальный финансовый рынок. Это – продолжение тенденции либеральной глобализации, дополненной авторитарными технологиями контроля за населением стран, лишенных национального суверенитета. В представлении традиционных конфессий – это сценарий «электронного концлагеря», предваряющего конец Света, описанный во многих антиутопиях.

Каждая из охарактеризованных выше разновидностей нового мирохозяйственного уклада предполагает использование передовых информационных технологий – ключевой фактор нового технологического уклада и материальную основу ноономики. Все они используют методы обработки больших данных и системы искусственного интеллекта, необходимые для управления не только безлюдными производственными процессами, но и людьми в системах регулирования экономики и социального поведения. Цели этого регулирования задает властвующая элита, способ формирования которой предопределяет сущностные характеристики каждой из разновидностей нового мирохозяйственного уклада.

В Китае власть принадлежит руководству Коммунистической партии, которая организует регулирование экономики в целях повышения народного благосостояния и направляет социальное поведение на построение социализма с китайской спецификой. Рыночные механизмы регулируются таким образом, чтобы в конкуренции побеждали наиболее эффективные производственно-технологические структуры, а прибыль была пропорциональна их вкладу в прирост общественного благосостояния. При этом в средних и крупных корпорациях, в том числе негосударственных, действуют партийные организации, контролирующие соответствие мотивов экономической деятельности моральным ценностям коммунистической идеологии. Поощряются повышение произво-

[12] Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockfeller Foundation, Global Business Network. May 2010.

дительности труда и эффективности производства, скромность и продуктивность руководителей и собственников. Наказываются злоупотребления доминирующим положением на рынке и спекулятивное манипулирование им, расточительность и паразитическое потребление. Для регулирования социального поведения разрабатывается система социального кредита: социальные возможности каждого гражданина будут зависеть от его рейтинга, который постоянно корректируется с учетом баланса хороших и плохих поступков. Чем выше рейтинг, тем больше доверия к человеку при устройстве на работу, продвижении по службе, получении кредита, делегировании полномочий. Эта своеобразная модернизация советской системы ведения личных дел, которые сопровождали человека на протяжении всей его трудовой жизни, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Ее главная проблемная зона – зависимость механизма формирования продуктивной элиты общества от искусственного интеллекта.

Вторая разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется демократической политической системой, различной в разных странах. Наиболее развита она в Швейцарии, где основные политические решения принимаются на всенародных референдумах. В большинстве стран она серьезно поражена коррупцией и подвержена манипулированию со стороны крупного бизнеса, который может быть патриотическим или компрадорским. Внедрение современных информационных технологий в систему выборов народных представителей может существенно повысить эффективность этой политической системы, исключив подтасовки результатов голосования и обеспечив равный доступ кандидатов к средствам массовой информации. Распределенность последних в блогосфере создает конкуренцию, повышающую их достоверность и объективность. При должном правовом обеспечении использования современных информационных технологий в избирательном процессе формируется автоматический механизм ответственности органов государственной власти за результаты своей деятельности в интересах общества. Чем образованнее и активнее граждане, тем эффективнее работает демократическая политическая система. Ее главная проблема – зависимость формирования властвующей элиты от кланово-корпоративных структур, не заинтересованных в прозрачности и честности выборов.

Наконец, третья разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется интересами финансовой олигархии, претендующей на мировое господство. Достигается оно благодаря либеральной глобализации, заключающейся в размывании национальных институтов регулирования экономики и подчинении ее воспроизводства интересам международного капитала. Доминирующее положение в структуре последнего занимают несколько десятков американо-европейских семейных кланов, контролирующих крупнейшие финансовые холдинги, силовые структуры, спецслужбы, СМИ, политические партии и формирующих «глубинное государство» [12]. Это ядро властвующей элиты США ведет гибридную войну со всеми не контролируемыми им странами, используя широкий арсенал финансовых, информационных, когнитивных и уже биологических технологий для их дестабилизации и хаотизации. Цель этой войны – формирование подконтрольной ему глобальной системы институтов, регулирующих воспроизводство не только мировой экономики, но и всего человечества посредством современных информационных, финансовых и биоинженерных технологий. Главная проблема – полная безответственность и аморальность такой политической системы, приверженность ее наследственной властвующей элиты мальтузианским, расистским и человеконенавистническим воззрениям. В процессе формирования нового мирового

порядка неизбежна конкуренция между этими тремя разновидностями нового мирохозяйственного уклада.

Итак, существует три прогнозных сценария перехода к ноономике. Общей для них материальной основой является новый ТУ, ядро которого составляет совокупность цифровых, информационных, биоинженерных, когнитивных, аддитивных и нанотехнологий. С их помощью создаются безлюдные, полностью автоматизированные производства, управляющие безграничными базами данных системы искусственного интеллекта, трансгенные микроорганизмы, растения и животные, клонируются живые существа и регенерируются ткани человека. На этой технологической основе формируются институты интегрального мирохозяйственного уклада, обеспечивающие сознательное управление социально-экономическим развитием как суверенных государств, так и, потенциально, человечеством в целом. Достигается это путем сочетания государственного стратегического планирования и рыночной конкуренции на основе государственно-частного партнерства. В зависимости от того, в чьих интересах осуществляется регулирование деятельности автономных хозяйствующих субъектов, формируется одна из рассмотренных разновидностей нового мирохозяйственного уклада. Первые две – коммунистическая и демократическая – могут мирно сосуществовать, конкурируя и сотрудничая на основе норм международного права. Третья – олигархическая – является антагонистической по отношению к первым двум, так как предполагает установление наследуемого мирового господства нескольких десятков американо-европейских семейных кланов, не совместимого ни с демократическими, ни с коммунистическими ценностями.

По какому из трех прогнозных сценариев пойдет эволюция человечества, зависит от исхода гибридной войны, развернутой американской властвующей элитой против суверенных государств. Главными целями американской агрессии являются Китай, ставший мировым лидером формирующегося нового мирохозяйственного уклада, и Россия, ракетно-ядерный щит которой нивелирует преимущества США в военно-политической области. Стратегическое партнерство России и Китая выступает непреодолимым препятствием на пути установления мирового господства финансового олигархата. Мощь последнего опирается на эмиссию мировых денег, возможности которой ограничены политической волей суверенных государств, способных создавать и использовать в международном сотрудничестве свои национальные валюты. Если Китай и Россия смогут сформировать независимую от доллара валютно-финансовую систему хотя бы для ШОС, исход мировой гибридной войны будет предрешен. Без подпитки своего платежного баланса бесконечной эмиссией мировой валюты американская империя быстро лишится своей военно-политической мощи.

Особенностью ноономики является ведущая роль знаний в управлении социально-экономическим развитием на национальном и глобальном уровнях. Как только механизм эмиссии мировых денег перестанет быть тайной для национальных денежных властей суверенных государств, доминирующему положению американо-европейских олигархических кланов на мировом финансовом рынке придет конец. Слабость их положения заключается в фиатной (фидуциарной) природе современных денег, покупательная способность которых основывается на доверии, формируемом государственной властью. Доверие к доллару базируется на военно-политической и экономической мощи США, которая быстро размывается по мере развертывания гибридной войны. Каждый акт американской агрессии приносит краткосрочные политические дивиденды, но ухудшает положение США в долгосрочном и даже среднесрочном плане.

Так, благодаря на порядок более высокой эффективности китайской системы управления развитием экономики, США обречены на поражение в инициированной Трампом торговой войне. Финансовые санкции против России подрывают доверие к доллару как мировой валюте. Очередной крах финансового рынка США разрушает американский центр накопления капитала. Вброшенный против КНР коронавирус наносит США куда больший ущерб, чем Китаю.

Возможно, в стремлении удержать глобальное доминирование властвующая в США олигархия решилась на применение когнитивно-биологического оружия. В точном соответствии со сценарием пандемии Фонда Рокфеллера, написанным еще в 2009 г., государства в панике блокируют передвижение людей и парализуют деловую активность. Паралич экономики вызывает резкое падение уровня жизни населения и расстройство государственных финансовых систем по всему миру. Обладающие монополией на эмиссию мировых денег связанные с ФРС США олигархические кланы предлагают послушным национальным правительствам финансовую помощь, а испуганному населению – спасительную вакцину. В дальнейшем в соответствии с планом Фонда Б. и М. Гейтсов поголовная вакцинация будет использована как инструмент биопрограммирования населения, соглашающегося с контролем глобальных институтов над рождаемостью и доступом к ресурсам обеспечения жизнедеятельности.

Вероятно, именно таков был замысел коронавирусной диверсии против Китая. Об этом говорят цепочка «странных» событий, начиная от сценария Фонда Рокфеллера и заканчивая частичной приватизацией ВОЗ Фондом Б. и М. Гейтсов, а также расследования деятельности глобальной сети американских секретных биоинженерных лабораторий. Однако китайская система мобилизации населения и здравоохранения оказалась гораздо эффективнее, чем на порядок более дорогостоящая американская. Провалилась попытка американских властей и СМИ обвинить в пандемии КНР. Китайское руководство, напротив, перехватило глобальную инициативу и оказывает другим странам помощь на фоне социального бедствия в США. В этом проявились преимущества создаваемого КНР интегрального мирохозяйственного уклада над системой глобального доминирования американо-европейской финансовой олигархии.

Нооономика будущего мирохозяйственного уклада

Из трех охарактеризованных выше сценариев формирования нового мирохозяйственного уклада вариант мирового правительства выглядит наименее вероятным. Хотя именно в его русле разворачивается мировая гибридная война, властвующая элита США обречена на поражение в силу более высоких мобилизационных возможностей КНР и незаинтересованности всех стран мира в этой войне. Ее можно не допустить формированием широкой антивоенной коалиции на основе создания автономной от доллара валютно-финансовой системы, заключения конвенции против кибертерроризма, формирования механизма контроля за исполнением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия (1975 г.).

При наиболее вероятном исходе мировой гибридной войны – не в пользу США – новый мирохозяйственный уклад будет формироваться в конкуренции коммунистической и демократической разновидностей, результаты которой будут определяться их сравнительной эффективностью в освоении возможностей и нейтрализации угроз нового ТУ. Эта конкуренция будет носить мирный характер и регулироваться нормами международного права. Все аспекты регулирования – от контроля за глобальной безопаснос-

тью до эмиссии мировых валют – будут основываться на международных договорах. Страны, отказывающиеся от принятия обязательств и международного контроля за их соблюдением, будут изолироваться в соответствующих сферах международного сотрудничества. Мировая экономика станет более сложной, восстановление значения национального суверенитета и разнообразие национальных систем регулирования хозяйственной деятельности будут сочетаться с фундаментальным значением международных организаций с наднациональными полномочиями.

Конкуренция коммунистической и демократической разновидностей интегрального мирохозяйственного уклада не будет антагонистической. К примеру, в китайской инициативе «Один пояс – один путь» с идеологией «единой судьбы человечества» участвует множество стран с различным политическим устройством. Демократические страны ЕС создают зоны свободной торговли с коммунистическим Вьетнамом. Ландшафт конкурентной борьбы будет определяться сравнительной эффективностью национальных систем управления. Все они столкнутся со следующими вызовами нового технологического уклада:

1. Массовое высвобождение занятых рутинным трудом, который будет замещен автоматическими системами управления как в материальном производстве, так и в сфере услуг. Этим людям нужно будет либо освоить новые творческие профессии, либо дать им возможность досрочного выхода на пенсию.

2. Раскол общества на креативный класс (людей, занятых творческой самореализацией) и прекариат (обслуживающий персонал и потребители). Для социальной гармонии между этими двумя группами должны работать социальные лифты и системы социального обеспечения, позволяющие малоимущим получать хорошее образование, а «малознающим» – нормальный уровень жизни.

3. Фрагментация общества по социальным сетям, дифференцированным в зависимости от мировоззренческих представлений, моральных ценностей и потребностей. Интеграция этих сетевых сообществ государством должна вестись путем гармонизации их интересов в достижении общих целей повышения общественного благосостояния.

4. Концентрация власти у ноократии, знания которой создают неограниченные возможности для использования потенциально опасных для общества технологий. Эти люди должны согласиться на ограничение свободы творчества в сферах, представляющих опасность для человечества, включая биоинженерию, ядерную физику, системное программирование, тонкую химию и т. п.

5. Размывание социальных групп, основанных на физическом ощущении солидарности вследствие аутизма и социопатии растущей части населения, замыкающейся в виртуальном пространстве. Этим людям необходимы особые условия выживания и самореализации, требующие соответствующих механизмов социальной адаптации. Их интеграция в социум становится важной задачей национальной безопасности.

6. Увеличение доли свободного времени вследствие высвобождения людей из трудоемких сфер деятельности. Для использования этого времени в созидательных целях необходимо развитие сфер творческой самореализации, не связанных с работой ради потребления. За порогом этого вызова открывается дверь в ноономику.

Вызовы современной технологической революции можно продолжать. Способные их принять и конструктивно использовать институты формируются в рамках интегрального мирохозяйственного уклада. Общим знаменателем его двух базовых разновидностей является ноономика, определяющая способность системы управления

создавать и регулировать автоматически воспроизводящиеся процессы социально-экономического развития. Эффективность демократической и коммунистической ипостасей интегрального мирохозяйственного уклада будет зависеть от нивелирования негативного влияния субъективных факторов управления и стимулирования их позитивной роли. Позитивный отбор этих факторов достигается посредством автоматически действующего механизма ответственности лиц, принимающих решения, перед обществом. В КНР экспериментируют с системой социального кредита, накладываемой на традиционную для Китая конфуцианскую этику. В Швейцарии развивают автоматические механизмы прямой демократии, заставляющие власть подчиняться постоянному народному контролю и волеизъявлению через референдумы.

Вероятнее всего, основная конкуренция между коммунистической и демократической разновидностями нового мирохозяйственного уклада развернется между Китаем и Индией, лидирующими сегодня по темпам экономического развития и претендующими (вместе со своими сателлитами) на добрую половину мировой экономики. Институты нового мирохозяйственного уклада на основе ноономики успешно формируются в Японии, Корее, странах АСЕАН. Остается открытым вопрос о будущем других стран, включая Россию, властвующая элита которых противодействует принципам ноономики. Без создания автоматически действующих механизмов ответственности власти перед обществом и эффективного кадрового отбора институты нового мирохозяйственного уклада в их демократической и коммунистической ипостасях создать невозможно. А без них нельзя освоить производства нового технологического уклада, требующие высокого профессионализма и социальной гармонии.

Ноономика снимает ресурсные ограничения в обеспечении материальных потребностей человечества. Современные аграрные технологии позволяют прокормить вдвое больше людей, чем сегодня проживает на планете. Энергетические технологии, особенно гелиоэнергетика, снимают проблемы ограниченности невоспроизводимых сырьевых ресурсов, а информационные технологии успешно заменяют человека при обработке огромного количества данных. Ограничения в социально-экономическом развитии связаны, прежде всего, с субъективными факторами управления: коррупцией, некомпетентностью, кумовством, жадностью и жаждой власти – несовместимыми с принципами ноономики и институтами нового мирохозяйственного уклада.

Список литературы

1. *Глазьев*, *С*. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018.

2. *Глазьев*, *С.* Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – №2. – С. 3–29.

3. *Глазьев*, *С.* Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов / С. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – №3. – С. 3–1.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

5. *Кузнецов*, *А. В.* Новая экономика и постиндустриальное общество: сопоставление понятий / А. В. Кузнецов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №2(140). – Экономика, вып. 18.

6. *Клюкин*, *Н. Ю*. Оценка биологической емкости агросферы с целью определения предельной численности населения земли / Н. Ю. Клюкин, В. А. Гутников // Государственное управление: электронный вестник. – 2018. – № 69. – С. 482–497.

7. *Зиновьев*, *А.* Запад / А. Зиновьев. – М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2000.

8. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. С. Глазьева и В. Харитонова. – М.: Товант, 2009.

9. *Глазьев*, *С.* Последняя мировая война. США начинают и проигрывают / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016.

10. *Швейцер*, *П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / П. Швейцер. – Минск, 1995.

11. *Higham*, *Ch.* Trading With The Enemy: An Expose of The Nazi-American Money Plot 1933–1949 / Ch. Higham. – New York, 1983.

12. *Коулман*, *Д.* Комитет 300. Тайны мирового правительства / Д. Коулман. – М.: ИД «Витязь», 2005.

S. Y. Glazev. Noonomy as the kernel for the formation of new technological and world economic modes. Sergey Glazyev considers the formation of new technological, administrative and social structures. The current situation is analyzed from the perspective of the theory of major cycles: technological shifts in the economy are considered from the standpoint of the long wave theory and underlying technological modes; institutional changes are assessed from the perspective of systemic cycles of accumulation of capital and underlying world-systems modes. On these premises, Glazyev formulates his conceptual view on the transition to a new world order as a formational shift from the economy of commercial manufacturing to knowledge economy that constitutes the foundation of noonomy.

Keywords: technological mode, world-systems order, long wave theory, knowledge economy, noonomy, scenario for transitioning to noonomy.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-33-44

А. Г. Аганбегян[1]

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ В СОВРЕМЕННОЙ КРИЗИСНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Дается оценка социально-экономической ситуации в России в условиях стагнации и коронавирусной пандемии. На основе анализа глубины кризиса определяются объемы и источники финансовых средств, необходимых для перехода к социально-экономическому росту. Подчеркивается приоритетность повышения доходов и платежеспособного спроса населения. Предлагаются стимулы и структурные реформы для возобновления экономического роста.

Ключевые слова: социально-экономическая ситуация, коронавирусная пандемия, глубина кризиса, стагнация, платежеспособный спрос, структурные реформы.

УДК 330.353

1. Оценка социально-экономической ситуации – переход от стагнации к структурному кризису

Коронавирусная пандемия в России возникла в марте 2020 г. – на два месяца позже, чем в Китае, и на месяц позже, чем в США и странах ЕС. На 4 мая число больных превысило 145 тысяч человек и в дальнейшем увеличивалось более чем на 10 тысяч в сутки.

Пандемия коронавируса приводит к тяжелым социально-экономическим последствиям: от 30 до 40 % всех занятых в странах с пандемией не работают; безработица увеличивается в 2…4 раза; миллионы представителей малого бизнеса – на грани банкротства. Страны выделяют значительные средства на борьбу с коронавирусом и его последствиями.

Очевидно, что глубина социально-экономического спада в России в связи с коронавирусом будет выше, чем при кризисе 2008–2009 гг. Тогда под руководством премьер-министра В. В. Путина была подготовлена и одобрена Думой антикризисная программа, подкрепленная крупными финансовыми мерами. На борьбу с кризисом были потрачены финансовые ресурсы, оцененные в 10,9 % ВВП, в том числе были использованы 211 млрд долларов из золотовалютных резервов, которые тогда составляли 597 млрд долларов. Эти средства пошли не только на дополнительное финансирование предприятий и организаций, но и на поддержание валютного курса.

[1] *Абел Гезевич Аганбегян*, зав. кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: ieie@ieie.nsc.ru

Сегодня недостаточно учитывается, что 63 % граждан России не имеют сбережений и счетов в банке, а 35 % всех предприятий и организаций страны являются убыточными и не могли покрыть свои затраты до начала пандемии. Большая часть населения и треть всех предприятий и организаций не имеют средств на покрытие убытков от коронавируса, и льготы им не помогут. Тем более что 30 % простаивающих предприятий отправили работников в неоплаченный отпуск. К тому же пособие по безработице в России крайне мало и не обеспечивает выживание семей, кормильцы которых лишены зарплаты.

В других странах пособия по безработице составляют обычно 60…65 % от среднего заработка. В развитых государствах в связи с коронавирусной пандемией неработающим выплачивается 2/3 от зарплаты, если они числятся на работе, но вынуждены самоизолироваться. Нужно также учесть, что у нас пособия, всякого рода выплаты, льготы и отсрочки получить непросто. Для этого надо предоставить соответствующие справки, которые при самоизоляции трудно получить. Обследование показывает, что даже предоставленные возможности выживания не дошли до значительной части населения.

На наш взгляд, нужны срочные глобальные меры, чтобы смягчить удвоение безработицы, не допустить увеличения бедности в 1,5…2 раза и сокращения доходов населения до 10 %.

Новый нефтегазовый кризис возник в начале марта, после отказа России заключить новое соглашение с Саудовской Аравией и странами ОПЕК по регулированию объемов добычи и экспорта нефти с целью поддержать цены на нефть, которые составляли 60…65 долларов за баррель. В ответ Саудовская Аравия и страны ОПЕК увеличили добычу и экспорт нефти, установив демпинговые цены. В короткий срок предложение нефти на рынке намного превысило спрос, и цены рухнули в 2–3 раза – в среднем до 20…30 долларов за баррель. К тому же в связи с распространением коронавирусной пандемии и замедлением развития экономики спрос на нефть (в том числе со стороны Китая) сократился примерно на 30 %. Экспортные цены на природный газ при сокращении объема его экспорта снизились в 1,8 раза. Объем экспорта газа в первом квартале в стоимостном выражении уменьшился более чем в два раза. В результате нефтегазовая выручка пока снизилась на 1 трлн рублей.

В целом, цены на нефть и газ обеспечивали примерно 8,5 трлн рублей из 20 трлн доходной части российского федерального бюджета. Теперь доходы составят 4…4,5 трлн рублей. Их доля с 40…50 % в прошлом формировании доходов федерального бюджета снизится примерно до 20 %. Нужно учесть и снижение объема добычи и экспорта нефти и газа в обозримой перспективе. К концу 2022 г. (по мнению ряда экспертов, к 2024 г.) цена на нефть Urals может подняться до 40 долларов за баррель. О цене 2019 г. (63,5 доллара за баррель) нам придется забыть.

Таким образом, Россия в основном освободится от «нефтегазовой иглы», но не благодаря замене в экспорте доли нефти и газа другими продуктами, а из-за снижения объемов и цен. Нефть и газ перестанут быть источником экономического роста, как это было в 1999–2008 гг., когда ВВП вырос на 90 %, и половина прироста была связана с восьмикратным увеличением цен на нефть и газ и возрастающей добычей углеводородного сырья. В этих условиях нам нужны новые источники социально-экономического роста.

2. Глубина кризиса в России и объем финансовых средств, необходимый для перехода к социально-экономическому росту

По нашей оценке, в 2020 г. объем ВВП России уменьшится на 7…8 %: на 50 % из-за коронавирусной пандемии и на 50 % из-за сокращения доходов от нефтегазового бизнеса.

Пандемия наиболее сильно повлияет на доходы и потребление населения, а снижение цен и объемов добычи нефти и газа – на снижение экономических показателей. При этом пандемия коронавируса наибольший урон нанесет в марте–августе, а возвращение к нормальной деятельности (особенно в сентябре–декабре) позитивно скажется на выходе из кризиса. А вот низкие цены на нефть – долговременный тренд. И хотя постепенно они восстановятся, потерянные доходы будут возмещаться очень медленно, в лучшем случае возместятся на треть до конца 2021 г. В итоге можно ожидать весьма продолжительного кризиса.

При выделении достаточных финансовых ресурсов на преодоление кризиса мы смогли бы в 2021 г. или в первой половине 2022 г. превзойти уровень 2019 г., а с 2023 г. устойчиво перейти сначала к 3...4 %-ному социально-экономическому росту, а через несколько лет – к 4…5 %-ному ежегодному росту. Чтобы добиться подобных результатов, нужно разработать антикризисную программу с объемом финансирования в размере 15…20 трлн рублей на ближайшие 1,5–2 года.

Главные драйверы экономического роста в индустриальной стране, которой является Россия, – инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, в его главную составляющую – сферу экономики знаний (включая НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Как известно, темпы социально-экономического роста зависят от доли указанных инвестиций и вложений в ВВП. В результате стагнации и снижения инвестиций доля последних в основной капитал у нас сократилась до 17 %, а доля вложений в экономику знаний – до 14 %. При таких параметрах экономический рост невозможен.

Основной капитал обеспечивает не менее 2/3 социально-экономического роста, и эта доля тем выше, чем значительнее отстает материально-техническая база страны от таковой в развитых странах. Чтобы добиться социально-экономического роста, нам нужно долю инвестиций в основной капитал повысить хотя бы до 22…23 %, а долю вложений в человеческий капитал (экономику знаний) – до 20 %. Тогда мы сможем устойчиво увеличивать ВВП примерно на 3 % в год. А если подтянуть долю указанных инвестиций и вложений в ВВП до 25 %, то темп можно будет удержать на уровне 4%.

Возникает вопрос, *где взять столь значительные финансовые средства*? Нам нужны новые серьезные источники средств, прежде всего внутри страны, поскольку из-за санкций нам ограничен доступ на мировой финансовый рынок.

Первый и главный источник средств – *банковские активы* (главный «денежный мешок» страны), которые в 2019 г. составляли 96 трлн рублей при ВВП 110 млрд рублей. Из этих средств на инвестиции в основной капитал в виде инвестиционного кредита ежегодно выделяется 1,5 трлн рублей. Половина этих средств приходится на иностранные банки в России, которые финансируют свои иностранные предприятия. И только 700 млрд рублей составляет инвестиционный кредит в основной капитал отечественных банков. Доля банковских инвестиций в основной капитал составляет 8 % в общих инвестициях. Можно сказать – самая низкая в мире; в развивающихся странах – 20…25 %, а в развитых – 40…50 %. В США, где длинные деньги формируются в избытке и на огром-

ных фондовых биржах, и в виде накопительных пенсий, и в виде страховых фондов, а также так называемых mutual funds, 42 % всех инвестиций составляют долговременный банковский кредит. В Германии инвестиционный кредит банков в основной капитал – 53 % от всех инвестиций.

Объем инвестиционного банковского кредита в основной капитал следовало бы увеличить вначале втрое, а через несколько лет – ещё в 1,5–2 раза. Столь крупные взносы нужны, чтобы начать массовое техническое перевооружение действующего производства, а также удвоить и утроить долю слаборазвитых (пока) высокотехнологичных отраслей (электроники и приборостроения, производства самолетов, кораблей, изделий атомной и космической промышленности, фармацевтики, современной, прежде всего синтетической, химии и др.). Эти средства нужны и на перестройку нашей транспортно-логистической инфраструктуры – переход на строительство автострад, скоростных железных дорог, крупных логистических центров, портов, аэропортов. Нам предстоит удвоить размеры инвестиций и в жилищное строительство, чтобы как можно быстрее выполнить задания Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. о ежегодном улучшении жилищных условий не менее чем 5 млн человек при ежегодном вводе нового жилья в 2024 г. 120 млн м^2 (2019 г. – около 80 млн м^2).

Инвестиционный кредит имеет преимущество перед другими формами инвестирования благодаря своей целенаправленности, возвратности, повышенной роли коммерческих банков (с их высококвалифицированными коллективами) в оказании помощи предприятиям. Инвестиционные банки должны участвовать в переговорах с производителями оборудования для инвестиционных проектов, следя за выполнением обязательств производителей и переводя деньги сразу на их счета. То же самое относится и к взаимоотношениям со строителями и т. д. Естественно, это инвестиционное кредитование в основном должно быть построено на принципах проектного финансирования, без залоговых сумм. Во многих случаях таким образом будут кредитоваться проекты государственной, федеральной или региональной значимости под гарантии федеральных или региональных органов для банков.

Ключевую роль будет играть *использование долговременного низкопроцентного кредитования граждан для получения ими профессионального образования при государственных гарантиях*, поскольку во многих случаях профессиональное образование платное. Это позволит способным и мотивированным людям для приобретения высокой квалификации получить качественное образование в лучших учебных заведениях, пройти стажировки на лучших предприятиях России и за рубежом. Речь идет обо всех видах профессионального образования – от подготовки квалифицированных рабочих до получения высшего образования (и дополнительного к высшему), в том числе для программистов или специалистов по информационным технологиям (потребность в которых у нас кратно больше, чем мы имеем), для аспирантов и даже докторантов. Лица, получающие профобразование, естественно, будут иметь более высокую зарплату, а следовательно, источник средств для возмещения кредита, особенно если он будет предоставляться на 10…15 лет в беспроцентном виде для отдельных важных для государства категорий либо по трехпроцентной ставке. Такое решение сыграет важную социальную роль – его реализация позволит нивелировать социальное неравенство, проявляющееся в различном доступе к образованию для бедных и богатых.

Такая практика распространена во многих странах. У нас тоже есть опыт кредитования образования. В частности, Сбербанк выдал на эти цели более 500 млн рублей. Если это делать всерьез, то масштабы кредитования должны измеряться не миллиона-

ми, а триллионами рублей, поскольку в таком образовании ежегодно нуждаются сотни тысяч граждан.

Другой важнейший источник средств – наши *золотовалютные резервы*, которые составляют около 570 млрд долларов. Около 150 млрд долларов составляет Фонд национального благосостояния. Но взаимообразно на проекты с 5...10-летней окупаемостью может быть потрачено ещё 100 млрд долларов при использовании по 15…20 млрд долларов в год. Оставшихся 300 млрд вполне достаточно для обеспечения безопасности нашей финансовой системы.

Третий источник – *средства предприятий и организаций*, которые сегодня формируют 60 % инвестиций – немного больше половины за счет амортизационного фонда и немного меньше за счет прибыли. Из 14-триллионной прибыли предприятий в 2019 г. на инвестиции было потрачено около 5 триллионов. Если отменить налогообложение с прибыли на ту часть, которая направляется на инвестиции в основной капитал, то предприятие не станет скрывать значительную часть своей прибыли, переводя ее в издержки, а будет заинтересовано в использовании этих средств как инвестиций. Прибавка может составить, как минимум, 1 трлн рублей. Одновременно нужно в 1,5–2 раза сократить сроки амортизации, как это сделал Рейган в своей программе «рейганомика», и ввести правила ускоренной амортизации. Тогда амортизационный фонд увеличится, что может дать прибавку инвестиций в размере 1 трлн рублей.

Четвертый источник дополнительных инвестиций – *приватизация части государственной собственности*, которая не выполняет государственные задачи, а используется только для коммерческих целей. Надо продолжить реформу приватизации РЖД, начать приватизацию Роснефти, Газпрома, крайне неэффективных хозяйственных организаций, занимающихся больше самообогащением, нежели выполнением госзадач. Примером может служить Москва, где с приходом нового мэра были приватизированы и Банк Москвы, и аэропорт «Внуково», и ещё многие объекты, позволившие получить дополнительно триллионные доходы.

Пятый источник – *возможность в ближайшее время печатать по 3–4 трлн рублей ежегодно*, что вряд ли вызовет заметную инфляцию, которая в России во многом носит немонетарный характер. Возможность этого связана со значительным замедлением скорости обращения денег в связи с самоизоляцией из-за коронавирусной пандемии и возникающим кризисом при снижении доходов населения.

Шестой новый источник – *крупный облигационный заем для населения,* готового на льготных условиях приобрести жилье, легковые автомобили, гараж, участок земли и т. д. Приобретатель займа в необходимых размерах в течение ряда лет сможет приобрести квартиру с предоставлением ему банковского займа по сниженной процентной ставке и на льготных условиях, например, с понижением цены за жилье на 20 % и более. Эти заемные деньги сразу станут источником дополнительного инвестирования строительства жилья, которое в этом нуждается, по низкой процентной ставке. И со стройорганизациями будет заключен контракт: мы вам – инвестиции по низкой ставке за счет средств облигационного займа, а вы через 2, 3, 4 года предоставляете под эти суммы квартиры со скидкой. Для строителей это может быть выгоднее, чем отмененное софинансирование гражданами жилищного строительства с предоставлением им жилья со скидками 15…20 %. Так же можно поступить и с инвестициями в автомобильную промышленность, в подготовку земельных участков для продажи и т. д.

Очевидный путь мобилизации дополнительных средств – *переход к дефицитному бюджету*. Как известно, дефицитные бюджеты имеют большинство стран мира,

и это правильно. Бездефицитный бюджет – это, как добровольный отказ предприятий от банковских кредитов. Важно тратить этот дефицит на окупаемые проекты, чтобы его возместить.

Если этих, на мой взгляд, вполне достаточных инвестиций окажется мало, то можно прибегнуть к *дополнительным займам государства* при увеличении крайне низкого внешнего и внутреннего долга, составляющего у нас меньше 15 %. Его можно повысить, скажем, до 40 % (нормативно безопасным считается долг в 60 %). Для сравнения: европейские страны только внешних государственных долгов набрали около 90 % от ВВП, а сейчас наберут ещё. США имеют 120 % только внешнеэкономического долга, который они собираются нарастить в связи с антикризисными мерами. А если взять общий долг (внешний и внутренний), то на сегодня долг Японии – 250 % ВВП (при наличии 1 трлн долларов золотовалютных запасов), а у Китая – 257 % (при наличии более 3 трлн долларов золотовалютного резерва).

Крайне важно эти займы государства использовать под окупаемые проекты, обеспечив гарантированность возврата этих долгов. Государство может получить такие заемные средства из золотовалютных резервов отдельных держав, от крупных инвестиционных фирм, крупнейших банков. При этом наше государство имеет хорошую репутацию, ибо новая Россия рассчитывалась по своим долгам в основном досрочно и в полном объеме.

3. Первоочередная задача – поднять доходы и потребление населения, вернуть растущий платежеспособный спрос

Эту задачу, естественно, надо рассматривать вместе с мерами по переходу к социально-экономическому росту, который невозможен без повышения доходов и платежеспособного спроса. Приоритетным здесь является *предотвращение значительного роста бедности населения* в период кризиса, а затем двукратное сокращение бедности в соответствии с задачей, поставленной в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. Очень важно также *подтягивание доходов среднего класса*, который существенно обеднел в условиях стагнации и потеряет много доходов в связи с кризисом. Эксперты оценивают долю среднего класса населения в России в 10…20 %. При этом около 10 % населения отвечает всем требованиям среднего класса, а 20 % соответствует большей части критериев. Именно эти две группы населения (бедных и среднего класса) являются главными потребителями отечественной продукции. Богатые семьи больше ориентируются на зарубежные товары и услуги...

Главным инструментом для повышения доходов населения может стать увеличение устанавливаемого государством *минимума заработной платы*. Подняв зарплату, скажем, осенью 2020 г., можно резко улучшить жизнь примерно 40 % населения, чьи доходы значительно сокращаются в период пандемии. Повышение минимума заработной платы в России с 12,1 до 20 тыс. рублей в месяц вынудит предприятия и организации повысить зарплату смежных групп населения (особенно группы с доходом в 20…30 тыс. рублей), чтобы избежать уравниловки.

Первоочередное повышение минимальной заработной платы (включая заработки, примыкающие к минимумальным) позволит существенно сократить бедность (ведь 65 % бедного населения России – работающие люди). Это даст возможность сократить социальное неравенство в доходах. В России, как известно, средний душевой доход 10 % богатого и зажиточного населения России составляет около 100 тыс. рублей в месяц, а 10 % бедного – около 6 тысяч. Разница – 15,5 раза. В Западной Европе эта разница

находится в пределах 10 раз, а в странах социально-демократической ориентации, Японии и даже Казахстане – 5–6 раз. Надо поставить задачу – снизить эту разницу к 2025 г. хотя бы до 10 раз, а к 2030 г. – до 5 раз. Кстати, в СССР она составляла три раза и увеличилась к 1990 г. до четырех раз.

На реализацию предложений, связанных с повышением минимального размера оплаты труда, необходимо до 8 трлн рублей, из них 5 трлн рублей для своих работников могут оплатить из собственных средств крупные предприятия и организации. Есть ли у них для этого ресурсы? Да, есть. По имеющимся данным, за два последних года (2018–2019 гг.) их сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) увеличился на 72 %, а заработные платы работников и инвестиции – менее чем на 20 %. При этом более чем в 1,5 раза выросли предпринимательские доходы указанных предприятий и организаций, на их счетах в отечественных банках аккумулировано более 30 трлн рублей, не считая сотен млрд долларов в офшорах и зарубежных банках. На них приходится 60 % численности работников, у которых повышается минимальная заработная плата, и они в состоянии профинансировать ее повышение. Тогда на долю государственных средств придётся три трлн рублей, которые будут израсходованы на повышение заработных плат сотрудников бюджетной сферы, работников убыточных предприятий и организаций, а также части предприятий малого и среднего бизнеса.

В связи с высоким ростом безработицы из-за пандемии Covid-19 крайне важно поднять размер пособия по безработице до 60 % от заработка, но не свыше 30 тыс. рублей в месяц. При этом с учетом ограничений следует организовать получение этих выплат на заявительной основе. Все данные для этого у государственных органов есть – в рамках «электронного государства» создана и налажена система электронного межведомственного взаимодействия. Подключение ее возможностей позволит без бюрократической волокиты оперативно поддержать материально людей, потерявших работу.

Перейдем к *пенсионному обеспечению*. Наиболее массовая и обездоленная часть населения страны – 46 млн пенсионеров, жизнь которых ухудшается в связи с ежегодным повышением возраста выхода на пенсию. Россия – одна из немногих стран, где средняя ожидаемая продолжительность *здоровой жизни* мужчин (61 год) намного ниже нового возраста выхода на пенсию – 65 лет. В западноевропейских странах показатель продолжительности здоровой жизни мужчин составляет 72–73 года при максимально высоком возрасте выхода на пенсию в отдельных странах в 67 лет. Поэтому важно, скажем, в 2021 г. (а не в 2024 г., как предусмотрено) повысить средний размер пенсий по старости с 14 до 20 тыс. рублей с соответствующим увеличением пенсий по инвалидности и другим социальным причинам. На реализацию этого предложения потребуется около 3 трлн рублей. Одновременно надо предоставить возможность людям, которые по здоровью или из-за трудностей с устройством на работу остаются без дохода, выходить на пенсию в 55 лет (женщинам) и в 60 лет (мужчинам) с предоставлением им пенсий существующего уровня, т. е. без учета предлагаемого повышения. В большинстве стран досрочный выход на пенсию с пониженной пенсией – обычная практика. Например, в Германии большинство людей выходят на пенсию за 2-3 года до официального пенсионного возраста, когда размер государственной пенсии наибольший.

Во вторую относительно бедную группу населения входит *значительная часть семей, проживающих в сельской местности и малых городах* (до 50 тыс. человек). Это почти 60 млн человек, чьи средние доходы составляют около 15 тыс. рублей на душу

(менее 50 % от среднего показателя по России) и только 1/3 от душевого дохода в крупных городах. На наш взгляд, следует разработать программу приоритетного повышения доходов этих семей (по 6–7 % в год). Частично это повышение автоматически произойдет, если принять предложения по увеличению минимума заработной платы и пенсий. Вместе с тем главное – увеличение доходов за счет создания условий на селе для форсированного развития производства сельхозпродукции, ее переработки и продажи по линии потребкооперативов, объединяющих фермерские хозяйства. На создание потребкооперативов, оказание помощи фермерам и наиболее активным семьям из личного подсобного хозяйства потребуется до двух трлн рублей и предоставление 3 %-ного займа (до трех трлн рублей). Ассоциация «Федеральный сельсовет» разработала конкретные предложения по этим вопросам.

Важнейшее дело – *снижение налогов с бедных семей*. Когда в России начнется ощутимый социально-экономический рост, например в 2023–2024 гг., можно провести реформу подоходного налога с граждан. Целесообразно полностью отменить этот налог с месячной зарплаты (дохода) до 30 тыс. рублей, а дальше на каждые 50 тысяч дополнительной месячной зарплаты (дохода) вводить повышенный налог на добавочную часть. При доходах от 30 до 80 тыс. рублей в месяц будет уплачиваться 13 %, а с дополнительных 50 тысяч – вначале 20 %, а потом – 25 и 30 %. Для лиц, на иждивении которых находятся дети, размер налога снижается в размере прожиточного минимума на каждого ребенка. В итоге повышенные налоги на богатых покроют расходы бюджета по отмене налогов для бедных.

Одновременно с повышением налогов на относительно высокие зарплаты (доходы) следует предоставить налоговые льготы при расходах на образование, здравоохранение и благотворительность. Нужно стимулировать вложение части зарплаты (доходов) на банковские счета, в совместные фонды, на накопительные пенсии, приобретение акций, облигаций и т. д. – на то, что может использоваться для долговременных вложений в основной капитал и в человеческий капитал, т. е. на экономический рост. Таким образом люди получат возможность разбогатеть, вкладывая все больше средств в социально-экономическое развитие страны.

Цель предлагаемых мер – повысить доходы бедных, сохранить и приумножить средний класс, который с каждым годом должен жить лучше, и заставить доходы богатых (в большей мере, чем сегодня) работать на социально-экономический рост страны.

4. Программы, стимулы и структурные реформы для возобновления социально-экономического роста

Главной мерой по коренному улучшению системы управления является, на наш взгляд, *перевод страны на пятилетнее и годовое планирование*, которое должно быть преобразовано применительно к новой экономической системе в России. Благодаря такому планированию Франция и Япония быстро восстановились после войны, а Южная Корея, будучи отсталой страной, в короткий срок стала передовой. Весьма ценным может оказаться и опыт Китая, который реализует сейчас 13-й пятилетний план с годовой разбивкой.

Именно отсутствие целенаправленного плана, прежде всего единой инвестиционной программы как его важнейшей части, разрозненные действия госорганов и ЦБ привели к стагнации в России. В течение трех лет (2013–2015 гг.) все инвестиции, контролируемые государством, сократились в среднем на 25 % (и бюджетные, и инвестиции крупных корпораций, контролируемых государством, и инвестиционный кредит

госбанков), в том числе государственные инвестиции (это – часть инвестиций, контролируемых государством) упали на 31 %. Это усугубило возникшую стагнацию и перевело в ее рецессию.

При наличии государственного плана и росте доходов предприятий и организаций страны в 2015–2016 гг. было бы невозможным сокращение реальных доходов, розничного товарооборота и конечного потребления домашних хозяйств на 10…15 %, в то время как экономика сократилась менее чем на 3 %, а промышленность, сельское хозяйство и транспорт даже выросли. Только отсутствием плана можно объяснить систематическое сокращение доли образования в валовом внутреннем продукте с 2008 г. почти на 15 %. В 2013–2015 гг. рост номинальной зарплаты из года в год сокращался, а потребительские цены выросли с 6,8 до 15,5 % за год, как и прибыли предприятий и организаций. В результате реальная зарплата за один 2015 г. снизилась на 9,5 %, зато предпринимательские доходы богатых и акционерные выплаты выросли. При плановой системе этого не может быть, потому что всегда планируется пропорциональный рост экономических и социальных показателей, прибыли предприятий и зарплаты. Невозможно, чтобы, как в 2018 г., прибыль минус убыток предприятий выросли на 46,6 %, а номинальная зарплата – на 11 %. При наличии плана было бы невозможно с 2015 г., когда мы вводили 85 млн м^2 жилья, при преодолении рецессии и росте ВВП на 5 % за 2017 и 2018 гг. сократить ввод жилья на 10 млн м^2 при задании его нарастить в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. Такие примеры можно приводить без конца.

Важнейшим разделом плана должен стать план научно-технологического развития с конкретными целевыми показателями и выделенным для них финансированием при программно-целевом управлении. По каждому ключевому технологическому направлению должны быть головной научно-производственный комплекс, научный руководитель и реализующее этот проект агентство.

В области технологического перевооружения производства нужно в первую очередь заняться машиностроением, чтобы осуществлять перевооружение народного хозяйства в значительной мере на собственной материально-технологической базе, а не за счет преобладающего здесь импорта. Приоритеты – развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего производство современных полупроводников и компьютерной техники; биотехнологии с фармацевтикой на ее базе и высокотехнологичной химии, в первую очередь производство и использование современных синтетических материалов.

Решающую роль в финансировании этих программ могут сыграть долгосрочные низкопроцентные инвестиционные кредиты наших банков. *Центральный банк* должен превратиться в банк социально-экономического развития и подчинить свою деятельность именно этой задаче.

Необходимо создать новую современную техническую базу экономики со средним износом основных фондов 25…30 % (в настоящее время – около 50 %) и средним сроком службы машин и оборудования 7–8 лет (сегодня 15 лет), как в самых передовых странах.

В то же время с каждым годом будет возрастать роль *человеческого капитала* – экономики знаний как источника социально-экономического роста. Эта сфера у нас резко отстает. В науку мы вкладываем около 1 % ВВП против 2–3 % в Китае и развитых странах; в образование – около 5 % в сравнении с 8 % в передовых странах. По финансированию образования по доле расходов в ВВП на эти цели Россия занимает 120-е место среди 200 стран мира. Доля информационно-коммуникационных техноло-

гий в ВВП у нас 3,9 % против 11 % в США и 10 % в Китае. В Указе Президента поставлена задача в три раза увеличить эту долю. Следовало бы финансирование науки в России довести до 2,5 % к 2025 г. и 3 % к 2030 г. (как было в СССР). Соответственно предстоит увеличить долю затрат на образование до 8 % к 2025 г. и 12 % к 2030 г. (в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда по международным рейтингам наше образование занимало 3-е место в мире, мы тратили на него 11 % национального дохода).

На *здравоохранение* Россия направляет около 5 % ВВП против 10 % в Европе и 17% в США. По финансированию здравоохранения по доле его расхода в ВВП Россия занимает 140-е место среди 200 стран. По уровню смертности на 100 тысяч человек (для населения трудоспособного возраста) в России показатель втрое выше, чем в развитых странах, а по сердечно-сосудистым заболеваниям – вчетверо выше. По уровню экономического развития Россия занимает 45-е место среди 150 стран мира, по средней ожидаемой продолжительности жизни – 90-е, а по качеству здоровья населения – 119-е (оценка ВОЗ). Следует поднять расходы на здравоохранение в ВВП до 9 % к 2025 г. и до 12 % к 2030 г. Этот вопрос особенно актуален в свете коронавирусной пандемии, в ходе которой мы убедились в огромных возможностях нашей страны.

Экономика знаний в России, доля которой в ВВП составляет 14 %, должна ускоренно развиваться и достичь 25 %-ной доли к 2025 г. и, как минимум, 30 %-ной – к 2030 г.

Самое важное – *создать условия для перехода к форсированному росту* инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал для подъема экономики на базе технического перевооружения.

Ключевую ставку Центрального банка надо за два года снизить до 3–4 %, а главное – привести реальные процентные ставки кредитования бизнеса и населения в соответствие с размерами этой ключевой ставки. Нужны серьезные стимулы, чтобы побудить банк в крупных размерах использовать инвестиционный кредит. Для этого им нужно возмещать пониженные ставки за счет государственных средств, установить льготы и приоритеты для банков, которые занимаются этим жизненно важным делом. С другой стороны, важно заинтересовать предприятия в массовом использовании низкопроцентных кредитов и за счет этих средств осуществить технологическое перевооружение.

Ещё раз подчеркнем, крайне важен массовый небюрократизированный *переход к беззалоговому проектному финансированию*. По значимым объектам государство и регионы должны давать банкам госгарантии по возврату кредитов и осуществлять всемерную помощь соответствующим предприятиям и организациям.

Нам надо *перестраивать всю структуру экономики*: резко снизить долю добывающих отраслей, повысить глубину переработки сырья и материалов, развивать безотходное производство, ввести жесткую экономию и четкий курс на повышение эффективности использования труда, капвложений, энергии, сырья и материалов. Курс на технологическое перевооружение преобразует шаг за шагом структуру экономики, сделает ее современной. Труднее изменить структуру экспорта, поднять долю готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, увеличить удельный вес продукции и услуг высокотехнологичных отраслей.

Для этого нужно создать соответствующие стимулы, беря пример с Индии, которая, приняв постановление о стимулировании экспорта, добилась его трехкратного увеличения во многом за счет ставки на экспорт информационных услуг и массовой разработки востребованной США и другими развитыми странами математических программ.

Индия экспортирует их на сумму более 120 млрд долларов в год, уступая только США. Она нарастила число программистов до 3 млн человек, создала 8-миллионный город Бангалор – центр IT.

На пути массового инвестирования и экономического роста будут возникать многочисленные препятствия. Многие организации, органы власти на местах будут стараться использовать часть крупных выделяемых средств на другие, более близкие цели. Поэтому нужны *институциональные меры*, например, против удорожания земли, если по ней прокладывается трасса; повышения цен и желания взять дополнительные средства на инфраструктуру при массовом жилищном строительстве и т. д. Для создания мощных стимулов и устранения препятствий для социально-экономического развития необходимы *структурные реформы*.

В первую очередь целесообразно провести *реформу собственности* – провозгласить частную собственность священной и неприкосновенной. За сохранение и преумножение этой собственности должны нести ответственность все государственные структуры, в том числе силовые ведомства (как в других рыночных странах). При нанесении ущерба частному сектору все структуры несут персональную и финансовую ответственность, возмещая убытки в кратном размере (часть полученных средств может поступать в бюджет). Необходимы массовая приватизация и сокращение доли предприятий и организаций, контролируемых государством, в создании ВВП с 71 % хотя бы до 45 %.

Другая важнейшая реформа – *финансовая*, в первую очередь *реформа банковской системы*. На протяжении нескольких лет почти не растут объемы кредитования предприятий и организаций, не говоря уж об инвестиционном кредитовании, которое находится в загоне. Как известно, ЦБ должен руководить внебанковскими финансовыми организациями, связанными с фондовым рынком, страховыми, пенсионными, совместными фондами и т. д. В других странах эти фонды играют огромную роль в развитии экономики, поскольку там формируются длинные деньги, черпаются инвестиции и другие долговременные вложения. Почти во всех развитых странах эти внебанковские фонды в целом превышают валовой продукт. В США они в разы больше даже банковских активов. В России этот сегмент финансового рынка не развит, что лишает нас длинных денег. В этой связи целесообразно снять с Центробанка функции мегарегулятора и выделить специализированное агентство или иной орган, который будет регулировать этот важнейший сегмент финансового рынка.

Третье важнейшее направление структурных реформ – *перевод большинства субъектов Федерации на самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление*. На примере борьбы с коронавирусной эпидемией мы ещё раз убедились, что нельзя из Москвы управлять серьезным делом на всей территории России, что регионы находятся в совершенно других условиях, чем Москва. И вникнуть во все эти условия из Москвы, когда этих регионов 85, невозможно. Поэтому, когда нас прижало с коронавирусом, мы вынуждены были предоставить регионам большую самостоятельность – право самим решать, вводить карантин (и насколько жесткий) или нет, вводить пропуска для автомобилей или нет, закрывать предприятия или нет и т. д.

Чтобы обеспечить в России социально-экономическое развитие, нужны мощные стимулы для каждого региона. И первый шаг – это перевод большинства субъектов Федерации на самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление.

Второй шаг касается административно-экономического деления России. Сегодня существует 85 совершенно несопоставимых субъектов Федерации, некоторые из кото-

рых, в принципе, не могут быть самоокупаемыми. Эта система, введенная в 1926 г., с мелкими поправками дожила до сегодняшнего дня. Ее нужно заменить новой продуманной системой, с крупными не только автономными республиками, но и губерниями с серьезными правами.

Конечно, в регулировании нуждается многое и в социальной системе России – в образовании, здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве с его приватизацией и в пенсионном обеспечении. Но эти структурные реформы надо начинать, когда будет налажен устойчивый экономический рост, люди почувствуют реальное улучшение своей жизни, сокращение социального неравенства, более полное осуществление справедливости и свободы.

A. G. Aganbegyan. Suggestions on socioeconomic development in the context of the current crisis. Abel Aganbegyan assesses the socioeconomic situation in Russia amidst the stagnation and coronavirus pandemic. Based on his analysis of the depth of the crisis, the author determines the scope and sources of funding required for the transition to socioeconomic growth. The article emphasizes the importance of prioritizing an increase in public income and purchasing power and suggests stimuli and structural reforms than can help revive economic growth.

Keywords: socioeconomic situation, coronavirus pandemic, depth of the crisis, stagnation, purchasing power, structural reforms.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-45-58

Р. И. Нигматулин[1], *Б. И. Нигматулин*[2]

ПАНДЕМИЯ. МИРОВОЙ КРИЗИС. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Анализируется влияние на социально-экономическое развитие России пандемии коронавируса и мирового кризиса, который характеризуется тремя показателями: 1) ростом инфляции; 2) потерей рабочих дней; 3) падением цен и спроса на экспортные товары. Приведены расчеты падения ВВП из-за снижения цен на углеводороды по трем сценариям (оптимистическому, базовому и тяжелому). Предлагаются меры по смягчению последствий кризиса.

Ключевые слова: мировой кризис, пандемия коронавируса, социально-экономическое развитие, оптимистический, базовый и тяжелый сценарии, меры по смягчению воздействия кризиса и последствий пандемии.

УДК 330.352

На седьмом году стагнации Россию постигли две беды: коронавирусная пандемия, охватившая весь мир, и мировой экономический кризис, спровоцировавший резкое снижение мировых цен на углеводородное сырье и топливо. Для российской экономики эти события особенно болезненны. Наша страна в последние шесть лет либо переживала экономический кризис (2014–2016 гг.), либо имела слабый экономический рост (около 1 % в год[3]) в 2017–2019 гг. В 2019 г. уровень доходов населения (в сопоставимых ценах) снизился на 6 % по сравнению с 2013 г.

Это тем более прискорбно, что в России среднедушевой ВВП, пересчитанный в доллары по паритету покупательной способности[4] ($ППС = 25,5 рублей в ценах 2019 г.), низок в европейском масштабе. Он заметно ниже, чем в странах Восточной и Центральной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Словения[5]), и даже, чем в республиках Прибалтики (Литва, Эстония, Латвия). У нас в *два раза* ниже уровень

---

[1] *Роберт Искандрович Нигматулин*, научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова, член Президиума РАН, заведующий кафедрой механико-математического факультета МГУ им. М. В, Ломоносова, академик РАН, профессор, д-р физ.-мат. наук, e-mail: nigmar@ocean.ru.

[2] *Булат Искандрович Нигматулин*, генеральный директор Института проблем энергетики, профессор, д-р техн. наук, e-mail: nb@geotar.ru.

[3] А потери от аварий, катастроф и старения основных фондов составляют более 1 % ВВП.

[4] Именно по $ППС, соотнесенному с ценами в стране, а не по банковскому курсу ($ЦБ = 75 рублей) надо сравнивать доходы населения в разных странах. Кстати, по банковскому курсу наши зарплаты выглядят неадекватно ничтожными.

[5] За исключением Румынии, Болгарии, Украины и Белоруссии.

социальных затрат государства, определяемый долей ВВП на развитие человека (образование, здравоохранение, наука и культура). Из-за этого общий коэффициент смертности (число смертей на 1000 человек) у нас 12,4, что больше, чем в новых (10,7) и старых (9,3) странах Европы, а также в РСФСР в 1980–1990 гг. (10,9).

Несмотря на декларации и призывы, экономика России так и не сошла с «нефтяной иглы», в ней не построен внутренний механизм выхода из кризиса и послекризисного подъема. Все предыдущие выходы из кризиса связаны с восстановлением мировых цен на нефть. Последнее достаточно ярко проявилось в 2010–2013 гг., когда выход был обусловлен почти двукратным ростом мировой цены нефти[6]. Именно за счет этого наша страна восстановилась и превысила лучшие докризисные показатели по экономике и в социальной сфере.

Сегодняшний кризис характеризуется тремя показателями: 1) ростом инфляции; 2) потерей рабочих дней; 3) падением цен и спроса на экспортные товары, в которых 90 % занимают сырье и полусырье.

1. Рост инфляции

В Приложении 1 (п. 1.1) принят сценарий, при котором в 2020 г. среднегодовой курс доллара будет равняться 73,0 рублям, т. е. вырастет с $\$_{ЦБ}$ = 64 р. в 2019 г. на D $\$_{ЦБ}$ = 9 р. (на 14 %). А доля импорта товаров и услуг в ВВП сохранится на многолетнем уровне (20 %), и внутренние инфляционные факторы будут сдержаны. В результате инфляция в 2020 г. увеличится на 0,2 × 14 % = 2,8 % к уровню инфляции (3,0 %), заложенному в федеральном бюджете[7] на 2020 г. (составит до 5,8 %).

Рост инфляции может быть выше из-за дополнительного падения курса рубля, роста внутренних цен, обусловленного падением ВВП, но, с другой стороны, ниже из-за падения потребительского спроса. Правительство и ЦБ постараются сдержать эти процессы. В 2020 г. инфляция будет на уровне 4–5 % (см. прил. 1, п. 1.1).

2. Падение ВВП из-за установления режима нерабочих дней

Для оценок режим нерабочих дней (каникул) принят равным 8 неделям (40 дней), составляющим 16,5 % от количества рабочих дней в году. Тогда падение ВВП можно представить состоящим из трех слагаемых (см. прил. 1, пп. 1.2–1,6):

первое – снижение производства товаров и услуг в компаниях с существенным электропотреблением или связанных с электрогенерацией, составит 2,5 % ВВП, или 2,7 трлн рублей (в ценах 2019 г.);

второе – снижение производства на малых и средних предприятиях (МСП), занятых в сфере услуг с малым электропотреблением, оно равно 2,6 %, или 2,8 трлн рублей в ценах 2019 г.;

третье слагаемое из-за последействия «каникул» связано с падением покупательского спроса обедневшего населения, с проблемами оплат между смежными предприятиями, отсутствием или дефицитом средств для закупки материалов, комплектующих и т. д. Это – плюс еще не менее 1,5–2 % ВВП.

---

[6] Цена марки Brent поднялась с 60 долларов (2009 г.) до 110 долларов (2012 г.) за баррель.

[7] Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

В итоге за счет потери 40 рабочих дней и их последействия «каникул» падение годового ВВП составит 7 %.

В последние годы доля денежных доходов населения России составляла в среднем 56 % от ВВП. Тогда падение доходов населения из-за «каникул» равно 0,56 × 7 % = 4 % ВВП, или 4,5 трлн рублей в ценах 2019 г.

3. Падение ВВП из-за снижения мировых цен на нефть и газ

Снижение мировых цен и мирового спроса на углеводородное топливо (нефть, нефтепродукты, природный газ) и другое сырье российского экспорта (уголь, металлы, древесина, целлюлоза, удобрения, зерно и др.) – самая крупная компонента падения нашего ВВП. Для его оценки рассмотрены три сценария.

Маловероятный *оптимистический сценарий* основан на оценках Президента РФ и Правительства РФ в начале апреля 2020 г.: падение цены на 35 % (с 63,6 до 42 долларов за баррель) и сокращение объема экспорта углеводородов на 10 % (см. прил. 1, п. 1.5). Расчет этого сценария с учетом снижения цены и объема экспорта других товаров на 10 % показывает падение ВВП из-за сокращения экспортной выручки на 8 %.

Этот сценарий, как показывают последние события на нефтяном рынке, *маловероятен*.

Расчет *по базовому сценарию* (27 долларов за баррель, сокращение объема экспорта углеводородов на 15 %) и снижение цены на экспорт других товаров и их объема на 10 % даст падение ВВП в 2020 г. из-за сокращения экспортной выручки на 12 %.

Тяжелый сценарий (20 долларов за баррель, снижение объема экспорта углеводородов на 20 %) и сокращение цены на экспорт других товаров и их объема на 20 % даст падение ВВП на 15 %.

Все приведенные оценки о нефтяном рынке относятся только к 2020 г. С 2021 г. спрос на углеводороды и цены должен постепенно восстанавливаться.

4. Полное падение годового ВВП и доходов населения

Падение ВВП в 2020 г. из-за потери 40 рабочих дней и сокращения экспортной выручки по базовому сценарию составит 7 % + 12 % ≈ 19 % ВВП 2019 г., что равно 21 трлн рублей в ценах 2019 г.

Выше упоминалось, что в последние годы доля денежных доходов населения составляла в среднем, 56 % ВВП. Падение ВВП на 19 % уменьшит денежные доходы всего населения страны по базовому сценарию в 2020 г. на 11 % (0,56 × 19 %) относительно 2019 г., а относительно 2013 г. эти доходы будут ниже на 17 % (11 % + 6 %).

Не исключено, что социально-экономические потери будут еще больше, поскольку воздействие пандемии на экономику не ограничится 8 неделями, а среднегодовая цена нефти в 2020 г. может дойти и до 20 долларов за баррель (тяжелый сценарий, см. прил. 1, п. 1.6). Эти два фактора приведут к тому, что снижение ВВП без существенного изменения подхода президента и правительства к компенсации потерь превысит 22 %.

Представленные оценки свидетельствуют о тяжелом положении российской экономики не столько из-за удара пандемии *по нашей экономике*, сколько из-за удара пандемии по *другим странам*, что вызвало мировой экономический кризис и падение спроса на российское сырье. Рассчитанное по базовому сценарию падение ВВП в 2020 г. на 19 % существенно выше, чем в 2009 г. (7,8 %) и намного выше падения ВВП (по прогнозу

МВФ[8]) в странах Европы, Северной Америки (6…9 %) и мира (3 %). В России основное падение ВВП связано с потерей выручки от экспорта сырья и полусырья (12 из 19 %). В большинстве европейских стран удешевление сырья даже уменьшит уровень падения ВВП и облегчит им выход из кризиса, хотя во многих странах (США, Италия, Великобритания, Испания, Франция и др.) пандемия проходит гораздо тяжелее, чем у нас.

5. Потери государственного бюджета России из-за падения ВВП в 2020 г.

Консолидированный государственный бюджет РФ состоит из суммы федерального и регионального бюджетов, а также внебюджетных фондов. За последние 10 лет его доля в ВВП изменялась мало и в среднем составляла 34 %.

Тогда по *базовому сценарию* потери консолидированного бюджета в 2020 г. будут равны 6,5 % (0,34 × 19 %), или 7 трлн рублей. Возможны и более тяжелые сценарии (см. прил. 1, п. 1.6), по которым эти потери могут быть еще большими!

6. Меры, необходимые для смягчения воздействия кризиса

Президент РФ потребовал «*сохранения рабочих мест и доходов граждан»* [*выделено авторами*], во время «нерабочих дней» (самоизоляции по месту жительства). Однако за время «каникул» зарплаты работников МСП уже *упали* и упадут *еще сильнее*.

Большинство предприятий, обслуживающих население, находятся в сложном финансовом положении, у них отсутствуют финансовые резервы. Напрямую затронутыми или потенциально невостребованными оказываются более 10 млн работников МСП, занятых в сфере услуг.

Президент РФ, Председатель Правительства и мэр Москвы объявили меры поддержки: полугодовая отсрочка по всем налогам (за исключением НДС), сокращение страховых взносов в два раза (с 30 до 15 %) и, наконец, поддержка (начиная с 01.04.2020) в виде минимальной оплаты труда потерявшим доходы работникам, что составляет 120 млрд рублей в месяц, итого – около одного трлн рублей до конца года. Судя по высказываниям министров, в ближайшие недели предполагается выделить до 2–3 трлн рублей (около 3 % ВВП).

Этого явно недостаточно, чтобы предотвратить беду!

При объявленной поддержке сохранение оплаты труда и рабочих мест на этих предприятиях *невозможно*. Ситуация осложняется тем, что после отсрочки бизнес должен будет оплатить аренду, услуги ЖКХ и заплатить налоги. Кроме того, в нашей стране восстановление экономической активности будет происходить дольше, чем в мире (минимум 1–2 года), из-за резкого снижения доходов населения. В мае–июне многие из этих предприятий не смогут приступить к работе из-за отсутствия оборотных средств, а это чревато массовыми увольнениями.

Поэтому необходимо разрешить предприятиям использовать НДС и страховые взносы, которые должны быть перечислены в госбюджет и в страховые фонды, в течение двух-трех месяцев для оплаты труда (а это 2–3 трлн рублей), потому что даже работающие предприятия страдают от неплатежей остановившихся смежников и не смогут заплатить зарплату. Эта мера равносильна кредитованию бизнеса со стороны государ-

[8] World Economic Outlook, April 2020 : The Great Lockdown https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/World-Economic-Outlook-April-2020- The-Great-Lockdown-49306

ства с существенным облегчением администрирования. А администрирование доставки даже выделенных средств до получателя будет серьезной проблемой.

Государство за счет Фонда национального благосостояния (ФНБ) и других резервов должно компенсировать потерю 4 % ВВП «негосбюджетного» населения из-за 40 нерабочих дней (см. конец п. 2) и потерю 6 % ВВП (по базовому сценарию) консолидированного госбюджета (см. п. 5). В сумме эта компенсация равна 10 % ВВП, что составляет 11 трлн рублей в ценах 2019 г.

Такие средства в ФНБ есть. При базовом сценарии они сократят падение ВВП с 19 до 9 %, которые придутся на экспортеров сырья и полусырья.

Выделение 11 трлн рублей из ФНБ (75 тыс. рублей на душу) соответствует 150 млрд долларов по курсу ЦБ (73 рубля в ценах 2019 г.), или 430 млрд долларов по паритету покупательной способности ($ППС = 25,5 рублей в ценах 2019 г.) и покроет убытки населения и консолидированного бюджета. Но из-за девальвации цены на импортные товары вырастут на 14 %, а общая инфляция будет находиться в диапазоне 4–5 % (см. прил. 1, п. 1.1). В связи с этим все значения в рублях в ценах 2019 г. будут иметь меньшую покупательную способность в 2020 г. на 4–5 %.

В условиях роста заболеваемости, падения реальных доходов, роста безработицы решающим для сохранения социально-политической устойчивости страны является доверие народа к власти, способность к сплочению вокруг своего государства и его руководителей. Президент и премьер-министр обращаются к народу с призывами мобилизоваться, сохранять дисциплину, перетерпеть лишения. Но они же должны показать, что депутаты, министры и другие высокооплачиваемые чиновники с доходами более 500 тыс. рублей в месяц, а также богатейшие менеджеры и собственники тоже готовы перетерпеть и перейти (хотя бы временно) на сокращение своих высоких доходов в пользу Фонда национального благосостояния. А богатейшие собственники России могли бы перевести в ФНБ часть своих доходов для преодоления кризиса и помощи тем, кому особенно тяжело. Это можно сделать, если они хотя бы на три-четыре месяца по рекомендации руководства страны примут для себя прогрессивную шкалу налогообложения на доходы физических лиц, принятую во всех странах Европы и Северной Америки. А это – около 40 % их доходов за три-четыре месяца предыдущего, очень успешного для них, 2019 г. Благодаря этим взносам ФНБ может получить около 2 трлн рублей. Эта акция *безусловно* поможет сохранить единство народа, снизить напряжение в обществе, предотвратить массовое недовольство.

Правительство должно позаботиться, чтобы выделенные финансы были обеспечены потребительскими товарами. В условиях сокращения производства это может стать проблемой, поэтому необходимо заранее обеспечить товарные запасы (в первую очередь продовольствие и медикаменты), в том числе и за счет импорта.

Пандемии будут повторяться. Общество и власть должны осознать, что медицинские работники обеспечивают безопасность страны, как и военнослужащие. Следовательно, общее финансирование здравоохранения и его часть, обеспечиваемая государственным бюджетом (суммарно федеральным, региональным и внебюджетными фондами), должны составлять соответственно не 5,3 и 3,5 % ВВП, как в 2019 г., а достичь в ближайшие два года соответственно 7 и 5 %. А затем – не менее 9 и 7 % ВВП, как в странах ЕС и ОЭСР.

Заключение

Глобальная коронавирусная пандемия оказывает возрастающее негативное воздействие на наше социально-экономическое развитие. В 2020 г. доходы основной час-

ти населения упадут на 17 % (по сравнению с 2013 г.). Десятки миллионов наших граждан живут в бедности и крайней бедности, а в 2020 г. станут еще беднее в условиях мировой войны с пандемией. И это на фоне избыточной роскоши нескольких сот тысяч семей. Дальнейшее падение уровня жизни населения – серьезная угроза стабильности нашей страны. К сожалению, власть часто не видит эту угрозу. В России так было в 1917 г. и в 1991 г.

Хочется верить, что ситуация с пандемией начнет улучшаться с конца мая или начала июня, и карантинные меры, которые губительны для экономики, увеличивают безработицу и снижают доходы населения, будут постепенно сниматься. При этом многие эксперты предупреждают, что осенью возможна вторая волна пандемии. Чтобы к ней быть готовыми, придется сохранить отдельные ограничительные меры.

Наши социально-экономические потери будут многократно большими, чем в Европе и Северной Америке, и значительно большими, чем наши потери в кризисе 2009 г. Это свидетельствует о крахе социально-экономической политики. После преодоления пандемии необходимо немедленно начать реализацию новой социально-экономической политики перехода к росту экономики и оздоровлению социальной сферы. Для этого следует переработать провозглашенные Президентом РФ национальные проекты и сменить руководство в финансово-экономическом, социальном и отраслевом блоках правительства и государственных корпорациях. Нам нужна более независимая от мировых кризисов отечественная экономика – с развитыми производительными силами и профессиональными руководителями. И об этом пойдет речь в Рекомендациях, разработанных группой ученых Российской академии наук.

Приложение 1

Оценим последствия пандемии *коронавируса* и мирового экономического кризиса на уровень падения ВВП России в 2020 г.

1.1. *Об уровне инфляции в 2020 г.*

Катастрофическое снижение цен на нефть и газ при одновременном сокращении объемов экспорта не только существенно уменьшает доходы бюджета, но уже привело к 14 %-ной девальвации рубля по отношению к доллару. Соответственно растут цены на импортные товары и услуги, вслед за ними вырастет инфляция.

Для оценки изменения уровня инфляции примем, что она линейно зависит от роста $\Delta\$_{ЦБ}$ курса доллара $\$_{ЦБ}$, обеспечиваемого ЦБ:

$$\Delta И = K_{им} \frac{\Delta\$_{ЦБ}}{\$_{ЦБ}}, \qquad (1)$$

где $K_{им}$ – доля импорта на внутреннем рынке (в долях ВВП), который в течение последних десяти лет меняется мало. В 2013–2019 гг. он составлял 0,2.

В качестве базового сценария примем, что в 2020 г. среднегодовой курс доллара будет равняться $\$_{ЦБ}$ = 73,0 рублям. В 2019 г. курс был равен $\$_{ЦБ}$= 64 рубля, и годичный прирост будет $\Delta\$_{ЦБ}$ = 9 рублей, т. е. составит 14 %. Тогда инфляция в 2020 г. увеличится на

$$\Delta И = 0{,}2 \times 0{,}14 = 2{,}8\ \% \qquad (2)$$

к уровню инфляции (И = 3,0 %), заложенному в Федеральном бюджете на 2020 г.[9] (составит до 5,8 %). Однако инфляция может снизиться на 1…2 % из-за уменьшения спроса населения в случае недостаточной компенсации его потерь из ФНБ. Тогда наиболее вероятный уровень инфляции в 2020 г. будет в диапазоне 4…5 %.

При более тяжелом сценарии, когда в 2020 г. среднегодовой курс доллара будет равняться 80,0 рублям, т. е. годичный прирост $\Delta\$_{ЦБ}$ = 16 рублей, или 25 %, инфляция увеличится на 0,2 × 25 % = 5 % к прогнозному уровню 2020 г. (И = 3 %) и составит до 8 %.

1.2. *Основные составляющие падения ВВП в 2020 г.*

По базовому сценарию принимается, что в России ситуация с пандемией будет развиваться по южнокорейскому сценарию, и уже в мае начнет снижаться ежедневное количество заболевших. Президент РФ объявил режим нерабочих дней на 5 недель «*при сохранении рабочих мест и доходов граждан* [выделено авторами]. ... *Это общий приоритет для правительства, регионов, бизнеса*», – заявил В. В. Путин. В этот период продолжают работу органы власти, предприятия с непрерывным производством, больницы, аптеки, магазины товаров первой необходимости, все службы жизнеобеспечения.

Для оценки потери ВВП примем, что режим «каникул» продлится 8 недель (40 дней), что составляет 16,5 % всех рабочих дней в году.

В России в 2020 г. падение ВВП, обозначаемое через G, имеет две компоненты:

1. Снижение экономической активности в стране из-за режима нерабочих дней – коронавирусных «каникул». При этом следует выделить два вида предприятий: 1 – предприятия, у которых в добавленной стоимости заметную часть составляет электропотребление или электрогенерация, или они поставляют им смежную продукцию. Падение ВВП в них обозначим $\Delta G'$; 2 – предприятия с малой долей электропотребления, к которым относятся самозанятые и большая часть малых и средних предприятий (МСП), занятых в сфере услуг. Падение ВВП в них обозначим $\Delta G''$.

2. Снижение экспортной «выручки» из-за падения мировых цен на углеводородное сырье, топливо и другие сырьевые товары российского экспорта вследствие мирового экономического кризиса. Падение ВВП в них обозначим ΔЭ.

1.3. *Падение ВВП из-за режима нерабочих дней для предприятий со значительным электропотреблением или электрогенерацией*

По данным системного оператора ЕЭС[10], потребление электроэнергии, а значит и электрогенерация в нерабочую неделю (30.03–03.04.2020), по сравнению предыдущей рабочей неделей (23–27.03.2020) упало ровно на 10 %. При этом средние температуры воздуха и связанные с ними затраты на отопление в стране мало различались.

Примем, что для рассматриваемых типов предприятий изменения ВВП и электропотребления E (в рублях) пропорциональны: $\Delta G' = k \times \Delta E$. Тогда для относительных изменений имеем

---

[9] Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

[10] https://so- ups.ru/index.php?id=972&tx_ms1cdu_pi1%5Bkpo%5D=1019&tx_ms1cdu_pi1%5Bdt%5D=29.03.2020

$$\Delta\overline{G}'_{(2009)} = k \times \overline{E}_{(2008)} \times \Delta\overline{E}_{(2008)}, \quad \Delta\overline{G}'_{(2020)} = k \times \overline{E}_{(2019)} \times \Delta\overline{E}_{(2020)}$$

$$\left(\Delta\overline{G}' = \frac{\Delta G}{G}, \quad \Delta\overline{E} = \frac{\Delta E}{E}, \quad \overline{E}_{(2019)} = \frac{E_{(2019)}}{G_{(2019)}}\right). \tag{3}$$

В России в кризисном 2009 г. ВВП упало на $\Delta\overline{G}$ = 7,8 %, а электропотребление E снизилось на $\Delta\overline{E}$ = 4,6 %, поэтому

$$k = \frac{\Delta\overline{G}_{(2009)}}{\overline{E}_{(2008)} \times \Delta\overline{E}_{(2008)}} = \frac{7{,}8}{4{,}6\overline{E}_{(2008)}} = \frac{1{,}7}{\overline{E}_{(2008)}}. \tag{4}$$

За 11 лет (2008–2019 гг.) возросла электроэффективность и изменилась структура экономики, так как выросла доля ВВП, которая приходится на сектор услуг с малой электроемкостью. В результате относительно 2008 г. ВВП увеличилось на $\Delta\overline{G}$ = 18,6 %, а электропотребление E – только на $\Delta\overline{E}$ = 7,6 %. Поэтому относительная электроемкость $\overline{E}$ экономики России, равная отношению электропотребления к ВВП, к 2019 г. уменьшилась:

$$\overline{E}_{(2019)} = \frac{E_{(2019)}}{G_{(2019)}} = \frac{E_{(2008)} \times (1 + 0{,}076)}{G_{(2008)} \times (1 + 0{,}086)} = \frac{E_{(2008)}}{G_{(2008)}} \times \frac{(1 + 0{,}076)}{(1 + 0{,}086)} = 0{,}91 \times \overline{E}_{(2008)}. \tag{5}$$

В результате из (2) получим, что при снижении в 2020 г. электропотребления на $\Delta\overline{E}_{(2020)}$ = 10 % ВВП должно упасть на $\Delta\overline{G}_{(2020)}$:

$$\Delta\overline{G}'_{(2020)} = k \times \overline{E}_{(2019)} \times \Delta\overline{E}_{(2020)} = 1{,}7 \times 0{,}91 \times 10\,\% = 0{,}155. \tag{6}$$

Если же это падение касается 16,5 % всех рабочих дней в году, связанных с коронавирусными «каникулами», то ВВП России в 2020 г. относительно 2019 г. потеряет

$\Delta\overline{G}'_{(2020)}$ = 16,5 % × 0,155 = 2,5 %, или $\Delta G'_{(2020)}$ = 2,7 трлн рублей (в ценах 2019 г.) (7)

1.4. *Падение ВВП из-за режима нерабочих дней для малых и средних предприятий (МСП), занятых в сфере услуг*

В России в 2018 г. в системе МСП работало 13,4 млн человек, их вклад в ВВП составил 20,2 %.

Рассмотрим отдельно предприятия МСБ, занятые в следующих видах деятельности: строительство; оптово-розничная торговля вместе с ремонтом автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг; научные исследования и разработки; образование; здравоохранение и предоставление социальных, коммунальных и персональных услуг. На этих предприятиях в 2018 г. работало 10,7 млн человек; их отличает малая доля электропотребления. При этом их вклад в ВВП приблизительно равнялся

$$20{,}2\,\% \times \frac{10{,}7}{13{,}4} = 16\,\%. \tag{8}$$

Если все выделенные предприятия МСП, занятые в сфере услуг, не работают во время коронавирусных «каникул», составляющих 16,5 % всех рабочих дней в году, то потери ВВП от их простоя должны составить

$$\Delta\overline{G}'' = \frac{\Delta G''}{G},\ \Delta\overline{G}'' = 16\,\% \times 0{,}165 = 2{,}6\,\%,$$

$$\text{или } \Delta G'' = 2{,}9 \text{ трлн рублей (в ценах 2019 г.)} \tag{9}$$

1.5. *Падение ВВП после режима «каникул»*

После окончания «каникул» значительная часть предприятий, как связанных с электропотреблением или электрогенерацией, так и предприятий из сектора МСП, не сразу восстановят свою производительность из-за падения покупательского спроса обедневшего населения, проблем оплаты между смежными предприятиями, дефицита и даже отсутствия средств для закупки материалов и комплектующих и т. д. Для оценки примем, что соответствующее падение ВВП $\Delta G'''$из-за последействия «каникул» пропорционально $\Delta G' + \Delta G''$ с коэффициентом $k_w \approx 0{,}5$:

$$\Delta G''' = k_w(\Delta G' + \Delta G''). \tag{10}$$

В результате падение ВВП $\Delta W = \Delta G' + \Delta G'' + \Delta G'''$ из-за «каникул» и их последействия определяется следующим выражением и величинами в (7) и (9):

$$\Delta\overline{W} = \frac{\Delta W}{G},\quad \Delta\overline{W} = \Delta\overline{G}' + \Delta\overline{G}'' + \Delta\overline{G}''' = (1 + k_w)(\Delta\overline{G}' + \Delta\overline{G}'') = 7\,\%. \tag{11}$$

1.6. *Падение ВВП из-за снижения мировых цен на углеводородное сырье, топливо и другие сырьевые товары российского экспорта, вызванного мировым экономическим кризисом*

В связи с мировым экономическим кризисом цены на нефть марки Brent упали с 60 долларов за баррель (20.02.2020) до 25…27 долларов (во второй половине марта). После соглашения с ОПЕК+ (10.04.20) эти цены выросли до 30…32 долларов. Аналогичная ситуация с мировыми ценами на природный газ.

Такое катастрофическое снижение цен на нефть и газ происходило во время мирового экономического кризиса 2009 г. В 2009 г. (по сравнению с 2008 г.) средняя цена нефти марки Brent снизилась на 35 % (с 94,1 до 60,9 долларов за баррель). При этом ВВП страны упал[11] на 7,8 %, а в мире – на 0,1 %.

Отношение экспортной выручки $Э_{(2020)}$ в долларах относительно этого объема $Э_{(2019)}$ в 2019 г. определяется следующим выражением:

$$\frac{Э_{(2020)}}{Э_{(2019)}} = \frac{c^{(\text{hc})}{}_{(2020)} V^{(\text{hc})}{}_{(2020)} + \sum_i c^{(i)}{}_{(2020)} V^{(i)}{}_{(2020)}}{c^{(\text{hc})}{}_{(2019)} V^{(\text{hc})}{}_{(2019)} + \sum_i c^{(i)}{}_{(2019)} V^{(i)}{}_{(2019)}}, \tag{12}$$

[11] https://knoema.ru/

где $c^{(i)}$ и $V^{(i)}$ – цена единицы и объем экспорта i-го товара, а i = hc (hydrocarbon) соответствует основному экспортному товару, дающему наибольшую экспортную выручку в долларах. Таковыми для России являются углеводородное сырье и топливо (нефть, нефтепродукты и газ), составляющие 50 % экспортной выручки в 2019 г. Тогда

$$c^{(\mathrm{hc})}{}_{(2019)}V^{(\mathrm{hc})}{}_{(2019)} = \sum_i c^{(i)}{}_{(2019)}V^{(i)}{}_{(2019)}, \tag{13}$$

и выражение (12) перепишется в виде

$$\frac{Э_{(2020)}}{Э_{(2019)}} = \frac{c^{(\mathrm{hc})}{}_{(2020)}V^{(\mathrm{hc})}{}_{(2020)}}{2c^{(\mathrm{hc})}{}_{(2019)}V^{(\mathrm{hc})}{}_{(2019)}} + \frac{\sum_i c^{(i)}{}_{(2020)}V^{(i)}{}_{(2020)}}{2\sum_i c^{(i)}{}_{(2020)}V^{(i)}{}_{(2020)}}. \tag{14}$$

В качестве сценария, обсуждаемого Правительством РФ в 2020 г. по отношению к 2019 г., среднегодовая цена нефти марки Brent, как и в 2009 г., также снизится на 34 % (с 63,6 до 42 долларов за баррель). Это оптимистичное предположение правительство связывает, во-первых, с договоренностью с ОПЕК+. Во-вторых, можно надеяться, что в Китае уже в июле объем потребления нефти восстановится до уровня 2019 г. И, в-третьих, в странах ОЭСР и США потребление должно восстановиться через квартал[12]. Именно на этом основании В. В. Путин[13] сказал: «*... наш бюджет свёрстан из расчета 42 доллара за баррель, и вокруг этой цифры мы вполне комфортно себя чувствуем. Полагаю, что и для потребителей это очень важно*».

В сценарии, на который рассчитывает руководство страны, мировые цены на углеводородное сырье и топливо снижаются на указанные выше 34 %, а объем их экспорта сокращается на 10 %. В остальных экспортных товарах преобладает (до 80 %) полусырье: металлы, удобрения, древесина, целлюлоза, зерно и т. д. На них в 2020 г. также снизится спрос. Примем, что и цены, и физический объем на них снизятся на 10 %. В соответствии с этим сценарием, который назовем оптимистическим или «правительственным», получим

$$\frac{Э_{(2020)}}{Э_{(2019)}} = \frac{(1-0{,}34)\times(1-0{,}1)}{2} + \frac{(1-0{,}1)\times(1-0{,}1)}{2} = 0{,}70. \tag{15}$$

Таким образом, объем экспортной выручки в 2020 г. относительно 2019 г.

$$\frac{\Delta Э}{Э_{(2019)}} = \frac{Э_{(2020)} - Э_{(2019)}}{Э_{(2019)}} = 0{,}3,$$

т. е. снизится на 30 %.

В России последние 10 лет доля экспорта товаров и услуг в ВВП равнялась в среднем 27,5 %. Поэтому в 2020 г. из-за уменьшения экспортной выручки $\Delta Э = Э_{(2020)} - Э_{(2019)}$ ВВП, согласно «правительственному» сценарию, должен снизиться на

[12] https://www.goldmansachs.com/worldwide/russia/rossiya/section-five-folder/
[13] http://www.finmarket.ru/main/article/5208387

$$\Delta\overline{Э} = \Delta Э / G = 0{,}275 \times 30\ \% = 8\ \%, \text{ или } \Delta Э = 9 \text{ трлн рублей в ценах 2019 г.} \quad (16)$$

Базовый сценарий 2020 г. предполагает сокращение физического объема экспорта углеводородов на 15 % (а не на 10 %) и меньшую цену, равную 27 долларам за баррель (сокращение стоимости экспорта углеводородов на 58 %). Предполагается сокращение на 10 % и цены, и физического объема остальных экспортных товаров и услуг. Этот сценарий дает следующее отношение экспортных выручек:

$$\frac{Э_{(2020)}}{Э_{(2019)}} = \frac{(1-0{,}58)\times(1-0{,}15)}{2} + \frac{(1-0{,}1)\times(1-0{,}1)}{2} = 0{,}58, \quad (17)$$

и объем экспортной выручки в 2020 г. относительно 2019 г. снизится на 42 %. Снизится и ВВП:

$$\Delta\overline{Э} = \Delta Э / G = 0{,}275 \times 42\ \% = 12\ \%, \text{ или } \Delta Э = 13 \text{ трлн рублей.} \quad (18)$$

Тяжелый сценарий с сокращением объема экспорта углеводородов на 20 %, с ценой 20 долларов за баррель (сокращение на 68 %), со снижением цены и экспортного объема на 15 % для остальных товаров дает следующее отношение экспортных выручек:

$$\frac{Э_{(2020)}}{Э_{(2019)}} = \frac{(1-0{,}68)\times(1-0{,}2)}{2} + \frac{(1-0{,}2)\times(1-0{,}2)}{2} = 0{,}45. \quad (19)$$

В этом сценарии объем экспортной выручки в 2020 г. относительно 2019 г. в рублях 2019 г. снизится на 55 %, а снижение ВВП составит

$$\Delta\overline{Э} = \Delta Э / G = 0{,}275 \times 55\ \% = 15\ \%, \text{ или } \Delta Э = 16 \text{ трлн рублей в ценах 2019 г.} \quad (20)$$

Приложение 2

Какие же ресурсы выделяют западные страны в связи мировым кризисом из-за коронавирусной пандемии? Социально-экономические последствия даже двух-, трехмесячной инфекции коронавируса весьма значительны. Экономические убытки в США и странах Евросоюза оцениваются в размере более 10 % годового ВВП. Поэтому страны уже выделяют на их преодоление крупные средства. Конгресс США (331 млн человек) недавно выделил на эти цели 3 трлн долларов (около 9 тыс. долларов на душу, что равно трем среднемесячным зарплатам на работника), Великобритания (66 млн человек) – 330 млрд фунтов стерлингов (около 6,2 тыс. долларов на душу, или две среднемесячных зарплаты), а Германия (83 млн человек) – 500 млрд евро (около 6,6 тыс. долларов на душу, или две среднемесячных зарплаты), не считая в разы большие средства, предоставляемые в виде низкопроцентного гарантированного государством кредита центральными банками этих стран. Ещё 1 трлн евро направил странам Евросоюза Центральный банк ЕС[14].

[14] https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydelila-na-pomoshch- naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe

Экономике Германии нанесен ущерб *только* из-за пандемии, так как падение мировых цен на нефть и газ работает в пользу Германии. Тем не менее на мероприятия по поддержке экономики, для защиты рабочих мест и предпринимателей в Германии, кроме 500 млрд евро, выделено 25 % ВВП (свыше 900 млрд евро). Основная часть поступит в распоряжение Фонда стабилизации экономики, который должен обеспечить финансирование предприятий, пострадавших от пандемии, и гарантий банкам под кредиты, взятые владельцами предприятий.

Другими мерами антикризисного финансирования являются пособия по неполной занятости работникам предприятий, вынужденных сократить производство; поддержка мелких предпринимателей и дополнительные вложения в сферу здравоохранения.

В Германии предприниматель снижает оплату работника на столько, насколько уменьшается его рабочее время – вплоть до нуля. Финансовые же потери работника компенсирует государство из фондов обязательного страхования на безработицу. Компенсация составляет 60 % от прежнего чистого заработка, а при наличии ребенка – 67 %. Некоторые крупные фирмы доплачивают отправленным на сокращенный рабочий день сотрудникам к государственному пособию до 80 % и даже до 100 % потери оклада. Это выгоднее, чем уволить опытных работников, а потом, когда дела пойдут на лад, искать подходящие кадры на рынке труда. А самое главное, эти меры позволяют сохранить на приемлемом уровне *спрос* и тем самым спасти экономику.

Для России, где среднемесячный подушный доход равен 33 тыс. рублей, а средняя медианная месячная зарплата – 34 тыс. рублей[15] (по паритету покупательной способности – 1300 $ППС), при ориентации на двухмесячную среднюю медианную зарплату для преодоления социально-экономических последствий коронавирусной пандемии необходимо, как *минимум*, 34 тыс. р. × 2 × 147 млн чел. = 10 трлн рублей.

Приложение 3

Каковы же ориентиры для затрат на здравоохранение только в ответ на коронавирусную пандемию? С учетом того, что ситуация в РФ, вероятно, развивается более благоприятно, чем в США, Италии и Испании, система здравоохранения должна быть *готова к худшему сценарию.*

По оценкам ректора Высшей школы организации и управления здравоохранением Г. З. Улумбековой, основанным на данных по Италии и США, потоки пациентов и нагрузка на систему государственного здравоохранения возрастут на 10 %, что потребует увеличения затрат на дорогостоящий коечный фонд на 300 млрд рублей в 2020 г.

По оценкам специалистов, 300 тыс. врачей и 600 тыс. медицинских сестер будут работать в тяжелых условиях. Для них необходимо предусмотреть увеличение оплаты труда на 50 %, как предусмотрено Постановлением Правительства РФ, а для 50 тыс. врачей и 100 тыс. медсестер, которые работают в опасных для здоровья и жизни[16] условиях, – минимум на 100 %[17] (как предусмотрено для сотрудников Росгвардии).

---

[15] «Средняя зарплата в России в 2020 по отраслям, городам и регионам – Росстат» https://adne.info/srednyaya-zarplata-v-vashem-regione/

[16] В США предусмотрена надбавка 100 %, а в Канаде 400 %.

[17] Для справки: от коронавируса на 20.03.2020 в Китае заболело 3000 врачей, из них погибло 22, в Италии погибло 120 врачей.

Для этого *на три месяца* в государственном бюджете (федеральном и региональных) потребуется 130 млрд рублей[18].

Для каждой медицинской организации следует рассчитать, сколько требуется средств на поддержание текущей деятельности по основным статьям расходов (заработная плата, расходные материалы, лекарства и др.), и *перевести их на сметное финансирование*. На время пандемии надо отменить проверки страховых медицинских организаций и рассмотрение дел против медицинских работников правоохранительными органами.

Приложение 4

Сводная таблица потери ВВП, ее составляющих (производства, экспортной выручки, денежных доходов населения, консолидированного бюджета, в долях ВВП 2019 г.) и рекомендуемой компенсации

Показатель	Оптимистический сценарий, %	Базовый сценарий, %	Тяжелый сценарий, %
Потеря ВВП из-за «каникул» производства $\Delta W = \Delta G' + \Delta G'' + \Delta G'''$; $\Delta G' = 2{,}5$ % – потеря промышленных предприятий; $\Delta G'' = 2{,}5$ % – предприятий МСБ; $\Delta G''' = 2$ % – из-за последействия «каникул»	7	7	7
Потеря денежных доходов работников из-за «каникул» 0,56 ΔW	4	4	4
Потеря экспортной выручки ΔЭ	8	12	15
Полная потеря ВВП (без компенсации) $\Delta G = \Delta W$ + ΔЭ	15	19	22
Потеря денежных доходов населения (без компенсации) ΔД = 0,56 ΔG	8,4	10,5	12
Потеря госбюджета населения (без компенсации) ΔГ = 0,34 ΔG	5	6,5	7,5
Рекомендуемая компенсация К ≈ ΔГ + 0,56 ΔW	9	10	11,5
Потеря ВВП после компенсации ΔG(комп) = ΔG – К	6	9	11

[18] В Постановлении Правительства РФ предусмотрено 11,8 млрд рублей из резервного фонда.

R. I. Nigmatulin, B. I. Nigmatulin. Pandemic. World crisis. State of the Russian economy. The authors analyze the effect of the coronavirus pandemic and world crisis on Russia's socioeconomic development and determine that is it characterized by: (1) rising inflation; (2) lost work days; (3) drop in prices and demand for export commodities. The article provides calculations on three scenarios (optimistic, basic and pessimistic) of a GDP drop caused by falling hydrocarbon prices and suggests measures for alleviating the effects of the crisis and consequences of the pandemic.

Keywords: world crisis; coronavirus pandemic; socioeconomic development; optimistic, basic and pessimistic scenarios; measures for alleviating the effects of the crisis and consequences of the pandemic.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69

Г. Б. Клейнер[1]

СИСТЕМНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА[2]

Актуальные проблемы российской экономики и социума рассматриваются в контексте реконструкции социально-экономического пространства – совокупности социально-экономических систем различного масштаба и назначения, а также сил, определяющих устойчивые формы их взаимодействия. Предлагается структуризация социально-экономического пространства в трех разрезах: макросубъектном (государство, социум, экономика, бизнес); макросистемном (объектный, средовой, процессный, проектный секторы экономики); уровневом (мега-, макро-, мезо-, микро- и наноэкономика). Показывается необходимость кардинальных изменений социально-экономического пространства России в каждом из этих разрезов. Определяются основные направления и методы такой реконструкции в целях реактивации экономики и общества с выходом на траекторию гармоничного социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, реконструкция, структура, системная экономическая теория.

УДК 330.352

Введение

Наиболее острой проблемой, препятствующей ускорению экономического развития России в последние десятилетия, является проблема устойчивой дисфункции социально-экономического пространства. Сложившиеся в России институты конкуренции (зачастую гиперконкуренции) порождают региональную, отраслевую, размерностную и темпоральную фрагментацию социально-экономического пространства – времени. Неэффективность средовых систем, призванных обеспечить относительную однородность экономического пространства и времени, создает предпосылки для возникновения экономического кризиса как ситуации борьбы всех против всех. В этом же направлении работает и безудержная рейтингомания – необоснованное (а часто и деструктивное) применение одномерных рейтингов субъектов экономики как базы для распределения финансовых и экономических ресурсов [9]. В этих условиях необходима реконструкция всех компонент социально-экономического пространства России, на-

---

[1] *Георгий Борисович Клейнер*, зам. научного руководителя ЦЭМИ РАН, зав. кафедрой Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: george.kleiner@inbox.ru.

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00335).

правленная на создание благоприятных условий для функционирования и взаимодействия объектных, процессных и проектных экономических систем и базирующаяся на подходах и достижениях современной системной экономической теории. Отметим, что подобные меры могли бы применяться не только для совершенствования социально-экономического пространства в масштабе страны в целом, но и в масштабе отдельных локальных социально-экономических экосистем.

В этой ситуации необходимы следующие неотложные, а также перспективные меры:

1) ревизия концепции социально-экономического пространства, расширяющая это понятие до понятия «системы систем», синтезирующего известные концепции социального, экономического, институционального, технологического, энергетического и других составляющих социально-экономического пространства в современной экономике, включая как материальные объекты, наполняющие эти пространства, так и межобъектные взаимоотношения в виде сил отталкивания и притяжения;

2) гармонизация социально-экономической среды, направленная на консолидацию и сокращение разрывов между компонентами различных структур социально-экономического пространства. Важнейшими из структур, определяющих особенности и состояние социально-экономического пространства страны, являются:

- макросубъектная структура (государство – социум – экономика – бизнес);
- макросистемная структура (объекты – среды – процессы – проекты/события);
- уровневая (линейно-вертикальная) структура (мега- – макро- – мезо- – микро- – наноэкономика).

В рамках экономического пространства существенные изменения должны затронуть и взаимоотношения, а также пропорции между четырьмя компонентами экономики в широком смысле слова: экономической теорией, экономической политикой, управлением экономикой и хозяйственной практикой [7, 8]. Здесь речь идет не столько о гармонизации, сколько о реформировании взаимоотношений между компонентами понятия «экономика». В целом, структура социально-экономического пространства России требует масштабной многоуровневой реконструкции. В данной статье рассматриваются основные направления такой реконструкции в рамках указанных структур, а также некоторых их компонентов. Во внимание принимаются, в первую очередь, долгосрочные тенденции и сложившиеся особенности социально-экономического пространства России, однако учитываются и радикальные изменения социально-экономического ландшафта России, возникшие в связи с последствиями периода борьбы с коронавирусной инфекцией в стране и в мире.

1. Реконструкция макросубъектной структуры общества

Взаимодействие государства, социума, экономики и бизнеса носит достаточно сложный характер [7, 8] (рис. 1).

В разные периоды социально-экономического развития страны соотношение между компонентами этой структуры было различным. Период доминирования государства (конец 1920-х – середина 1950-х гг., период культа личности Сталина) сменился периодом усиления роли социума (конец 1950-х – середина 1960-х гг., период оттепели). В период с конца 1960-х до середины 1980-х гг., получивший название застойного, в стране сложилось относительно устойчивое равновесие во взаимоотношениях между государством, социумом и экономикой. В доперестроечный период бизнес не был выделен из экономики как самостоятельное явление, поэтому экономику и биз-

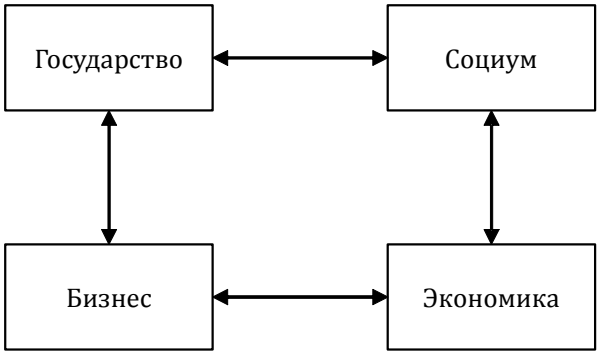


Рис. 1. Структура макросубъектов общества

нес этого периода целесообразно рассматривать как единый макросубъект общества. С конца 1980-х до середины 2000-х гг. бизнес формировался как самостоятельный макросубъект, диктовавший зачастую свои условия остальным макросубъектам общества (период получил название «лихих 90-х»). В настоящее время государство вновь заняло командные позиции, отодвинув бизнес на второй план, экономику – на третий, а социум – на четвертый.

В идеале структура взаимодействия между государством, социумом, экономикой и бизнесом должна быть сбалансированной. Четыре составляющие этой структуры в ходе реконструкции должны: а) укрепить статусы относительно самостоятельных макросубъектов общества; б) закрепить за собой специфические миссии, связанные с обеспечением бескризисного текущего и перспективного развития общества; в) выстроить систему наиболее важных взаимоотношений между макросубъектами (см. рис. 1), обеспечивающую равноправное представительство интересов каждого субъекта в органах управления и принятия решений в стране [8].

В нормальной социально-экономической ситуации для указанных макросубъектов характерны определенные стратегические целевые установки, или принципы поведения:

• установка государства – устойчивое неограниченное социально-экономические развитие общества на территории государства;

• установка социума – обеспечение благополучия для нас, наших семей, детей и внуков независимо от места проживания;

• задача экономики – соединение производственных ресурсов в целях

удовлетворения экономических потребностей социальных и экономических субъектов;

• цель бизнеса – получение финансового результата (прибыли) здесь и сейчас.

В совокупности эти установки обеспечивают реализацию последовательного социально-экономического развития страны в пределах ее территории на неограниченном временном горизонте. Диспропорции в масштабах и «переговорной силе» макросубъектов приводят к нарушению этого принципа либо в пространственном, либо во временном разрезе. Так, подчиненная позиция социума по отношению к государству, экономике, бизнесу приводит к социальному неравенству, снижению производительности труда, отказу от многих творческих инновационных решений.

Одним из направлений реконструкции социально-экономического пространства России является создание системы, реализующей представительство интересов указанных макросубъектов как на высшем уровне управленческой иерархии, так и на уровне субъектов Федерации, муниципальных образований и экономических агентов [8, 11].

2. Реконструкция макросистемной структуры общества

Системная структура социально-экономического пространства предусматривает группировку четырех видов систем, объединяемых в системные секторы (макроподсистемы) экономики: объектный, средовой, процессный, проектный (рис. 2). В зависимости от доли каждого из этих секторов в общем объеме экономики общество обретает более или менее гармоничную системную структуру.

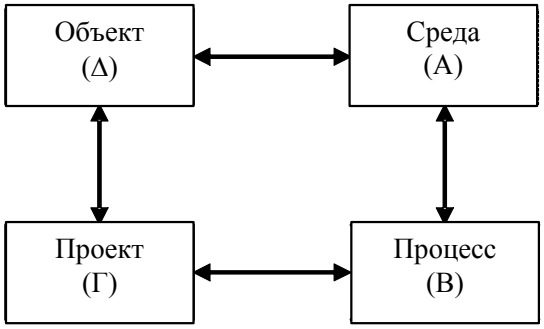


Рис. 2. Взаимодействие макроподсистем

В настоящее время резко возросли роль и масштабы средовых систем в социально-экономическом пространстве. Показатели фондового рынка, рынков труда и информации в значительной мере зависят от субъективных оценок индивидов, которые формируются под определяющим воздействием средовых систем: медиа-систем, интернета, системы знаний, институциональных систем и др. Мировой кризис 2008–2010 гг. был вызван дисфункциями средового сектора сначала экономики США, а затем и мировой экономики. Немалую роль в развитии «кризиса коронавируса» также сыграли особенности информационной среды, существенно пересекающейся с дезинформационной. Реконструкция системной структуры социально-экономического пространства должна предусматривать стратификацию информационных потоков, разделение их на достоверные, вероятные, сомнительные и недостоверные. При этом функция сепарации должна принадлежать мировому сообществу в лице таких авторитетных организаций, как ООН.

Последствия несбалансированности макросистемной структуры общества отражены в таблице.

Негативные последствия макросистемной несбалансированности экономики [3]

Тип системы	Наличие и мощность систем данного типа в экономике		Показатели уровня дефицита или избытка данного типа систем
	Дефицит	Избыток	
Объекты	Нестабильность экономики	Высокие трансакционные затраты	Численность предприятий (к уровню ВВП или на одного занятого)
Проекты	«Застой»	«Перегрев»	Объем инвестиций в новое строительство, реконструкцию или техническое перевооружение предприятий (к уровню ВВП)

Окончание таблицы

Тип системы	Наличие и мощность систем данного типа в экономике		Показатели уровня дефицита или избытка данного типа систем
	Дефицит	Избыток	
Среды	Натурализация экономики, высокая степень неопределенности экономики	Сужение возможностей агентов, ограничение их самостоятельности	Показатели развития нормативно-правовой, транспортной, информационной, финансовой и энергетической инфраструктур. Степень самостоятельности предприятий
Процессы	Фрагментация экономики	Бюрократизация	Численность управленческого аппарата, скорость оборота денежной массы, интенсивность распространения инноваций, новых знаний

Необходимы разработка и внедрение в практику социально-экономического анализа специальных методов измерения и сопоставления степени влияния четырех системных секторов на интегральные характеристики социально-экономического пространства.

3. Реконструкция уровневой структуры социально-экономического пространства

Уровневая структура социально-экономического пространства строится в зависимости от соотношения масштабов объектов, способных играть роль репрезентативных представителей семейства типовых систем каждого уровня. Обычно выделяют следующие пять иерархических уровней: мегауровень (мировое социальное сообщество и мировая экономика); макроуровень (социум, экономика, бизнес и государство как политическая организация); мезоуровень (регионы, отрасли, крупные межотраслевые комплексы); микроуровень (предприятия, организации, домохозяйства); наноуровень (социальные субъекты, или индивиды).

Объекты каждого из уровней в рамках социально-экономического пространства находятся в интенсивном и беспрерывном взаимодействии, составляя в целом плотную многоуровневую систему. Каждый из уровней необходим для функционирования всей системы в целом и пронизан разнообразными информационными и управленческими связями. Не менее существенны и внутриуровневые взаимодействия. Общая задача, как и в случае реконструкции приведенных выше трех видов структур социально-экономического пространства, состоит в использовании институциональных, управленческих, функциональных и других регулирующих воздействий для обмена материальными и нематериальными благами внутри уровней и между уровнями для гармоничного в пространственном и временном смысле развития страны.

Отметим, что разные уровни по-разному влияют на функционирование экономики и социума. Глобализация выдвинула на первый план мегауровень. В 2010-е гг. резкий рост интенсивности транснациональных обменов товарами, ресурсами, капиталами, информацией создал предпосылки для повышения значимости мегауровня как целостного самостоятельного субъекта. После закрытия большинством стран своих границ активную роль стали играть межстрановые информационные влияния, в силу которых социально-экономическое поведение разных стран стало приобретать общие

черты. Меры, направленные против распространения коронавирусной инфекции, в том числе минимизация контактных взаимодействий, переходят из одной страны в другую и выходят на мегауровень мировой экономики.

В итоге воздействие мегауровня на социально-экономические пространства других уровней (от макро- до наноуровня) существенно возросло. Одновременно возникли вертикальные разрывы между остальными уровнями социально-экономического пространства страны. Наиболее ярко это выражается в утрате доверия между соседними уровнями: макроуровнем (федеральная власть) и мезоуровнем (губернаторы, отраслевые органы управления и бизнес-ассоциации); мезоуровнем и микроуровнем (предприятия, организации, домохозяйства); микроуровнем и наноуровнем. В последнем случае речь идет о недоверии и даже настороженности в отношениях между собственниками предприятий, менеджментом и работниками, а также между населением и предприятиями. В этих условиях дистанции между соседними позициями в структуре из пяти уровней должны распределиться более равномерно. Это предполагает, с одной стороны, увеличение «расстояния» между макро- и мегауровнями, т. е. уменьшение зависимости отечественной экономики от мировой, в том числе за счет импортозамещения и других мер; с другой – сокращение расстояний между макро- и мезо-, мезо- и микро-, микро- и наноуровнями. Таким образом, реконструкция внутристранового социально-экономического пространства должна быть направлена на заполнение вакуума в межуровневой среде. Это предполагает усиление социально-экономической политики в части координации интересов и ограничений субъектов различных уровней. Потребуют пересмотра формальные и неформальные институты взаимодействия властей по всей вертикали социально-экономического пространства – от макро- до наноуровня. Разрывы между макро-, мезо-, микро- и наноэкономикой имеют место не только в сфере управления экономикой, но и в сфере знаний и представлений об этих уровнях. Попытки создать единую многоуровневую экономическую теории до сих пор не увенчались успехом. Неоклассическое направление в экономической теории не смогло построить ни систему микрооснований для макроэкономического развития, ни систему макрооснований для развития микрообъектов [14, 17, 18]. Институциональное и эволюционное направления в качестве предмета исследований включают отдельно макроэкономические процессы, мезоэкономические системы и микроэкономические объекты [14]. Однако совместное рассмотрение разноуровневых институтов и эволюционных механизмов пока находится на периферии внимания экономической науки. Наиболее близко, по нашему мнению, к построению многоуровневой теоретической модели экономики подошла системная экономическая теория, во многих разделах которой масштаб изучаемых систем не имеет первостепенного значения, в отличие от имманентной природы изучаемых систем и структуры их взаимодействия [5, 6]. Разрыв между макро-, мезо- и микроуровнями, отчетливо проявляющийся во взаимодействии экономической политики и практики, поддерживается и в системе высшего профессионального образования, где курсы микро- и макроэкономики преподаются, в основном, без связи друг с другом, а курсы мезоэкономики, как правило, отсутствуют. В итоге здание экономической науки теряет монолитность и стройность, а представления студентов об экономике остаются фрагментарными.

4. Реконструкция ценностного пространства экономики

Ценностная структура общества и его социально-экономических подразделений весьма разнообразна. На верхних позициях находятся ценности, обеспечивающие гар-

монию социальных и экономических приоритетов. В связи с этим ключевой составляющей научного обеспечения реконструкции социально-экономического пространства должна стать теория динамической оптимизации отношений между социальными и экономическими целями при принятии решений на всех уровнях управления [10]. Главное – не ухудшить социальные показатели при формулировке задач формирования и выбора социальных и экономических решений. Такое требование, на наш взгляд, носит фундаментальный характер и приближается к конституционным установкам социального государства. Приоритеты текущих социальных ценностей не должны подменяться приоритетами перспективных экономических целей. Целесообразно создать специальный орган для осуществления мониторинга и контроля, включая анализ законопроектов на соответствие данному принципу.

Сбалансированность социальных и экономических ценностей находит воплощение в соотношении между конкурентными и кооперационными составляющими взаимодействия экономических субъектов. В современной экономике главная роль факторов экономического развития традиционно закреплена за конкуренцией. Считается, что только признаваемое соперничество побуждает агента к улучшению качества, снижению стоимости и повышению уровня инновационности продуктов. В связи с этим одной из основополагающих характеристик среды становится ее конкурентность. Однако при комплексном рассмотрении среды как социально-экономического феномена приходится признать, что высококонкурентная в экономическом плане среда порождает не только экономическую эффективность, но и социальную разобщенность. Силы отталкивания, действующие между субъектами высококонкурентной экономики, вызывают дисфункции социума как макросубъекта общества. Страновые ресурсы расходуются не столько на развитие и продвижение вперед в технологическом, когнитивном и ментальном отношении, сколько на борьбу внутри сообщества [16].

Реконструкция ценностной составляющей социально-экономического пространства должна прервать в теории и на практике доминирование сил отталкивания, выраженных в стремлении поддерживать высокую конкурентность среды. Заметим, что диполь «конкуренция versus кооперация» далеко не исчерпывает все варианты кооперативных характеристик среды взаимодействия агентов. Более релевантным является четырехполюсник «конкуренция – коокуренция – кооперация – конкоперация», в котором гибридные отношения конкоперации возникают, когда агенты находятся в дружественных отношениях в профильной деятельности и конкурируют в других сферах; коокуренции – в случае конкурирующих по основной сфере деятельности и находящихся в коперационных отношениях по другим сферам агентов [13]. В целом, спектр отношений между предприятиями достаточно широк, и задача средовой реконструкции состоит в подборе в каждом случае наиболее релевантных отношений между хозяйствующими субъектами.

В связи с нарастанием темпа изменений в экономике пришло время, по нашему мнению, для расширения перечня организационно-правовых форм функционирования хозяйствующих субъектов в целях повышения адаптивной способности предприятий к изменяющимся условиям. Целесообразно одновременно облегчить возможности изменения организационно-правовых форм предприятия без перерегистрации. Применение цифровых технологий открывает широкие перспективы для разделения организационно-правовой *формы* предприятия и его социально-экономического и технологического *содержания.* Относительная лабильность организационно-правовой формы должна сочетаться с относительной стабильностью внутреннего содержания, опреде-

ляющего миссию предприятия в рыночном, административном и социальном пространствах. Эти изменения должны быть отражены в ГК РФ.

Серьезной реконструкции должна подвергнуться ценностная составляющая социально-экономической среды. Вместо концентрации ценностей на индивидуальных достижениях того или иного юридического или физического лица на первый план должны выйти процессы интегрирования ценностей каждого из компонентов рассмотренных общественных структур: макросубъектной, макросистемной и уровневой. Отказ от безусловного приоритета индивидуальных социально-экономических ценностей требует существенной «культурной перестройки» (если не «культурной революции»!). Доминирование индивидуалистических критериев в принятии решений приводит к проблемам в общественной оценке как существующих, так и проектируемых социально-экономических благ. Данное явление хорошо известно в сфере присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, а также в сфере экспертизы заявок на получение грантов. Использование механизма массовой коллегиальной оценки (peer review) зачастую превращается во всеобщий троллинг, необъективную априорно критическую оценку как предложений, так и их авторов. Это приводит не к повышению качества рецензируемых материалов, а к субъективизму, стремлению использовать позиционный ресурс и, в конечном счете, к снижению степени прозрачности социально-экономического пространства [12]. Возникает «экономика ожесточения», которая должна смениться экономикой сотрудничества.

В целом доминирование сил отталкивания в современном российском социально-экономическом пространстве должно смениться равновесием между силами отталкивания и притяжения, определяющими особенности средовой культуры общества в части ценностных ориентиров и социальных ограничений. Это потребует масштабной перестройки отношений между социумом и властью, бизнесом и экономикой, традициями и инновациями, субъектами и институтами. Процессы деконструкции, преобладающие в современном обществе, должны уступить место процессам реконструкции, направленным на построение интегрального, сбалансированного и целенаправленного общества [1]. В современном обществе примерами локальных социально-экономических образований, построенных на принципах совместного создания ценностей и свободных от жесткого регулирования, являются социально-экономические экосистемы [2, 19].

Коренная реконструкция должна затронуть все подразделения и уровни общества: ментальные модели индивидов; культурные особенности социума; институциональную структуру общества; организационно-экономические механизмы оценок и принятия решений; эволюционно-исторические паттерны; традиции в сфере межстрановой и межпериодной трансплантации рутин как образцов поведения и принятия решений. Очевидно, что такая реконструкция стала бы супермасштабным проектом на территории России, а ее началу должна предшествовать длительная процедура обсуждения и доработки проекта во всех слоях общества и подразделениях экономики.

Заключение

Российская экономика, как и экономика подавляющего большинства других стран, находится в состоянии рецессии, вызванной процессами административной дискретизации социально-экономического пространства, спровоцированными борьбой с распространением коронавирусной эпидемии. Пространственно-временной континуум утратил черты непрерывности и обрел клеточную (решетчатую) структуру с разде-

ленными клетками. Основной миссией экономики как процессной подсистемы в структуре общества (см. рис. 1) является обеспечение связности социальной-экономической среды в ее пространственном и временном разрезах. Дискретизированная и «гранулированная» экономика не в состоянии выполнять свои функции. В связи с этим ближайший период социально-экономического развития страны должен стать периодом реактивации экономики.

Опыт восстановления экономики после 1990-х гг. показал, что разрушение институциональных и административных барьеров между различными подразделениями экономики является неэффективной мерой. Нэп 1920-х гг. сменился плановой политикой первых пятилеток не только в силу субъективизма руководства страны, но и по объективным причинам – из-за необходимости реинституционализации социально-экономического пространства. Надежды на силы саморазвития отдельных клеток экономического организма при дисфункции межклеточной социально-экономической среды оказываются неоправданными. В этих условиях необходимо применять методы координации действий и ментальных представлений различных экономических и социальных субъектов, в особенности методы текущего, перспективного и стратегического планирования. По нашему мнению, такое планирование не должно копировать централизованное планирование в СССР, промышленное планирование в Японии, Франции и других странах.

Новый вид планирования можно назвать *системным планированием*, поскольку его объектом должны стать разнообразные и разномасштабные социально-экономические системы, а инструментами обеспечения реализации планов – методы системного управления, основанные на понятии *системного гражданства* как способа организации ответственного взаимодействия между подсистемами общества. В таком обществе планы формируются самостоятельными системами самостоятельно; координация планов в процессе составления осуществляется с помощью методов диалогового индикативного планирования [15]; выполнение этих планов обеспечивают институты ответственности членов системного гражданского общества. Теоретической основой системного планирования должна стать системная социально-экономическая теория, описывающая природу, взаимодействие и особенности социально-экономических систем различного масштаба и назначения [4].

Следование принципам системной парадигмы, лежащим в основе данной теории, в отличие от принципов неоклассической, институциональной и эволюционной парадигм, позволит обеспечить фронтальное, а не очаговое восстановление экономики, а вместе с ней и всего социально-экономического пространства общества.

Список литературы

1. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / О. Т. Богомолов [и др.]. – М.: URSS, 2016. – 256 с.

2. *Карпинская*, *В. А.* Экосистема как единица экономического анализа / В. А. Карпинская // Системные проблемы отечественной мезоэкономики, микроэкономики, экономики предприятий: материалы Второй конф. Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН (Москва, 12 января 2018 г.) / под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера. – Вып. 2. – М., 2018. – 156 с. – С. 124–141.

3. *Клейнер*, *Г. Б.* Цена дисгармонии / Г. Б. Клейнер // Экономика. Налоги. Право. – 2008. – № 3 (4). – С. 61–70.

4. *Клейнер*, *Г. Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 4–28

5. *Клейнер*, *Г. Б.* Исследовательские перспективы и управленческие горизонты системной экономики / Г. Б. Клейнер // Управленческие науки. – 2015. – № 4. – С. 7–20.

6. *Клейнер*, *Г. Б.* Горизонты системной экономики // Системная экономика, экономическая кибернетика, мягкие измерения в экономических системах: материалы «круглого стола» в рамках XVIII Междунар. конф. по мягким измерениям и вычислениям (Москва, 30 июня 2015 г.) / под ред. Г. Б. Клейнера и С.В. Прокопчиной. – М.; СПб.: Изд-во СПб ГЭТУ, 2015. – С. 9–18.

7. *Клейнер*, *Г. Б.* Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории: ч. 1 / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 107–123.

8. *Клейнер*, *Г. Б.* Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории: ч. 2 / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 117–138.

9. *Клейнер*, *Г. Б.* Скрытые угрозы одномерных рейтингов / Г. Б. Клейнер // Рейтингование российских вузов: цели и результаты: сб. статей X Междунар. науч.-практ. конф. «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития» (22 февраля 2019 г.). – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. – С. 14–18.

10. *Клейнер*, *Г. Б.* Обратная перспектива. К 90-летию со дня рождения академика РАН Д. С. Львова / Г. Б. Клейнер // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 2. – С. 88–94.

11. *Клейнер*, *Г. Б.* Системная сбалансированность экономики / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук. – М.: Научная библиотека, 2017. – 320 с.

12. *Клейнер*, *Г. Б.* Агент-ориентированная модель профессиональной экспертизы и принятия решений о поддержке индивидуальных общественно значимых инициатив / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук, Д. В. Ушаков // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 23–39. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-23-39.

13. *Мальцев*, *А. А.* Кооконкуренция – новая реальность современной мировой экономики / А. А. Мальцев // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 346–351.

14. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. – М.: ИЭ РАН, 2020. – 392 с.

15. *Полтерович*, *В. М.* О формировании системы национального планирования в России / В. М. Полтерович // Журнал НЭА. – 2015. – № 2 (26). – С. 237–242.

16. *Полтерович*, *В. М.* Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции / В. М. Полтерович // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-5-23.

17. *Тамбовцев*, *В. Л.* Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности / В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 5–30.

18. *Achen*, *C. H.* Toward a new political methodology: Microfoundations and ART / C. H. Achen // Annual Review of Political Science. – 2002. – Vol. 5. – P. 423–450. DOI: 10.1146/annurev.polisci.5.112801.080943.

19. *Adner*, *R.* Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy / R. Adner // Journal of Management. – 2017. – Vol. 43, No. 1. – January. – P. 39–58.

G. B. Kleiner. Systemic reconstruction of Russia's socioeconomic space. This paper discusses the actual problems of the Russian economy and society in the context of the reconstruction of the socio-economic space. Herewith, the socio-economic space is understood as the totality of socio-economic systems of various sizes and purposes, and what is more, the forces that determine sustainable forms

of their interaction. The article proposes the structuring of the socio-economic space in three sections. The first is the macro-subject section consisted of state, society, economy, business. The second is the macro-systemic section included object, environment, process, project sectors of the economy. And the third is the level section composed of megaeconomics, macroeconomics, mesoeconomics, microeconomics, nanoeconomics. The necessity for fundamental changes in the socio-economic space of Russia in each of these sections is shown. The main directions and methods of such reconstruction to reactivate the economy and society with access to the path of harmonious socio-economic development of the country are determined.

Keywords: socio-economic space, reconstruction, structure, systemic economic theory.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-70-85

О. Н. Смолин[1]

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И НЕКОТОРЫЕ СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Рассматривается актуальная проблема роли науки и научно-инновационной политики в модернизации страны. Обеспечение такой модернизации предполагает решение системных проблем отечественной науки, среди последних выделяют: финансирование (недофинансирование) науки; бюрократизацию (необходимость дебюрократизации) организации научных исследований; статус научного работника и подготовку специалистов высшей квалификации. Анализируются национальные цели и другие параметры развития науки, заявленные в указах президента. На фактическом материале обосновывается вывод о том, что проводимая в настоящее время научно-инновационная политика либо не решает поставленные задачи, либо решает их в недостаточной степени. Содержатся предложения по совершенствованию отечественной научно-инновационной политики.

Ключевые слова: научно-инновационная политика, инновационная экономика, системные проблемы науки, финансирование научных исследований, бюрократизация науки, реорганизация научных учреждений, статус научного работника, средняя зарплата в науке, престиж профессии научного работника, подготовка научных кадров.

УДК 330.352

Экономический кризис, который давно прогнозировался специалистами в соответствии с законами циклического развития рыночной (капиталистической) экономики и получил мощный дополнительный толчок в виде последствий пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19), стал реальностью. В общественном мнении, а отчасти и в научных дискуссиях, он отодвинул на второй план одни стратегические проблемы развития российского общества и выдвинул другие.

Между тем, главная задача развития отечественной экономики – проведение новой индустриализации – не снята с повестки дня. В результате такой индустриализации должна быть создана инновационная экономика, которую одни исследователи именуют ноономикой (профессор С. Д. Бодрунов), другие – креатосферой (профессор А. В. Бузгалин). Не вдаваясь в дискуссии по поводу терминологии и содержания экономического будущего, остановлюсь на некоторых проблемах развития отечественной науки, без решения которых новая экономика не может быть создана.

[1] *Олег Николаевич Смолин*, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, профессор, д-р филос. наук, академик РАО, e-mail: smolin@duma.gov.ru.

1. *Научно-инновационная политика: понятие и системные проблемы*

Начнем с терминологии. Термин «научная политика» интерпретируется общественным сознанием как *научно обоснованная политика*. В интересующем нас аспекте понятие *научно-техническая политика,* во-первых, не охватывает сферу политики в области гуманитарных наук; во-вторых, указывает на влияние науки лишь в сравнительно узкой области общественной жизни – в сфере техники и отчасти производства. Ещё менее удачным представляется термин *научно-исследовательская политика* [1], который вызывает ассоциации, скорее, с исследованиями в области политической науки, чем с политикой по отношению к научным исследованиям.

Для целей настоящей работы предлагаем использовать понятие *научно-инновационная политика*, которое:

а) охватывает не только научно-технические, но и гуманитарные аспекты политики в области науки;

б) включает в себя политику стимулирования научных исследований и разработок (в том числе технических), а также реальное использование достижений науки, в том числе в инновациях;

в) указывает на необходимость и характер использования науки для обновления всей общественной жизни, а не только техники и производства;

г) в отличие от понятия *политика в области науки* подразумевает не только комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых субъектами политического действия по отношению к науке как социальному институту, но и воздействие всех основных направлений внутренней политики государства на уровень развития науки, внедрение её достижений и формирование научных представлений в общественном сознании.

Подобно другим направлениям внутренней политики, научно-инновационная политика устанавливает по крайней мере три основные координаты политического пространства и, соответственно, три ограничителя свободы выбора. Эти координаты суть:

- финансово-экономическая, определяющая уровень финансирования науки, распределение и варианты использования финансовых средств;
- правовая, фиксирующая границы разрешённого и запрещённого для субъектов соответствующих видов деятельности и органов управления, своеобразные «флажки», выход за которые не допускается;
- культурно-идеологическая, охватывающая установки и ориентации общественного сознания, влияющие на поведение исполнителей и вообще на выбор управленческих решений, признаваемых допустимыми (или недопустимыми) в данной конкретной ситуации.

На наш взгляд, эффективная научно-инновационная политика невозможна без решения системных проблем самой науки.

В любой области общественной жизни существуют проблемы частные и проблемы системные, без решения которых невозможно успешное управление. Системные проблемы отличаются от частных, как минимум, следующими признаками:

во-первых, они охватывают все или большинство элементов системы;

во-вторых, по определению носят межведомственный характер и не могут быть решены усилиями какого-либо одного ведомства или одной ветви власти.

На наш взгляд, к системным проблемам развития современной отечественной науки можно быть отнести, по меньшей мере, следующие:

• хроническое недофинансирование;
• нарастающую бюрократизацию и необходимость ее преодоления;
• статус научного работника и подготовку кадров высшей квалификации.

Эти проблемы возникли задолго до появления Министерства науки и высшего образования и тем более – нового правительства и нового профильного министра. Однако решать их в значительной степени предстоит именно новому руководству исполнительной власти, надеюсь, совместно с парламентариями, научным, образовательным и бизнес-сообществом.

2. *Финансирование: объявленные задачи, реальность и последствия*

Напомним, что до вступления в силу 1 января 2005 г. Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ («О монетизации») в России действовала (но не исполнялась) следующая законодательно установленная норма: согласно Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», расходы на науку – не менее 4 % от расходной части федерального бюджета. С учетом его размера в тот период это должно было составлять около 1 % ВВП. Предполагалось, что остальную часть расходов дадут бюджеты других уровней и внебюджетные источники.

Эта норма была отменена законом № 122-ФЗ с 1 января 2005 г. После ее отмены улучшения в относительных размерах расходов не произошло.

В мае 2019 г. состоялся Московский академический экономический форум (МАЭФ), организованный Российской академией наук и Вольным экономическим обществом, руководимый, соответственно, Президентом РАН А. М. Сергеевым и Президентом Вольного экономического общества профессором С. Д. Бодруновым. Процитирую обращение форума: «… три четверти участников организованного в рамках МАЭФ интерактивного опроса считают, что сложившиеся механизмы организации, управления и финансирования науки неадекватны задачам, которые она призвана решать в интересах страны»[2]. Эта позиция имеет серьёзные основания, особенно если добавить к ней недопустимо низкий уровень финансирования науки. По международным нормам объем финансирования науки должен составлять не менее 2 % от ВВП; согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 (далее – Указ № 599) – 1,77 % (не позднее 2015 г.); по оценкам РАН – 1,14 %. По данным Счетной палаты (2020 г.)[3], общие затраты на российскую науку с 2000 по 2018 г. увеличились в 13 раз, с 76,7 млрд рублей до 1028,2 млрд рублей. Однако в части науки Указ № 599 недофинансирован из всех источников, по данным Российской академии наук, не менее чем в полтора раза; а из федерального бюджета, по данным Комитета Государственной Думы по образованию и науке, – примерно в 4,5 раза.

Согласно оценкам Комитета Госдумы по образованию и науке, федеральным законом о федеральном бюджете на 2019–2021 гг. было предусмотрено следующее (табл. 1).

---

[2] Обращение Московского академического экономического форума (МАЭФ). URL: https://maef.veorus.ru/about/archive/2019 (дата обращения 03.09.2019).

[3] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». 2020 год. URL: fgosvo.ru > uploadfiles / Work_materials_disscusion /…

Таблица 1

Плановые расходы на науку из федерального бюджета

Год	Доля от ВВП, %	Уровень финансирования по отношению к Указу № 599, %
2019	0,38	21,5
2020	0,39	22,0
2021	0,38	21,5

В абсолютных цифрах объем запланированных расходов федерального бюджета на исследования гражданского назначения выглядел так: 2019 г. – 408,1 млрд р.; 2020 г. – 442 млрд р. (рост 8,3 %); 2021 г. – 452,8 млрд р. (рост 2,44 %). Это более или менее соответствует уровню досанкционного 2013 г. (427,9 млрд рублей) на фоне более чем двукратной девальвации рубля по отношению к основным мировым валютам [2, с. 3–7].

Расходы федерального бюджета на фундаментальные научные исследования были запланированы в следующих объемах: 2019 г. – 178,9 млрд р.; 2020 г. – 199,1 млрд р. (рост 11,3 %); 2021 г. – 215,8 млрд р. (рост 8,4 %). В процентах к ВВП это составляет: 2019 г. – 0,17 %; 2020 г. – 0,18 %; 2021 г. – 0,18 %.

Правда, 1 декабря 2016 г. был издан Указ Президента РФ № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», который предусматривает, что государственные расходы на науку должны составлять около 1 %, а остальное финансирование должно производиться за счет частных вложений. Однако даже в этом случае президентский указ недофинансируется в 2…2,5 раза. Возникает вопрос: как можно игнорировать указы президента, когда, по крайней мере до весны 2020 г., бюджет буквально ломился от профицита? Эта тема стала предметом дискуссии при обсуждении на заседании Комитета Госдумы по образованию и науке проекта федерального бюджета на 2020 г.[4]. На вопросы депутатов в адрес Минфина и Минобрнауки по

[4] Из стенограммы заседания Комитета Государственной Думы по образованию и науке. 7 ноября 2019 г.:
В. А.Никонов, Председатель Комитета Государственной Думы по образованию и науке: Указом президента 2012 года определено, что расходы на науку в Российской Федерации должны составить 1,77 от ВВП. … у меня вопрос к вам – почему не выполняется указ Президента Российской Федерации?
С. А. Гашкина, директор Департамента бюджетной политики в отраслях социальной сферы и науки Министерства финансов РФ: … это у нас в стратегии до 2035 года.
В. А.Никонов: Нет, не в стратегии. 2012 год, указы президента, майские, никто не отменял. 599.
С. А. Гашкина: Мы достигаем … показателя с учетом внебюджета, внебюджетных источников.
В. А. Никонов: Нет, вы не достигаете этих показателей. Это то, что как раз с учетом внебюджетных, это 1,1.
С. А. Гашкина: В проекте этого бюджета мы заложили полную индексацию заработной платы. Плюс дополнительно вместе с Минфином на площадке правительства проработали увеличение объемов финансирования науки на 5,6 миллиарда рублей. Пока это те параметры, на которые мы совместно...

поводу исполнения Указа № 599 в части финансирования науки представители ведомств отвечали, что они руководствуются Указом Президента от 7 мая 2018 г. № 204 и собираются доводить финансирование науки до 2 % ВВП… лишь к 2035 г.! Аргументы депутатов о том, что Указ № 599 не отменен и должен быть исполнен к 2015 г., действия не имели.

Добавим, что, согласно уточненному анализу профильного думского комитета, бюджетные расходы в 2020–2022 г. не только не приблизят страну к реализации Указа № 599, но, напротив, обеспечат движение в прямо противоположном направлении. Согласно этому анализу (с учетом изменений, внесенных в трехлетний бюджет), эти расходы составят: 2020 г. – 0,44 % ВВП; 2021 г. – 0,43 % ВВП; 2022 г. – 0,42 % ВВП.

Если тенденция продолжится, к 2035 г. доля расходов федерального бюджета на науку снизится до уровня менее 0,3 %. Вопрос, как можно увеличивать финансирование науки путем сокращения бюджетных расходов, выходит за пределы здравого смысла.

На упомянутом выше заседании Комитета Госдумы представители Минфина и Минобрнауки России, пытаясь обосновать крайне низкий уровень финансирования научных исследований, сетовали, что бюджетное финансирование этих исследований составляет 60…70 %, тогда как за рубежом не менее половины всех вложений в науку осуществляет бизнес. Это действительно так. Как отмечает вице-президент РАН А. Хохлов, «научные центры станут эффективно заниматься прикладными исследованиями тогда, когда не государство, а предприятия захотят в них вкладывать, причем не из-под палки. Важно, чтобы у самих предприятий была соответствующая мотивация»[5]. Кстати, формирование такой мотивации – это тоже вопрос государственной политики.

Представление о доле расходов на науку в некоторых странах дает исследование НИУ «Высшая школа экономики» (табл. 2).

Согласно этому исследованию, среди 62 стран, по которым были собраны данные, Россия в 2016 г. занимала 35-е место. Очевидно: если бы удалось собрать данные по большему числу стран, место России оказалось бы значительно ниже.

По данным Счетной палаты, по объему относительных затрат на науку (1,1 % от ВВП) Россия находится на 34-м месте в мире, а по индикатору внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя позиция еще хуже – 48-е место (93 тыс. долларов).

Нарастающее отставание финансирования науки в России от передовых стран отметил председатель бюджетного комитета Госдумы А. М. Макаров при обсуждении проекта федерального бюджета на 2020 г. и плановый период 2021–2022 гг.[6]. Согласно его данным, в течение одного года отставание финансирования российской науки

В. А. Никонов: У меня вопрос: почему не выполняется указ Президента Российской Федерации? Я знаю, что вы увеличили на 5, … куда ушли эти 5 миллиардов. Почему не выполняется указ президента?

С. А. Гашкина: Теперь выполняем указ 204-й. У нас есть национальный проект «Наука», и мы в рамках национального проекта достигаем к 2035 году 2 % ВВП.

В. А. Никонов: Извините, но Путин не отменял указ 2012 года. Он почему не выполняется? Мне просто интересно. Задаю это каждый раз, и каждый раз получаю разные ответы.

[5] Счетная палата назвала главные проблемы российской науки / РБК. 2020. 7 февраля. URL:https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3c1bf19a7947cce149aa99

[6] См. стенограмму пленарного заседания от 23 октября 2019 г.

Таблица 2

Доля расходов на науку в некоторых странах (2016 г.)

Страна	Доля расходов, % к ВВП	Место
Израиль	4,25	1
Республика Корея	4,23	2
Швейцария	3,42	3
Япония	3,29	4
Швеция	3,38	5
Германия	2,93	9
США	2,79	11
Франция	2,22	13
Китай	2,07	18
Великобритания	1,70	22
Бразилия	1,17	34
Россия	1,10	35
Литва	1,04	36
Индия	0,63	45
Киргизия	0,12	60
Таджикистан	0,11	61
Индонезия	0,08	62

от США увеличилось с 26 до 33 раз; от Китая – с 12 до 16 раз; от Японии в настоящее время отстаем в 10 раз. А. М. Макаров справедливо отметил колоссальные риски подобной «экономии»: в результате применения новых технологий, основанных на научных открытиях, цена американской сланцевой нефти снизилась до 51 доллара за баррель (по отдельным скважинам – ниже 40 долларов за баррель), и дальнейшее её снижение ставит под вопрос нефтяной экспорт России – основу нашего бюджета – особенно с учётом ожидаемого удорожания добычи нефти в северных широтах и на шельфах северных морей. Отечественные вложения в геологоразведку новых запасов нефти могут оказаться бессмысленными[7].

Не анализируя историю выхода России из соглашения ОПЕК+ и возвращения к аналогичному соглашению на худших условиях, отметим, что в целом эта история подтверждает правильность оценок А. М. Макарова. Правда, осознание остроты ситуации не привело к практическим результатам, и во втором чтении критики недофинан-

[7] *А. М. Макаров*, председатель Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам: «…за последние десять лет Соединённые Штаты нарастили добычу нефти более чем в два раза, а у нас и у Саудовской Аравии она осталась на том же уровне, поэтому сегодня сланцевая нефть Соединённых Штатов, по существу, определяет верхнюю границу цены на нефть. Себестоимость этой нефти — 51 доллар за баррель, более того, по отдельным скважинам она опускается уже ниже 40 долларов за баррель, то есть ниже нашей цены отсечения. Мы видели на примере Саудовской Аравии, как взрывы ударили по цене на нефть, но цена продержалась, была более или менее высокой только несколько недель и потом снова опустилась. Рассчитывать на работу в условиях высокой цены на нефть не приходится».

сирования науки, представляющие партию власти, голосовали за закон о бюджете, предусматривающий снижение доли расходов на НИОКР от ВВП.

В печати публикуются данные, согласно которым с учетом пересчёта по паритету покупательной способности по общему объёму государственных расходов на науку Российская Федерация входит в первую пятёрку государств мира[8]. Однако Президент РАН, академик А. М. Сергеев, выступая на пленарном заседании Госдумы 11 сентября 2019 г. («правительственный час» с министром науки и высшего образования М. М. Котюковым), справедливо подчёркивал, что пересчет по паритету покупательной способности в данном случае некорректен: научное оборудование Россия закупает за валюту по мировым ценам; приглашенным зарубежным ученым зарплата выплачивается также на уровне передовых стран и т. п. Иными словами, более корректно сопоставление расходов на науку в долларовом исчислении[9] . Кстати, когда принимали федеральный закон № 253 от 27.09.2013 о так называемой реорганизации Российской академии наук, нас уверяли, что она работала недостаточно эффективно. Напомню, что по соотношению «затраты – результаты» это была самая эффективная научная организация в мире. В области науки мы занимали второе место после США при несопоставимо меньших затратах (в пересчете на доллары).

В упоминавшемся докладе Счетная палата сформулировала и направила в адрес правительства следующие рекомендации[10] :

«привести правовые акты, связанные с наукой, в соответствие с законодательством». – Формулировка не вполне ясная, ибо законодательство в широком смысле включает и подзаконные правовые акты;

«распределить бюджетные средства, выделенные на НИОКР, с учетом результативности научной деятельности каждого отдельного института». – Чтобы реализовать эту рекомендацию, требуется выработать объективные критерии такой результативности, в том числе иметь в виду, что результаты фундаментальных исследований проявляются, как правило, на длительных отрезках времени;

«создать систему мониторинга результативности исследовательской деятельности, в том числе с учетом коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности». – Фундаментальные исследования немедленной коммерциализации не поддаются, а гуманитарные – тем более. Кроме того, надо учитывать негативный опыт «мониторинга» эффективности вузов;

«увеличить господдержку развития научной инфраструктуры и кадрового потенциала, в том числе за счет повышения зарплаты исследователей». – Данный пункт сомнений не вызывает, но о зарплате исследователей речь впереди.

[…]

---

[8] Например, утверждается, что в 2015 г. расходы на исследования и разработки гражданского назначения в США составили 62,7 млрд долларов; в Китае – 59,1 млрд, в Японии – 33,3 млрд, а в России – 18,5 млрд долларов (см.: Инвестиции в науку: на пути к экономике знаний. Предложения Российской академии наук по повышению эффективности вложения финансовых средств в развитие фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований. М., 2016. С. 2).

[9] См. стенограмму пленарного заседания Госдумы от 11.09.2019.

[10] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин…». URL: fgosvo.ru > uploadfiles / Work_materials_disscusion /…

«… повысить эффективность центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальными научными установками». – И этот пункт очевиден при условии, что упомянутые центры и установки есть в наличии.

На наш взгляд, ключевыми рекомендациями в данном случае должны быть:

1) радикальное увеличение финансирования науки из федерального бюджета – не менее чем до 1 % от ВВП в течение не более трех лет;

2) введение системы стимулов (в том числе налоговых) для развития высокотехнологичного производства во всех секторах экономики.

Напомним: чем сильнее страна нуждается в экономическом прорыве, тем выше должны быть расходы на образование и науку. Наука и новые технологии – ключ к модернизации страны через новую индустриализацию.

3. *Дебюрократизация как механизм торможения научного поиска*

Как минимум, в последние семь лет в российской науке стремительно нарастает бюрократизация, причем ускорился этот процесс после вступления в силу федерального закона от 27.09.2013 № 253 «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Более того, в настоящее время эта проблема по остроте сопоставима с недофинансированием.

Специальные обобщающие исследования на эту тему нам не известны. Однако академик В. А. Черешнев (в то время Председатель Комитета Государственной Думы VI созыва по науке) еще в 2016 г. утверждал, что после «реорганизации» РАН бумагооборот в научных организациях увеличился на два порядка. Разумеется, это оценочное суждение, а не точный расчёт, однако суть процесса оно вполне отражает.

Значительный вклад в общее дело бюрократизации науки внес федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации». Превратив аспирантуру в третью ступень высшего образования, он заставил научные организации проходить государственную аккредитацию по соответствующим укрупненным группам специальностей и оформлять неимоверное количество различной документации.

Как известно, регламентация образовательной деятельности в российском законодательстве к реальному качеству образования отношения не имеет, но зато требует специфических навыков оформления документов. Справедливости ради заметим, что вина за это нередко лежит на самом образовательном сообществе, представители которого разрабатывают образовательные стандарты и, по формуле «хотели, как лучше», вписывают в условия реализации образовательных программ параметры, порой доходящие до абсурда.

Одно из проявлений бюрократического подхода к науке (как, впрочем, и к образованию, здравоохранению) – так называемая оптимизация научных организаций. Напомню: общее количество школ в России за постсоветский период сократилось, согласно официальным данным, с 69,7 тысяч до 42 тысяч, в том числн сельских – с 48,6 до 24,1 тысячи.

Число больниц в стране, согласно сайту «Российские реформы в цифрах»[11], с 1990 г. по 2010 г. сократилось вдвое, число поликлиник – на 30 % при увеличении числа врачей на 8 %, в том числе количество участковых больниц в сельской местности уменьшилось в 4,3 раза. В последующие годы «оптимизация» продолжилась.

[11] http://refru.ru/

По данным Рособрнадзора, количество высших учебных заведений с января 2014 г. по январь 2018 г. сократилось:

- государственных вузов – на 17 % (с 567 до 484);
- филиалов государственных вузов – в 2,1 раза (с 908 до 428);
- частных вузов – в 2,1 раза (с 371 до 178);
- филиалов частных вузов – в 5,2 раза (с 422 до 81).

Ситуация с реорганизацией научных учреждений формально выглядит лучше. По данным Росстата, количество организаций, выполняющих исследования и разработки, в 1992 г. составляло 4555; в 2005 – 3566; в 2016 – 4032. Однако, по данным РАН, количество академических научных институтов до начала реорганизации составляло 901, а в настоящее время – 460.

Всё это время нам говорили, что реорганизации производятся исключительно на добровольных началах. Однако, во-первых, как минимум, в высшем образовании это не так: иначе не было бы акций протеста с участием преподавателей и студентов. Во-вторых, даже если прямого административного принуждения не было, политика выстраивалась таким образом, что по сравнению с теми, кто согласился на реорганизацию, вузы и научные организации, желающие сохранить самостоятельность, были поражены в правах. Им не давали возможности повышать статус, ограничивали набор по нужным специальностям и т. п. Убежден – это глубоко неверно. Поощрение и санкции должны зависеть не от «послушания», но от реальных результатов работы.

В действительности за «оптимизацией» стоят две системные проблемы современной отечественной науки:

- недофинансирование, ибо в процессе «оптимизации» обычно сокращается численность работников, количество имущества, которое нужно содержать, и т. д.;
- бюрократизация, ибо меньшим количеством объектов чиновникам удобнее управлять, а отечественные управленческие решения, включая законодательство, сплошь и рядом принимаются по известной формуле М. Жванецкого «паровоз – для машиниста».

Частный пример бюрократизации науки – применяемая в России система оценки научных публикаций. Напомню: 5 апреля 2019 г. в Госдуме проходил «круглый стол» Комитета по образованию и науке на тему: «Совершенствование системы научных публикаций в Российской Федерации». Выношу на суд образовательного и научного сообщества мои предложения, озвученные на «круглом столе»:

1. В рамках ежегодного мониторинга отказаться от измерения эффективности работы вузов объёмом затрат на науку. Согласно элементарным принципам теории управления, эффективность затрат должна измеряться результатами, однако в данном случае всё делается наоборот. При такой системе Эйнштейн и Ландау попали бы в число неэффективных научных работников.

2. Продолжить работу по созданию и развитию отечественных баз научных публикаций. В настоящее время Scopus и Web of Science превратились в бизнес-проекты: за публикации вузам, научным организациям и преподавателям приходится платить, причем таксы хорошо известны. По экспертным оценкам, затраты на эти цели при остром дефиците бюджетных средств составляют до 4 млрд долларов в год[12].

---

[12] При этом аудиторы Счетной палаты в качестве одного из главных недостатков российской науки называют недостаточный уровень научных публикаций: только 5 % российских статей в базе данных Scopus за 2018 г. было опубликовано в журналах, входящих в ТОП-10

3. Оказать государственную поддержку отечественным научным журналам. В противном случае они вынуждены публиковать статьи за деньги, что не имеет отношения к качеству публикаций.

4. Возродить систему реферирования научных статей из иностранных журналов, которая была развита в советский период. Это сэкономит время отечественных ученых и преподавателей и компенсирует не всегда хорошее знание иностранных языков специалистами старшего поколения.

5. Создать специальную рабочую группу из представителей Российской академии наук, Российской академии образования, Российского Союза ректоров и других организаций для выработки критериев оценки научной деятельности и предложить результаты для широкого обсуждения научному и образовательному сообществам.

Помимо всего прочего, предложенная прежним руководством минобрнауки система оценки научных публикаций не учитывает специфики социогуманитарного знания. На это в специальном решении Ученого совета от 06.02.2020 указал Институт философии РАН. Выражая солидарность с основными положениями этого документа, хочу обратить особое внимание на два из них.

1. В гуманитарных науках принципиально не верно отдавать приоритет публикациям на иностранном языке и индексу цитирования в иностранных базах данных. Основной язык социогуманитарного знания в нашей стране – русский, поскольку обсуждаются прежде всего проблемы отечественного социокультурного развития. На протяжении многих лет работы автор этих строк публиковался преимущественно на родном языке и в отечественных журналах, поскольку они предназначались прежде всего для отечественного читателя (в моем случае – и избирателя). В свою очередь, Председатель профильного Комитета Госдумы В. А. Никонов неоднократно подчеркивал, что наиболее высокий индекс цитирования в зарубежной прессе получают те отечественные авторы, которые, независимо от качества материала, концентрируются на критике российской политики, культуры или страны в целом. Специфика социогуманитарного знания проявляется в данном случае вполне отчётливо.

2. Цитирую решение Ученого совета Института философии РАН от 6 февраля 2020 года: «Главным результатом научного труда ученого социогуманитарной сферы в России и в мире считаются монографические книжные публикации, коллективные труды, энциклопедические, словарные и документальные публикации, комментированные собрания сочинений классиков, издания архивных документов и т. д. Именно по книгам во всем мире обучают студентов, книжная продукция считается главным аттестатом труда ученого». Солидаризируюсь и в данном случае.

4. *Дебюрократизация науки как путь к инновациям*

Ж. И. Алфёров – единственный в мире Нобелевский лауреат и одновременно многолетний депутат парламента лауреат премии им. С. Ю. Витте, присужденной ему Институтом нового индустриального развития под руководством профессора С. Д. Бодрунова – много раз утверждал, что результативность научных исследований (во всяком случае в области естественно-математических и технических наук) не может измерять-

---

по уровню цитируемости (в США эта доля составляет 22 %, в Германии – 19 %, в Китае – 17 %). См.: Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин…». URL: fgosvo.ru > uploadfiles / Work_materials_disscusion /…

ся разного рода формально-бюрократическими показателями. Одним из главных критериев такой эффективности должно быть превращение результатов исследований в новые технологии и, соответственно, технологический уровень производства.

Напомню в этой связи одну из национальных целей, заявленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 на 2024 г.: «… ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа».

Приведу для сравнения данные Комитета Госдумы по образованию и науке[13]:

• в 2016 г. коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. человек населения) составил 1,83 %;

• удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации: 2005 г. – 9,3 %; 2016 г. – 7,3 %;

• удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции: 2005 г. – 5 %; 2016 г. – 8,5 %.

Как видим, принципиальных изменений за 11 лет не произошло.

В целом же, по данным Г. Г. Малинецкого, вице-президента Нанотехнологического общества России и в недавнем прошлом заместителя директора Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, количество инноваций (по сравнению с советским периодом) сократилось в 5…7 раз. Среди причин, помимо недофинансирования и бюрократизации науки, следующие:

1. Очевидная деиндустриализация страны. По сравнению с советским периодом (1990 г.), в 2019 г. в РФ выпуск экскаваторов составил 11,9 %; комбайнов – 7,3 %; металлорежущих станков – 5,7 %; тракторов – 1,3 %[14].

2. Дешевая рабочая сила, что не стимулирует бизнес к внедрению современных технологий. Так, количество ежегодно устанавливаемых многофункциональных роботов в расчете на 10 тысяч работников, по данным Международной федерации робототехники (IFR), в 2017 г. составляло: в Южной Корее – 710; в Сингапуре – 658; в Германии – 332; в России – 4.

3. Нарастающая бюрократизация управления в целом (включая законодательство), связанная с непродуктивной моделью развития общества, при которой управление экономикой и финансами на протяжении многих лет было отдано «системным либералам», а государственное строительство – «силовикам». В этом смысле бюрократизация управления наукой является частным проявлением общей модели.

Официально считается, что рост бюрократических процедур в науке призван повысить эффективность работы ученых и преподавателей. Однако на практике от бюрократизации эффективность только снижается. Подтверждается мнение Макса Вебера: попытка сверхрационализации управления приводит к его иррационализации, рациональная бюрократия превращается в самодовлеющую. Иначе говоря, бумаги, отчеты и проверки убивают живую работу и творчество.

---

[13] Решение Комитета по образованию и науке ГД ФС РФ седьмого созыва «Об итогах совещания на тему «О совершенствовании законодательного регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности». Протокол № 35-4 от 11 января 2018 г.

[14] Официальный сайт Комитета государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm (Дата обращения: 09.04.2020).

5. *Кадры науки: статус и подготовка*

В научном сообществе любят рассказывать историю о том, как советский чиновник однажды приветствовал коллектив академического института словами: Здравствуйте, жрецы науки! На что Л. Ландау из первого ряда возразил: жрецы науки – это те, кто жрет за счет науки, а мы – научные работники...

Как известно со времен М. Вебера, статус личности (общественной группы) складывается из двух составляющих: объективное (в том числе материальное) положение в системе общественных отношений и связанный с ним, но относительно самостоятельный престиж. Обе составляющие во многом являются производными от решения двух обозначенных выше системных проблем науки: финансирования (недофинансирования) и характера управления (включая необходимость дебюрократизации). Если верить официальной статистике, с материальным положением научных сотрудников в России всё хорошо (табл. 3).

Таблица 3

Средняя зарплата научных сотрудников в организациях государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Федерации за январь–декабрь 2019 г.[15]

Регион	Заработная плата научных сотрудников, р.	Отношение к средней заработной плате по региону
По РФ в целом	94 725	2,4 раза
Москва	123 746	168,0 %
Санкт-Петербург	96 016	185,1 %
Томская обл.	82 658	2,3 раза
Тюменская обл. (без автономных округов)	75 920	175,2 %
Новосибирская обл.	65 095	198,5 %
Свердловская обл.	63 928	178,4 %
Омская обл.	51 749	173,5 %

По официальным данным, в 2019 г. средняя заработная плата научных сотрудников, в отношении которых предусмотрено повышение среднего уровня оплаты труда, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», составила 94 762 рублей. Ее размер увеличился чуть более чем на 1 % (в 2018 г. составлял 93 717 рублей), при этом численность персонала данной категории сократилась примерно на 10 %, т. е. в 10 раз больше, чем выросла зарплата.

В другом официальном издании того же Росстата мы находим другие данные (табл. 4)[16].

---

[15] Официальный сайт Комитета государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itog-monitor03-19.html (Дата обращения: 09.04.2020).

[16] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб./Росстат. Р76 М., 2019. С. 156.

Таблица 4

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности

Годы	Всего по экономике, р.	Научные исследования и разработки, р.
2010	20952	32320
2016	36709	64100
2017	39167	66178
2018	43724	75913

Иными словами, официальные данные Росстата о средней заработной плате в науке за 2018 г. отличаются почти на 18 тыс. рублей: 75 913 против 93 717 рублей. Соответственно, и отношение зарплаты в науке к зарплате по экономике в целом уже не 2,4 раза, но лишь 1,7 раза. Иначе говоря, официальная статистика одновременно дает два противоположных ответа на вопрос об исполнении президентского Указа № 597 в части оплаты труда научных работников. Неслучайно по поводу качества этой статистики Председатель бюджетного комитета Государственной Думы А. М. Макаров на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме однажды заметил: после того, как мы подчинили Росстат Минэкономразвитию, нам по плечу любые показатели!

От работников науки мне не раз приходилось слышать вопрос: покажите, кто столько получает? Вот некоторые данные нашего опроса:

• ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, кандидат экономических наук: зарплата за полную ставку – 24,3 тыс. рублей + 25,2 тыс. рублей стимулирующая оплата. Итого: 49,5 тыс. рублей;

• кандидат биологических наук, работает на полставки в московском академическом институте: зарплата – 20 тыс. рублей, при работе на полную ставку составляла бы 45 тыс. рублей.

Всё это – москвичи. Средняя зарплата в Москве на 1 января 2019 г. составляла почти 79 тыс. рублей. Согласно Указу Президента № 597, средняя зарплата научных работников в столице должна бы составить почти 160 тыс. рублей, что опровергается приведенными примерами.

Низкий уровень оплаты труда отечественных научных работников по сравнению с их коллегами за рубежом отмечают и аудиторы Счетной палаты: «… например, уровень заработной платы профессорско-преподавательского состава, занятого в НИОКР, в 2018 г. в Германии и Чехии превышает соответствующий российский показатель в 3,3 и 1,4 раза, соответственно»[17]. При этом речь идет о заработной плате, пересчитанной по паритету покупательной способности.

Очевидно: широко объявленное кратное повышение заработной платы отечественных работников науки – в значительной степени результат статистических «чудес». Но даже когда это повышение действительно происходит, оно достигается в зна-

[17] Отчет о результатах экспертно-аналитического мерориятия «Определение основных причин …». URL: fgosvo.ru > uploadfiles / Work_materials_disscusion /…

чительной степени за счет «оптимизации» – сокращения числа работников и увеличения их нагрузки.

Так, по официальным данным, количество работников науки в РСФСР в конце советского периода составляло около 1,5 млн человек, а в 2018 г. – 887,7 тыс. человек, занятых исследованиями и разработками. По данным же РАН, количество научных сотрудников за послесоветский период сократилось в 2,7 раза.

С материальным положением работника науки связана и вторая составляющая его статуса – престиж. Приведем данные опросов населения России в возрасте от 16 лет и старше, организованных Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (октябрь 2016 г. – январь 2017 г.). На вопрос «Хотели бы Вы видеть научным работником своего сына, дочь?» – ответы распределились следующим образом (табл. 5):

Таблица 5

Данные опросов

Год	Скорее «да»	Скорее «нет»	Затрудняюсь ответить
2003	32	47	21
2006	36	45	20
2009	43	43	14
2011	42	43	16
2014	26	63	11
2016	32	60	8

Очевидно: 1 – престиж научного работника в России остаётся невысоким, ибо количество тех, кто не желает видеть сына или дочь ученым, существенно больше тех, кто хотел бы для своего ребенка такой профессиональной карьеры; 2 – в 2016 г. престиж, скорее упал, ибо при сохранении доли положительных ответов на уровне 32 % доля отрицательных ответов увеличилась с 47 до 60 %.

Аналогичных опросов в советский период не видел, однако по собственному опыту знаю: престиж научного работника и стремление работать в науке были значительно выше, как и заработная плата вузовского доцента, не говоря уж о профессоре (по отношению к средней по стране и прожиточному минимуму).

Не удивительно, что результатом недофинансирования и «оптимизации» стала «утечка умов». Напомним: в качестве одной из национальных целей в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 заявлено: «обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей».

Однако эксперты компании FinExpertiza, изучив данные Росстата, обнаружили, что, несмотря на двукратное увеличение финансирования российской науки с 2010 по 2018 г., она теряет кадры. За этот же период число ученых в стране уменьшилось (прежде всего в естественных и технических науках) на 21 тысячу человек. По данным экспертов РАН, количество высококвалифицированных работников науки, покинувших Россию, в 2013 г. составляло 20 тысяч, в 2016 г. – 44 тысячи.

Что же касается постсоветского периода в целом, то, по данным Всемирного банка, в этот период Россию покинули более 200 тыс. ученых и инженеров. Еще около 1 млн научных сотрудников за тот же период совершили «внутреннюю миграцию» – прекратили занятия наукой и ушли в частный сектор или на госслужбу. Как видим, и в данном случае национальные цели, сформулированные в Указе Президента, далеки от реализации.

Отдельная тема – подготовка научных кадров. Её острота, с одной стороны, связана со снижением статуса аспиранта, а с другой – искусственно создана федеральным законом от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (см. разд. 3).

На статус аспиранта, кроме снижения престижности научной работы, прямо влияет уровень материальной поддержки. Согласно Постановлению Правительства РФ от 17.12.2016 № 1390, расчетная аспирантская стипендия составляет в настоящее время 2921 руб. (27 % от прожиточного минимума трудоспособного населения в среднем по РФ на 1 января 2019 г.). В советский период стипендия аспиранта составляла 1,8 от прожиточного минимума на 1988 г. (т. е. снижение в реальном содержании – примерно в шесть раз).

Не могу не отметить: по мнению большинства экспертов, превращение аспирантуры (в соответствии с ФЗ № 273) в третью ступень высшего образования со всеми вытекающими последствиями для учебного процесса и регламентации образовательной деятельности резко снизило ее эффективность в качестве системы подготовки научных и научно-педагогических кадров. Потребовалось более пяти лет правоприменительной практики, чтобы это осознали и представители профильного министерства. Лишь в конце 2019 г. в Госдуму был внесен законопроект, который, правда, не возвращает аспирантуре статуса послевузовского (последипломного) уровня образования, но вводит целый ряд положений, предлагающих на этом образовательном уровне сконцентрироваться именно на подготовке кадров высшей квалификации (включая отмену обязательной аккредитации).

Отмечая выдающуюся роль науки в жизни просвещенного человека, М. В. Ломоносов писал:

В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Однако и в жизни современного государства наука играет не меньшую роль, тем более важную, чем выше уровень развития общества в целом. Надеюсь, российские власти всех ветвей и уровней по собственному осознанию или под давлением обстоятельств научатся любить науку так, как она того заслуживает. В противном случае будущее страны и ее национальная безопасность окажутся под угрозой.

Список литературы

1. *Вострыков Л. Е.* Культурная политика: концепции, понятия, модели ссылка / Л. Е. Вострыков // Сайт Института культурной политики http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html

2. *Тодосийчук А. В.* О новых механизмах бюджетного финансирования науки / А. В. Тодосийчук // Инвестиции в России. – 2018. – № 12. – С. 3–7.

O. N. Smolin. Scientific and innovative policy in Russia and some systemic problems of the development of Russian science. The article is devoted to one of the most urgent problems of modern Russia – the role of science and science and innovation policy in the modernization of the country.In the author's opinion, ensuring such modernization involves solving the systemic problems of Russian science itself. Among such problems, the author highlights**,** in particular, the following: funding (under-funding) of science; bureaucratization (the need for de-bureaucratization) of the organization of scientific research; the status of a researcher and training of highly qualified personnel. The article analyzes the national goals and other parameters of the development of science, stated in the presidential decrees**,** and based on the actual material substantiates the conclusion that the current scientific and innovation policy either does not solve the tasks set, or solves them to a clearly insufficient extent**.** The article contains specific proposals in the field of domestic science and innovation policy.

Keywords: scientific and innovative policy, innovative economy, systemic problems of science, research funding, bureaucratization of science, reorganization of scientific institutions, status of a scientist, average salary in science, prestige of the profession of a scientist, training of scientific personnel.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-86-92

Я. М. Миркин[1]

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ФИНАНСОВЫХ СТРУКТУРАХ: ВОЗДЕЙСТВИЕ ШОКОВ-2020

Дан прогноз крупномасштабных структурных изменений в мировой экономике и глобальных финансах, вызванных пандемией коронавируса. Рассмотрены ключевые области изменений: идеология, массовое сознание, многополярная архитектура (центры рыночной власти, «мастерские мира», США – ЕС – азиатские экономики, технологические и финансовые центры), протекционизм против открытости, реструктурирование рынков труда, глобальных товарных и финансовых потоков. Представлен прогноз изменений в технологической и продуктовой структурах мирового производства, на рынке труда. Выдвинуты предположения о росте ценности доступа к первичным ресурсам, товарам ежедневного потребления, любым активам и бизнесам в офлайне, необходимым для выживания (при значимом росте онлайновой деятельности). Будет расти спрос на активы в личной собственности при уменьшении роли шеринговой экономики. Возникнут стимулы к большему сбережению (финансовые резервы против крупных рисков) при сокращении спроса на кредиты и другие долги. Дан базовый сценарий экономического будущего.

Ключевые слова: глобальная финансовая архитектура, мировое производство, пандемия, реструктуризация, центры силы, экономическое будущее.

УДК 330.352

После шоков-2020 мир не может быть прежним. Невозможно представить, чтобы экономики «отряхнулись и побежали дальше». Сегодня можно только прогнозировать изменения, которые могут быть еще более глубокими, чем после кризиса 2008–2009 гг. Эти изменения охватят идеи, соотношение сил на мировой экономической арене, структуру спроса и предложения.

Идеологии, массовое сознание

Когда пандемия исчезнет, нам на память останутся страх, понимание шаткости любой экономики и того, что «черный лебедь» что-то зачастил. А в общественном сознании:

1) утвердится понимание и ощущение того, что происходит нечто «из ряда вон» – в климате, в волнах пандемий, в нарастании техногенных катастроф;

[1] *Яков Моисеевич Миркин*, зав. отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор, д-р экон. наук, e-mail: yakov.mirkin@gmail.com

2) останется глубокая рана – от беспомощности и страха непреодолимой внешней силы, того, от чего нельзя избавиться субъективно, личными действиями;

3) возникнет комплекс от выбора людей во время пандемии «жить или не жить» по разной ценности – возрастной, сословной, имущественной, когда лично тобой или твоей группой можно пренебречь, обречь на уничтожение в интересах других в условиях дефицита ресурсов;

4) останется смятение от бытия в толпе «самих себя» – в потоке массовой разноголосицы, разноречия, разногласия, пропагандистской обработки, полуоткрытости информации («коллективная иррациональность»);

5) закрепится травма принудительного, с жесткими ограничениями, поднадзорного коллективного бытия в мобилизационном обществе и экономике;

6) укоренится тренд к ограничению свобод личности, к уничтожению ее тайн – собственности, медицинской, налоговой, банковской и т. п.

Могут измениться понятия «развитого» и «развивающегося» государства, с учетом того, что развитые государства с их собственными комплексами «свободы – несвободы», с их оптимизированными системами здравоохранения, мало рассчитанными на шоки, оказались более уязвимыми в условиях пандемии. Возникнет широкое обсуждение коллективных моделей поведения в различных обществах и их адаптивности к экстремальным ситуациям, способности отвечать на шоки (англо-саксонская, азиатская, европейская континентальная, европейская средиземноморская, скандинавская, постсоветская модели и т. п.).

Может усиливаться идеология широкого вмешательства государства, меняющая баланс между свободой и необходимостью, принуждением по всему ряду обществ и их экономик (от либерализованных до тоталитарных). Это отразится в практике развития всё более вертикальных и закрытых обществ (до известного предела, пока маятник не качнется в другую сторону).

В качестве противовеса тренд в массовом сознании: больше личного, больше собственности, вон – из «каменных мешков», крупнейших городов, больше личной свободы, мобильности. В свою очередь, это будет способствовать широкому распространению идей расширения свобод, индивидуализма в устройстве общества и экономики.

Будущее – борьба этих трендов.

Усиление многополярности

Снижение концентрации в «центрах рыночной силы», в «мастерских мира». Все уклоны в центр силы, в монополию хорошо показывают, насколько уязвимы при любом шоке сверхцентрализованные экономические и общественные системы. Это хорошо было видно в январе – апреле 2020 г.: остановки производств в крупнейших западных компаниях из-за сокращения поставок комплектующих из Китая; чувство бессилия, когда купить негде, дома – или не производится, или в очень ограниченном количестве. Хотя до кризиса была масса аргументов в пользу того, что «всегда купим», «нужно делать только то, что получается лучше», «сырье – наше место в международном разделении труда». Конфликты государств по поводу – «какой стране достанутся» поставки медицинских масок из Китая, где они преимущественно производились (США, Германия, Франция – апрель 2020 г.). «Достать маски» – как предмет личных переговоров высших должностных лиц на межгосударственном уровне (Чехия).

Рост протекционизма

Пандемия показала, как государства закрываются – «каждый за себя», «у нас своя собственная судьба». Возникнет огромный интерес к сделанному собственными производителями, к «национальной безопасности», и, как следствие, усиление протекционизма во всех его формах: идеологической, политической, вербальной, экономической. Последняя – рост таможенных и нетаможенных барьеров; дальнейшее снижение роли многосторонних торговых, инвестиционных, налоговых и прочих соглашений; усиление двусторонних форм урегулирования в трансграничном обороте.

Реструктуризация человеческих, товарных и финансовых потоков

Временно сократится «обмен людьми», более закрытыми, национально обособленными станут рынки труда. Будет сделана попытка ребалансирования в мировом производстве – возврат «мастерских» в группу развитых стран, прежде всего в США из Китая, из Азии (возможно открытие мощностей в Африке).

И, наоборот, в финансах, валюте, связи, технологиях – движение из США, из глобальных финансов с англосаксонским и европейским континентальным ядрами – прежде всего в Азию.

Неплохо бы России ухватить что-нибудь в этом движении, но пока не хватает легкости, динамичности, энергии. Отсюда прогноз для России (если не изменимся) – зависимость в технологиях или исходных компонентах. Если не европеизация, то китаизация нашей экономики. Уже сейчас Китай – поставщик №1 оборудования и технологий в Россию, Германия – №2. Страна находится в жесточайшей технологической и продуктовой зависимости от ЕС (больше 40 % оборота внешней торговли) и Китая (17 % оборот внешней торговли). Туда – сырье, к нам – техника, продукция высокого передела.

Ответ на эти вызовы только один – умеренный, разумный протекционизм, максимум стимулов для переноса производства внутрь России. Мы заслуживаем большой универсальной экономики (не только сырьевой!), в которой найдется место всем 146 миллионам человек, живущим у себя дома.

Упрощение технологий и продукции

Мы еще не знаем, каким будет мир после пандемии. Но, если она продлится до года и дольше и на нее будет наложен мировой экономический кризис, то степень разрушения цепочек поставок, технологий, создания сложной продукции может быть очень велика. Остановленные конвейеры, авиакомпании на приколе – насколько быстро убывает их возможность быстро и безопасно запуститься? А обрушение подроста – мелкого бизнеса? Перерывы в кредите?

Утрата умений, знаний людей, отставленных от рабочих мест… Насколько глубокими будут эти процессы? Временные упрощения – это надолго? Кратко- или среднесрочные? Мы этого еще не знаем, но они будут. Экономикам, как и любому после травмы, придется учиться ходить заново, чтобы восстановить ту сложность и сцепку, которой они обладали еще полгода назад.

Рост ценности «простых вещей», первичных ресурсов, офлайна

Ценность вещей «для нас», в первую очередь продовольствия, предметов первой необходимости, лекарств и т. п., может существенно вырасти, как и ресурсов для них. Каждый, кто оказался в карантине, испытал страх перебоев в их доставке. Каждый

пережил продовольственную панику. Что может быть ценнее в мире после пандемии, чем производство энергии, воды и тепла, доставка их? В час «Х» вдруг возникает массовое понимание, что мир привычный, мир, где ты накормлен и обут почти автоматически (во всяком случае, в том кластере стран, в котором находится Россия), очень хрупок, живет «с колес» и в любой момент может уйти в ничто. Население долго будет создавать запасы – как после войны. В этом смысле ценность бизнеса «для нас», вещей для ежедневного потребления может быть гораздо выше, чем, скажем, производство самолетов или металлургического оборудования».

Когда спрашивают, какой бизнес «потом» будет лучше и ценнее – офлайн или онлайн? – это не совсем правильно заданный вопрос. Ответ на него – не в части «виртуальности» или «реальности» бизнеса, а в том, что сразу после пандемии и кризиса больше всего будет цениться бизнес, находящийся ближе всего к личным, ежедневным потребностям. И чем проще, чем ближе к нашему рту, нашим ушам и глазам, тем лучше. Но «Facebook» – тоже «для нас», для наших мозгов – как часть нашего базового потребления. Так что у поставщика онлайн-услуг рейтинг динамики роста акций может быть не хуже, чем у производителей кондитерских изделий и одежды. Другое дело, что может улетучиться миф «онлайн», может испариться ореол, ведущий к переоцененности – это «тот, кто впереди всех технологий» и именно его акции нужно покупать.

Собственность, экономика совместного потребления (шеринговая экономика), долги и накопления

Пандемия объективно резко снижает интерес людей к совместному потреблению (аренде, прокату, найму, каршерингу) и, наоборот, усиливает ценность собственности, особенно недвижимости и земли (как укрытий в «минуты роковые»). Может снизиться ценность многоэтажного жилья с мелкой нарезкой квартир, самого способа жизни – в крупнейших городских агломерациях. Возможна деконцентрация – уход населения в средние и мелкие поселения, с более-менее однородными условиями жизни, при росте дистанционных рабочих мест. В крупнейших городах могут появиться массивы брошенного жилья.

Пандемия подтвердила ценность собственных накоплений, показала, что жизнь в долг, с ожиданием нарастающего потока доходов, с опережающим потреблением в долг – высокий риск. Сбережения, финансовая подушка при массовом ощущении, что впереди – высокие риски, могут стать мейнстримом в отличие от долгов. Обычный способ жизни среднего класса – «зарплатное рабство», «долговое рабство» на десятилетия – может начать меняться. Грубо говоря, мы все можем больше «рассыпаться» на множество частников, поставляющих услуги и продукцию, пользуясь торговыми платформами.

Все эти тренды полностью отличны от преобладвших до пандемии.

Люди, рабочая сила. Регулирование

В будущем – борьба двух трендов. Один – «снизу»: быть свободнее, иметь больше собственности, а не активов в аренде, вещи и сервисы – индивидуальнее, пусть массовые, но с большей настройкой на личные требования. Другой тренд – сверху, продолжающий основное движение последних 20 лет. В экономиках (более высоких или адекватных по уровню развития России) будет меньше рабочих мест. Население (даже на уровне среднего класса) будет легче прокормить, чем найти ему работу. Это будет играющее, развлекающее само себя человечество. Под очень жестким надзором «Боль-

шого Брата», с многими общественными механизмами, понуждающими к выполнению жестких стандартов поведения. В значительной мере может быть утрачена тайна, приватность личности. Часть ограничений, введенных во время пандемии как временные, останутся постоянными. Массовое сознание будет все время обрабатываться. Экономика будет настроена на обработку массовых, стандартных, более-менее однородных запросов населения на жилье, продовольствие, охрану здоровья, движение и развлечения. Гораздо большая часть экономики будет связана с услугами и виртуальной реальностью. Это будет неприятный сословный, кастовый мир. В нем будет гораздо больше государства, чем сейчас. Всё ручное, индивидуальное – только для состоятельных, интеллектуалов и технократов.

Лучше всего будет тем, у кого – реальные умения, кто может сделать для домохозяйств самые простые вещи, нужные каждые день. Пекарни, парикмахерские, косметические салоны, когда снимут карантин, озолотятся, если доживут, конечно.

А кому будет сложнее? Прежде всего креативному классу. Тем, кто обрабатывает организационную и экономическую информацию, посредникам. Маркетологи, аналитики, пиарщики, юристы, бухгалтеры, веб-дизайнеры, клиентщики, редакторы, армия аппаратчиков, экономисты – все они под угрозой. Под угрозой резки «костов», расходов. Будут очень цениться специализированные умения и связи, но только в тех областях, где есть спрос. И, конечно, будет огромный спрос на то, чтобы «прислониться» к государству – в госкомпаниях и банках, в любых его учреждениях. Там, где консервативнее, где надежней кусок хлеба и где меньше риски сокращения рабочей силы.

Экономическое будущее

Так каким же будет мир после пандемии? Это мир успеха экономики «простых вещей». Это мир протекционизма, потому что еще долго никто не забудет, как у Китая буквально вырывали медицинские маски, когда оказалось, что их производство – прежде всего там и нигде больше. Это будет мир, где мы вспомним: то, до чего можно дотронуться, лучше того, что мы только видим, но осязать не можем. В экономиках возрастет вес материального, личного. Мы очень устанем от того, что видим на экране. Да, конечно, коммуникации, интернет-доставка, виртуальное образование, ИТ-надзор за всеми нами – все это будет. И в растущем объеме. Но радость бытия от того, что можешь лично дотронуться, увидеть, ощупать, сделать сам – это будет в ближайшие годы основой экономики успеха.

Это будет экономика конфликта между свободой и вертикалями, между трендом ко всё большему объему правил, всё более жесткому надзору за личностями и всеобщим ростом потребности в субъектной независимости ради лучшего управления своими рисками. Между трендом ко всё большей концентрации (в том числе в производстве массовых стандартизированных продуктов и услуг, в «обработке наших тел и нашего сознания») и трендом к свободе, рассредоточенности, индивидуальности в своем поведении, без чего невозможно выживание в условиях «высокой сейсмики».

Выиграют в экономике те, кто сможет делать чуть более «личные», более индивидуальные вещи. Мы устали от массовой обработки тел и их желаний, когда в самолетах, в супермаркетах, в театральных залах, на променадах, в госпиталях – как в автобусах, набитых до потолка! И при этом – дорого! Мы не хотим стандартности. Нет «человейникам! В этих кубах до неба мы все пропадем. Именно они дают экспоненты заражений. Мегаполисы – это нечеловеческая жизнь, особенно во времена пандемий и техногенных катастроф.

В будущей экономике будет больше любви к тому, что называется «сделай сам». Будет больше собственности и меньше криков о том, что проще купить и арендовать, чем сделать самим. Будут больше цениться собственные, даже простейшие, умения. Способность выживать, выпечь хлеб, обогреть себя и семью, пусть даже как хобби, в этом будет огромная ценность. И дешевле – умения, основанные, прежде всего, на обработке информации. Продвигать, посредничать, выставлять, презентовать – все эти профессии могут быть не так уверены в будущем. Пространство знаний? Экономика будет требовать прежде всего того, что конкретно, очень специально, приближено к физической реальности.

А что из этого? Крупнейшие изменения в структуре спроса и предложения; в том, чего мы будем требовать от экономики; кто и что в ней будет иметь успех. Экономика будет больше помнить о своем предназначении – кормить, поить, одевать и лечить. Станет больше розничной, чем раньше, чуть обыденнее, более земной, чуть дальше от миллионов тонн, от мегаватт, от поражающих воображение проектов, далеких от повседневной жизни, в которых люди – всего лишь счетные единицы. А точнее – бессчетные. После удара – 2020, прошедшего по нашим душам, экономика должна стать человечнее.

Глобальное регулирование

Подсознательно ощущается тренд (он не совсем доказан, идут множественные дискуссии) к росту рисков планетарного масштаба (изменения климата, пандемии, техногенные катастрофы). «Черные лебеди», такие, как пандемия – 2020, возможно, расценивались бы как ожидаемые события, если бы этот тренд был полностью доказан, осознан как всеобщий вызов и стал бы точкой отсчета для глобального регулирования национальных экономик.

Такое регулирование внесло бы крупнейшие изменения в экономические и финансовые структуры, прежде всего на национальном уровне.

Список литературы

1. *Wins*, *A*. How Our Responses to Climate Change and the Coronavirus are Linked / A. Wins // World Economic Forum. – 2020. – April 2.

2. *Kissinger*, *H. A*. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order / H. A. Kissinger // The Wall Street Journal. – 2020. – April 3.

3. *Marr*, *B*. 9 Future Predictions For A Post-Coronavirus World / B. Marr // Forbes. – 2020. – April 3.

4. The World Remade By COVID-19. Scenarios For Resilient Leaders. 3–5 Years. Deloitte. – 2020. – April 6.

Y. M. Mirkin. Changes in economic and financial structures: impact of 2020 shocks. The article predicts large-scale structural changes in the world economy and global finance caused by the “black swan” - the coronavirus pandemic. The key areas of change are considered: ideology, public consciousness, multipolar architecture (centers of market power, “workshops of the world”, USA – EU - Asian economies, centers of technology and finance), protectionism against openness in economies, restructuring of labor markets, global commodity and financial flows . The forecast of changes in the technological and product structures of world production, in the labor market is presented. Assump-

tions have been put forward about the growing value of access to primary resources, food, goods for daily consumption, any offline assets and businesses needed for human survival (with a significant increase in online activities). The demand for assets in personal ownership will increase, while the role of the sharing economy will decrease. There will be incentives for greater savings (financial reserves against large risks) while reducing the demand for loans and other debts. The basic scenario of the economic future is given.

Keywords: centers of power, economic future, global financial architecture, pandemic, restructuring, world production.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-93-103

В. Т. Рязанов[1]

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ И КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Анализируется влияние коронавирусной пандемии на экономику. Раскрываются последствия и особенности современного «вирусно-экономического» кризиса. Рассматриваются антикризисные меры, которые разрабатываются для противодействия вирусной эпидемии. Отмечается, что преодоление ее последствий предполагает активизацию экономической политики государства с ориентацией на развертывание новой технологической революции. Особое внимание уделяется роли экономических отношений, которые должны способствовать реализации потенциала технологической революции в сфере экономики. Это требует проведения политики глубокого реформирования экономики и формирования новой модели экономики.

Ключевые слова: коронавирусная пандемия и ее последствия, экономический кризис, антикризисные меры, новая технологическая революция, новая экономическая модель, переход к посткапитализму.

УДК 330.352

Совсем недавняя апология четвертой технологической революции, уверенность в способности радикально и позитивно изменить мир в прогнозируемые сроки столкнулась с жесткой реальностью, порожденной внезапно возникшей коронавирусной пандемией. Оказалось, что высокая технологичность общества и экономики не являются надежной защитой от вирусной атаки, нарушившей устойчивость миропорядка и налаженный быт людей. Возникшие панические настроения охватили не только обывателей, но также властные структуры и экспертные сообщества, что высветило незащищенность самого человека. Особо отметим уязвимость современной организации мирового хозяйства с либерально-рыночными доминантами и ее ограниченные возможности в мобилизационном перестроении экономики, когда такая потребность возникает.

В экстремальных условиях на первый план выходит задача мобилизации необходимых ресурсов для борьбы с вирусной эпидемией, которая потребовала принятия чрезвычайных мер. Все это отразилось на экономической политике. Надо надеяться, что эта борьба закончится успешным результатом, хотя и ценой жертв, серьезных затрат и пересмотра многих теоретических и практических постулатов.

---

[1] *Виктор Тимофеевич Рязанов,* зав. кафедрой экономической теории СПбГУ, профессор, д-р экон. наук, e-mail: v.rjazanov@mail.ru.

После прохождения острой фазы пандемии закономерно встанет вопрос о мерах по преодолению нанесенного урона и запуску экономики. Ведь эта борьба предполагает не только сдерживание широкого распространения вируса с сопутствующей разработкой эффективных медицинских антивирусных препаратов, методов лечения и реабилитации больных. Не менее важно устранение экономических последствий, восстановление экономики и обеспечение ее устойчивого и сбалансированного развития.

Напомним, что вспышка коронавирусной пандемии совпала с наступлением практически повсеместного экономического кризиса. Поэтому важно разобраться с тем, что может представлять собой антикризисная политика и какое место займет в ней созданный комплекс новых технологий. С учетом исторически отработанного способа вывода экономики из системного кризиса за счет масштабного развертывания базисных нововведений, формирующих ядро нового технологического уклада, такая постановка вполне оправданна. В этом случае вхождение в последующую фазу экономического роста поддерживается растущей эффективностью и преобразующей способностью сформировавшегося уклада, который последовательно распространяет свое действие на все народное хозяйство [1]. О роли технологических революций в преодолении кризисов и обеспечении экономического прогресса существует обширная литература, сошлемся на хорошо известные работы К. Перес [2] и С. Ю. Глазьева [3].

Насколько реалистичен такой сценарий в условиях соединения экономического кризиса с вирусной атакой по всему глобальному экономическому пространству?

Предварительно проанализируем, что собой представляет экономика и какова ее реакция на распространение коронавирусной пандемии. Подчеркнуть, что начавшийся экономический кризис не является результатом только внезапно возникшего нового типа вирусной эпидемии. На наличие множества серьезных причин, определяющих неизбежность кризиса, указывала ситуация, сложившаяся в мировом хозяйстве.

Циклическая природа наступления кризиса обусловлена объективной закономерностью волнообразной динамики капиталистического рыночного хозяйства, в котором периодически возникает разрыв между совокупным спроса и совокупным предложением, что приводит к кризису перепроизводства. Системная природа кризиса указывает на исчерпанность сложившейся системы хозяйства, порождая кризис воспроизводственного механизма как целого, свидетельствующий об острой потребности в переходе к новой экономической модели. В более содержательном плане системная характеристика кризиса объясняется наступлением очередной фазы самоотрицания капитала, тогда как выход из него предопределен разрешением порожденных им противоречий – экономических и социальных[4].

Последствия мирового кризиса 2008–2009 гг. как системного не были устранены в посткризисный период, в результате продолжают действовать сложившиеся в прошлом экономическом цикле системные ограничения. Как констатировал Дж. Стиглиц: «Мы создали эрзац-капитализм с неясными правилами, но с предсказуемыми последствиями: будущими кризисами …» [5, с. 350]. В посткризисный период не устраненные системные противоречия и ограничения удавалось частично нейтрализовать огромными денежными инъекциями. Таким образом сдерживали кризисное обострение в экономике, одновременно расширяя временные рамки восстановительной фазы. Однако сами эти противоречия и ограничения не исчезли, в них накапливался потенциал для еще более масштабного кризиса. Неизбежность его наступления определялась их действием, хотя взрывным импульсом для его острой фазы послужила коронавирусная

эпидемия (Covid-19), которая, возникнув в конце 2019 г. в Китае, стремительно распространилась по всему миру, и в марте 2020 г. ВОЗ объявила пандемию.

Отметим, что сформировавшаяся открытость глобального пространства (одна из главных черт системы организации современного мирового хозяйства) способствовала быстрому распространению коронавируса, разрушая глобальные экономические, технологические и логистические сети; нанося удар по глобальным цепочками создания добавленной стоимости; обваливая финансовые рынки и сферу производства. Распахнутость мирохозяйственного пространства, отсутствие надежного контроля и регулирования перемещения потоков людей создали благоприятную среду для повсеместного и быстрого проникновения вируса. Особенность наступившего кризиса заключается в том, что среди его причин наряду с системными и циклическими присутствуют природные факторы, связанные с коронавирусной пандемией. Этот кризис можно назвать *вирусно-экономическим*.

Не до конца понятное происхождение коронавирусной инфекции, как и сложность оценки ее последствий, существенно затрудняют прогнозирование развития событий. При этом очевидна серьезная опасность, которую она представляет для здоровья человека и привычного образа жизни.

Подчеркнем, что пандемия убедительно подтвердила наличие серьезных рисков и угроз для самого существования человеческого сообщества, которые содержатся в самом либерально-рыночном проекте, его апологии и в попытке внедрить во все сферы жизнедеятельности человека. Значительная часть нанесенного урона связана с неподготовленностью властных институтов большинства государств к быстрому переходу на мобилизационный режим. Сюда надо добавить рыночные реформы в сфере здравоохранения, проведенные «эффективными менеджерами» под девизом «оптимизации», что привело к фактическому развалу ее санитарно-эпидемиологического звена как избыточного. Не случайно на данном этапе наименее подготовленными к своевременному реагированию на чрезвычайную ситуацию оказались страны с либерально-ориентированными политическими режимами.

Что касается последствий для экономики, то уже более чем вероятен сценарий полномасштабного кризиса мировой экономики. Если рассматривать наиболее оптимистичный сценарий, который удалось реализовать Китаю, то экономические потери от карантина и другие сопутствующие расходы могут быть не столь катастрофичными. Так, согласно данным государственного статистического бюро КНР, по итогам первого квартала 2020 г., в самый разгар эпидемии, падение ВВП составило – 6,8 %. Для Китая оно довольно значимо, поскольку впервые случилось за последние 28 лет.

Примерно такой относительно благоприятный сценарий заложен в прогнозе МВФ, согласно которому в 2020 г. ожидается спад мировой экономики в размере 3,0 % с последующим быстрым восстановлением в 2021 г. (табл. 1). Причем еще в конце 2019 г. МВФ прогнозировал продолжение экономического роста (хотя и с низкими темпами) для развитых капиталистических стран с признанием опасности экономического кризиса. Приведенные прогнозы, скорее всего, недооценивают более тяжелые последствия от возникшей ситуации, обусловленные не только внутренними трудностями восстановления, но и в большей степени опасностью разрушения сложного комплекса внешнеэкономических отношений.

Подчеркнем, что сейчас основная часть экономического урона рассчитывается исходя из затрат по массовому введению карантинных мер и самоизоляции, которые привели к остановке производства (особенно в сфере услуг). И это далеко не все дей-

Таблица 1

Динамика реального ВВП в 2011–2019 гг.
(среднегодовые темпы 2001–2018 гг. и 2019 г., прогноз на 2020–2021 гг., %)

Страны и регионы	2001–2010 гг.	2011–2018	2019	Прогноз		
				2020	2020	2021
				конца 2019 г.	середины апреля 2020 г.	
Мир	3,9	4,0	2,9	3,4	- 3,0	5,9
Развитые страны:	1,7	1,9	1,7	1,7	- 6,1	4,5
США	1,7	1,8	2,3	2,1	- 5,9	4,7
ЕС (еврозона):	1,2	0,7	1,2	1,4	-7,5	4,7
Германия	0,9	1,8	0,6	1,2	- 7,0	5,2
Франция	1,3	1,3	1,3	1,3	- 7,2	4,5
Англия	1,6	2,0	1,4	1,4	- 6,5	4,0
Япония	0,6	0,9	0,7	0,5	- 5,2	3,0
Развивающиеся страны:	6,2	5,0	3,7	6,0	-1,0	6,6
Китай	10,5	7,4	6,1	5,8	1,2	9,7
Индия	7,5	7,0	4,2	7,0	1,9	7,4
Бразилия	3,7	0,6	1,1	2,0	- 5,3	2,9
Россия	4,8	1,6	1,3	1,9	- 5,5	3,5

Источник: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC

ствительные потери, хотя и они впечатляют. Так, в федеральный бюджет США в связи с пандемией уже заложен рекордный дефицит – 4 трлн долларов (более 15 % ВВП страны). При этом во втором квартале этого года, по прогнозу МВФ, ожидается обвал экономики с падением ВВП на 40 % и безработицей в 17…20 %, хотя итоговый результат по текущему году предполагается приемлемым (– 5,9 %). Такой сценарий, видимо, возможен, если к концу первого полугодия удастся добиться коренного перелома в борьбе с вирусом.

Текущее состояние экономики России сложнее, чем во многих развитых странах. Помимо коронавирусной пандемии необходимо учитывать обвал цен на углеводородное сырье (прежде всего на нефть), а это сильный удар по бюджету и устойчивости экономики в целом. (Так, при поддержании среднегодовой цены на нефть в 20 долларов за баррель для компенсации выпадающих доходов бюджету потребуется выделить два трлн рублей из ФНБ страны). Негативное влияние оказывает и пролонгация ранее введенных санкций с вероятностью их дополнения новыми. С учетом накопленного кризисного потенциала в российской экономике, отражающего общие проблемы и недостатки сложившейся системы хозяйства, потребуются большие усилия и затраты для их нейтрализации. Отметим, что по итогам первого квартала текущего года (до начала распространения коронавируса) в сравнении с аналогичным периодом прошлого года промышленное производство в целом в нашей стране выросло на 1,5 %, обрабатывающие производства – на 3,8 %. Во втором квартале, по разным оценкам, прогнозируемое

падение определяется с большим разбросом – от 6 до 20 %. При достаточно эффективном антивирусном сопротивлении и полноценном восстановлении хозяйственной деятельности годовой спад может ограничиться падением в 5,5…6 %.

В целом, при оценке возможных затрат следует учитывать не только их объем в связи с карантином и самоизоляцией (а потому с вынужденной остановкой производства), но и все затраты по перезапуску экономики и преодолению кризиса. В этом случае стоит напомнить о затратах в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. С учетом существенных трудностей при решении аналогичных задач в нынешнем экономическом цикле такой ориентир полезен.

Кризис 2008–2009 гг. запомнился огромными финансовыми потерями и затратами государств на его блокирование. Не все средства, которые предполагалось направить из разных источников на проведение активной антикризисной политики (табл. 2), были использованы. Кроме того, ситуация в разных странах была неодинаковой. Тем не менее, по оценке МВФ, совокупные затраты на борьбу с кризисом в мировом хозяйстве достигли 9,2 трлн долларов (около 14 % мирового ВВП).

Таблица 2

Финансовые затраты на борьбу с кризисом в 2008–2009 гг. [6, с. 267]

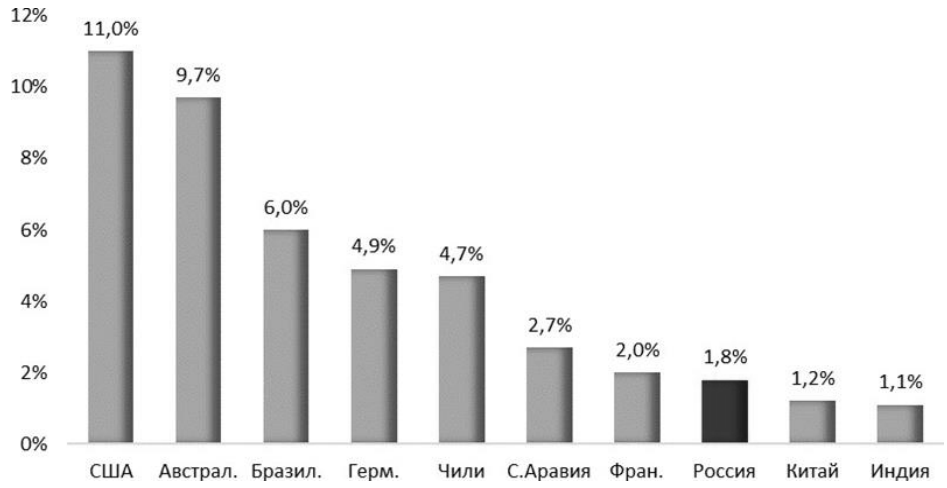
Страна	Сумма, трлн долл.	В % от ВВП	Страна	Сумма, трлн долл.	В % от ВВП
Великобритания	1,0	37	Россия	0,22	13,9
США	3,5	25	Китай	0,57	13
Германия	0,89	23	Япония	0,58	12

В России фактические финансовые затраты на проведение антикризисной политики в 2008–2009 гг. составили более 3 трлн рублей, или 125 млрд долларов (почти 8 % ВВП страны). Они включали бюджетные средства, затраты из ФНБ и предоставление гарантий по кредитам от ЦБР. Но даже при таких значительных затратах ВВП страны в 2009 г. сократился на 7,8 %, а промышленность – на 9,2 %.

Анализ финансовых средств, выделенных на борьбу с коронавирусной пандемией к середине апреля текущего года, показывает их существенные различия в отдельных странах. Такая дифференциация отражает неодинаковый уровень коронавирусного поражения и различия в экономической политике (см. рисунок).

На данный момент самые значительные затраты на борьбу с Covid-19 в номинальном и относительном значении предусмотрены в США. В конце марта 2020 г. утвержден антикризисный пакет в размере 2,2 трлн долларов для прямой компенсации потерь бизнеса и населения, в том числе 500 млрд долларов получат американские корпорации, 367 млрд – малый бизнес. Для населения предусмотрены единоразовая помощь в мае 2020 г. в размере 1200 долларов каждому американцу с годовой зарплатой до 75 тыс. долларов, единоразовая выплата 500 долларов на каждого ребенка для семей с детьми; выплата безработным, уволенным из-за пандемии, 600 долларов в неделю дополнительно к пособию по безработице в течение 13 недель с момента подачи заявки о потере работы.

Кроме того, предусмотрено дополнительное финансирование системы здравоохранения в размере 100 млрд долларов. К этому надо добавить использованное ранее



Выделенные средства на борьбу с коронавирусной пандемией в 2020 г., % от ВВП (источник: Альфа-Банк(https://www.finam.ru/analysis/forecasts/karantin-v-rossii-itogi-pervyx-trex-nedel)

ФРС снижение ключевой ставки (0…0,25 %) и возвращение к политике выкупа казначейских облигаций и ценных бумаг в рамках очередной программы количественного смягчения. Все это в совокупности позволит затратить 1,5 трлн долларов на поддержку финансовых рынков.

Главный замысел предложенного варианта антикризисной политики с ориентацией на прямые затраты по поддержке бизнеса и населения заключается в создании сильных стимулов в период после подавления пандемии для стимулирования как предложения, так и спроса в американской экономике. Масштабная финансовая помощь сфере производства должна обеспечить возмещение убытков компаний от вынужденного простоя и их быстрое восстановление с одновременной поддержкой за счет расширения потребительского спроса. Не случайно денежные выплаты населению должны быть осуществлены в мае, когда предполагается вывод экономики из карантинного режима. Взаимоувязанное соединение стимулирования предложения и спроса должно придать импульс быстрому возрождению экономики. Самое уязвимое звено в этой программе – проблема безработицы, решение которой может столкнуться с дополнительными трудностями и, по-видимому, с неизбежным высоким ее уровнем.

В России реализуется свой вариант антикризисной политики. В силу объективных причин он заметно скромнее по выделяемым средствам и набору мер. По разным оценкам, объем средств, заложенных в такую программу, на данном этапе определен в объеме 2…3 трлн рублей (1,8…3 % ВВП). В основном, программа ориентирована не на прямую поддержку хозяйствующих субъектов и населения, а на предоставление отсрочки на 6 месяцев по налогам (за исключением НДС) и кредитам (включая ипотечные), а также на обеспечение госгарантий по кредитам. Предусмотрена мера по поддержке программ кредитования оборотных средств для 647 крупных системообразующих предприятий. В отличие от экономической политики в 2008–2009 гг., когда один из главных акцентов был сделан на сохранение уровня реальных доходов населения (что удалось), в этот раз основное внимание уделяется сохранению занятости и соот-

ветственно доходов, поскольку вынужденный простой в сферах производства товаров и услуг из-за карантина опасен риском массовой безработицы.

К числу дополнительных антикризисных мер относится заимствование правительством на финансовом рынке страны в 1,5…2 трлн рублей для помощи экономике и населению. Отметим серьезные отличия в антикризисной политике ЦБР. Если в 2008–2009 гг. при наступлении кризиса ставка рефинансирования была повышена с 11 до 13 %, то на данном этапе ключевая ставка первоначально оставалась неизменной (6 %), а 24 апреля была снижена до 5,5 %. К мерам по смягчению монетарной политики относится и создание увеличенного лимита (до 5 трлн рублей) для коммерческих банков по предоставлению безотзывных кредитных линий со сниженной платой с 0,5 до 0,15 %.

Насколько успешной окажется предложенная программа, во многом будет зависеть от сроков преодоления пандемии, от ситуации на рынке энергоресурсов (от цен на нефть и газ) и от действия других факторов. Одно из наиболее уязвимых звеньев в этой программе – недостаточность ресурсов, выделенных на поддержку реальных доходов населения, которые уже в первом квартале текущего года сократились на 0,2 %. Это может стать заметным ограничителем в формировании спроса, что затруднит восстановительный процесс в сфере производства. К тому же в такой ситуации не исключено обострение социальной ситуации в стране. Чтобы избежать этого, целесообразно дополнить «каникулы» по обязательным платежам мерами прямой поддержки производства и населения. Особенно важно оказание помощи малоимущим и семьям с детьми, используя разные ее формы.

Не менее важно, что переключение средств на преодоление пандемии отодвинет полноценную реализацию национальных проектов, благодаря которым планировалось повысить инвестиционную активность и динамизм в развитии страны.

Пандемия сильно влияет на характер экономического развития мирового хозяйства, создавая дополнительные ограничения и барьеры. После завершения основной фазы борьбы с Covid-19 потребуется обстоятельный анализ использованных мер, в частности жесткости карантинных ограничений. Нужна оценка эффективности реализуемых программ и целесообразности их выбора. Значительные расходы и потери, которые уже понесла и еще понесет экономика, не говоря уж об издержках населения, должны быть оценены и сопоставлены, чтобы использовать приобретенный опыт в борьбе с возможными новыми штаммами коронавируса или другими неожиданными природными аномалиями.

Следует обратить внимание на пока что неочевидный позитивный результат. Масштабная остановка производства из-за введенного карантина с разной степенью охвата затронула многие страны, что позволяет частично снять остроту дисбаланса предложения со спросом. Так, перерыв в производстве на месяц означает примерное сокращение предложения товаров и услуг на 8…10 %, что поможет убрать с рынка часть избыточного производства. Добавим неизбежную масштабную волну банкротств, которая повлечет высвобождение части ресурсов. Последние можно направить на расширение более эффективного и успешного бизнеса. При одновременной разумной поддержке спроса домашних хозяйств и инвестиционной активности появится возможность активизировать восстановительный процесс.

При всей актуальности противодействия Covid-19 и последующего восстановительного периода важно не забывать о новой технологической революции с переходом к Индустрии 4.0, ушедшей в тень из-за пандемии. Если не ограничиваться решением текущей задачи по преодоление пандемии и компенсации потерь, то определяющее

значение в обеспечении динамичного и устойчивого роста экономики остается за технологическим обновлением производства. Иначе говоря, потребность в перезапуске экономики на новой технологической основе сохраняет ключевое значение.

Безусловно, коронавирусная пандемия потребует переоценки как общих постулатов о месте и роли технического прогресса в экономике и обществе, так и существенных корректив в его современном продвижении и применяемых методов. Не следует переоценивать роль технического детерминизма, который преобладает в сознании экономистов и практиков. При всей полезности новых технологий они не должны абсолютизироваться. Это ведет к превращению технодетерминизма в технологический фетишизм, когда развитие технологий становится самоцелью, а общество – машиноцентричным.

Другое обстоятельство – при реализации новых технологий обязательно надо учитывать не только ожидаемые выигрыши и достоинства от их применения, но и неизбежные издержки и потери, особенно в сфере экологии и социальном развитии. Не следует исключать возможность превращения каких-то конкретных направлений НТП в вариант регресса, когда негативные последствия для человека, общества и природы от их внедрения превысят потенциальные выгоды. Такие риски и угрозы со временем нарастают. Поэтому важно уже сегодня задуматься о введении разумных социальных, этических и экологических границ в экспансии технологий.

Преобладающий интерес к цифровым технологиям, должен быть, как минимум, дополнен ускоренным развитием биоинженерии и разработкой новых медицинских препаратов. В частности, речь идет об острой потребности в создании эффективных и безопасных лекарств против Covid-19. Повышенного внимания заслуживает прогнозирование и предупреждение появления возможных инфекций и других нежелательных явлений. В связи с этим требуется развитие всего комплекса исследований в области охраны здоровья. Центральным звеном здесь выступает дальнейшее изучение технологии редактирования генома человека, которое при успехе позволит освободить человека от немалого числа болезней, продлить здоровую жизнь и повысить творческий потенциал.

Что касается проблемы запуска в экономике новой технологической революции, то в этом случае принципиальное значение приобретает неспособность сложившейся хозяйственной модели решить эту масштабную задачу. Немалую роль в этом играет обострение глобальной конкуренции в становлении нового мирохозяйственного центра накопления капитала [7]. Она мешает распространению нововведений на всем мирохозяйственном пространстве из-за их монополизации и одновременно способствует нацеленности НТП на использование преимущественно в военной сфере. При этом становление такого центра с возможной опорой на формирующийся азиатский центр накопления капитала способно обеспечить радикальное переформатирование центр-периферийного строения мирохозяйственного пространства на новых основаниях и принципах взаимодействия.

Особое значение приобретает проблема роли экономических отношений, которые могут как стимулировать, так и препятствовать общему прогрессу производительных сил, одновременно способствуя или мешая продвижению конкретных направлений технико-технологических нововведений. Ведь общий закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил имеет и обратное действие. Сейчас сложилась именно такая ситуация в системе капитализма с характерным для нее доминированием спекулятивно-финансовой модели. В борьбе

с коронавирусной пандемией и ее последствиями усиливается понимание системных ограничений в действующей экономической модели и необходимости продвижения альтернативных проектов. Это важно не только для более сбалансированного решения экономических и социальных задач, но и для создания благоприятной и защищенной среды для жизни человека, его здорового и благополучного развития.

Неслучайно с распространением Covid-19 стала активно обсуждаться необходимость реформирования самой системы капиталистического хозяйства. Растущее социальное неравенство, появление новой бедности и проблема выживания актуализировались в период вирусно-экономического кризиса. Назрело значимое возвращение государства в организацию хозяйственной и социальной жизни общества. Во всяком случае, роль государственного вмешательства в экономику для противодействия вирусной атаке уже заметно возросла. И она станет еще более масштабной в ходе решения задач по преодолению последствий пандемии и кризиса экономики. В этот период необходимы непосредственный государственный контроль и управление наиболее пострадавшими частными компаниями в общественно-значимых сферах жизнедеятельности, к примеру, речь может идти об авиакомпаниях. Не исключено, что потребуется вернуться к обсуждению вопроса о контроле над сырьевыми компаниями с учетом целесообразности введения госмонополии на экспорт сырья, что принципиально улучшит использование рентных по своей природе доходов в интересах всего общества.

Некоторые меры, предусмотренные в нынешней версии антикризисной программы, могут рассматриваться как правильные шаги по усилению роли государства в организации хозяйственной и социальной деятельности. Даже представители либеральной школы не отрицают полезность таких мер в период кризиса, хотя и со своей версией [8]. В частности, среди таких мер можно выделить увеличение с 2 до 15 % налоговой ставки на доход, который выводится на зарубежные счета. Она давно назрела и ее целесообразно дополнить разумными и действенными ограничениями для контроля за трансграничными операциями с капиталом и защиты внутреннего рынка от «набегов» спекулятивного капитала.

Заслуживает поддержки предложение С. Ю. Глазьева о введении налога на неторговые валютные обменные операции (по ставке 0,01 % от объема биржевой торговли валютой), который ограничит вывоз капитала за рубеж [9]. Напомним, что такой налог в 1930-е гг. в период Великой депрессии предлагал ввести Дж. Кейнс, а в 1978 г. эту идею продвигал американский экономист Дж. Тобин.

Заключение

Если не будут введены эффективные ограничительные меры, сдерживающие возможность получения сверхприбылей за счет финансовых спекуляций при одновременном введении действенных стимулирующих мер по внедрению инноваций в сфере производства, то трудно ожидать успеха в борьбе с последствиями коронавирусной пандемии. А без этого невозможно полноценное развертывание новой технологической революции с соответствующими результатами и выгодами для всего общества. Более конкретно это означает, что в одном случае требуется реализация программы социализации финансов, в другом – проведение активной промышленной политики [10].

Чрезвычайная ситуация, возникшая в связи с коронавирусной пандемией, должна стимулировать поиск альтернативных хозяйственных моделей. Речь идет о выборе новой траектории развития кономики, альтернативной курсу на создание финансово-цифрового капитализма, который ведет в тупик. Дальновидная стратегия предполагает

смену сложившейся экономической модели капиталистического хозяйства – ее глубокое и всестороннее реформирование, ориентированное на «продвижение человечества в направлении формирования нового общественного устройства, которое будет базироваться на новом, неэкономическом способе удовлетворения потребностей человека <…> «нооономикой»» [11]. Речь идет о назревшем переходе к посткапиталистическому проекту с переформатированием мотивации и организации хозяйственной деятельности. Вместо рыночной рациональности, воплощающей принцип выгоды на основе господства частных интересов, должен последовательно внедряться принцип социально-экологической рациональности, оптимизирующий достижение экономических результатов НТП с проведением активной социально-экологической политики. Только так можно обеспечить перспективное, надежное и защищенное развитие современной цивилизации.

Список литературы

1. *Рязанов*, *В. Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов. – СПб.: Алетейя, 2019.

2. *Перес*, *К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Дело, 2011.

3. *Глазьев*, *С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010.

4. *Рязанов*, *В. Т.* Системные ограничения и возможности неоиндустриального развития экономики России / В. Т. Рязанов // Труды Вольного экономического общества России. –2020. – Т. 221. – С. 114–135.

5. *Стиглиц*, *Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2011.

6. *Рязанов*, *В. Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.

7. *Глазьев*, *С. Ю.* Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – № 2. – С. 3–29.

8. Коронакризис-2020: что будет и что делать: Серия «Либеральная миссия – экспертиза»/ под ред. К. Рогова.– М., 2020 (http://www.liberal.ru/lm-ekspertiza/koronakrizis-2020-chto-budet-i-chto-delat).

9. *Глазьев*, *С. Ю.* О прогнозах динамики мировой экономики в условиях пандемии COVID-19 и возможных стабилизационных мерах в рамках ЕАЭС / С. Ю. Глазьев // Евразийская экономическая комиссия. – 2020. (http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/1111.pdf).

10. *Рязанов В. Т.* Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка / В. Т. Рязанов // Экономист. – 2016. – № 8. – С. 3–23.

11. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооономика / С. Д. Бодрунов – М.: Культурная революция, 2018.

V. T. Ryazanov. New technologies in the economy and the coronavirus pandemic: preliminary conclusions. The article analyzes the impact of the coronavirus pandemic on the economy. The consequences and features of the current crisis as a viral and economic crisis are revealed. Anti-crisis measures are being developed to combat the viral epidemic. It is noted that overcoming its consequences involves intensifying the economic policy of the state with a focus on the deployment of a new technological revolution. In this regard, the role of established economic relations, which should

contribute to the realization of the potential of the technological revolution in the economy, is emphasized. This sets the goal of a policy of deep economic reform and the formation of a new model of the economy.

Keywords: coronavirus pandemic and its consequences, economic crisis, anti-crisis measures, new technological revolution, new economic model and transition to post-capitalism.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115

В. А. Плотников[1]

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ[2]

Выполнен анализ цифровизации с экономико-теоретических позиций с учетом предпосылок ее возникновения, особенностей генезиса и форм проявления. Теоретический анализ показал, что цифровизация социальных и экономических процессов, несмотря на часто приписываемый ей революционный характер, может быть названа революцией лишь отчасти. В экономической теории фактическая проработка цифровизации активно велась с середины прошлого века. Показано, что, несмотря на отсутствие общепринятой концепции цифровой экономики, цифрового сектора экономики и т. д., все необходимые теоретические элементы и конструкции для их четкого специфицирования уже имеются. Вопрос лишь в том, чтобы попытаться взглянуть на них под «нестандартным» углом зрения. Именно эта попытка предпринята нами.

Ключевые слова: разделение труда, экономическая теория, специализация и кооперирование, цифровой сектор экономики, цифровизация экономики и общества.

УДК 330.352

Введение

Значение цифровизации для дальнейшего развития экономики и общества сегодня практически никем не оспаривается. Проблема цифровизации и смежные с ней проблемы автоматизации и роботизации промышленного производства, уберизации сферы услуг, оцифровки информационных ресурсов, создания сквозных технологий и т. д. активно прорабатываются отечественными и зарубежными учеными.

---

[1] *Владимир Александрович Плотников*, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, профессор, e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00942 А.

В то же время теоретические проблемы, связанные с предпосылками цифровизации, ее природой и связью с другими категориями экономической науки, остаются малоисследованными. Отсутствие единых теоретических взглядов и методологии анализа цифровизации приводит к формированию противоречивых подходов к ее изучению и препятствует эффективному использованию ее возможностей.

Разделение труда как фундаментальная предпосылка цифровизации

Современная экономика находится под влиянием факторов, которые противоречиво влияют на ее развитие. В то же время ключевые экономические законы, определяющие это развитие, остаются неизменными. На наш взгляд, основным (хотя в рамках системного подхода трудно выделить основные и вспомогательные элементы) экономическим законом, определяющим эволюцию экономики на всем наблюдаемом периоде, является закон разделения труда, его специализации и кооперирования, введенный в научный оборот А. Смитом.

Категория «разделение труда» употребляется в науке во многих смыслах [1, с. 380]: это рассмотрение различных по масштабу социальных групп (международное – общественное (в масштабе страны) – территориальное – техническое разделение труда), групп экономических субъектов (общее – частное – единичное разделение труда) и др.

Как известно, «разделенный» труд, состоящий из небольшого количество типизированных операций и функций, более продуктивен, так как у работника формируются навыки качественного его выполнения, отсутствуют затраты времени и усилий на переключение между разнородными операциями. Этот труд проще механизировать и автоматизировать. Но, будучи разделенным на операции, исполнение которых поручается различным группам узких специалистов, труд не может привести к созданию целостного продукта. Для этого требуется выстраивание кооперационных взаимосвязей между раздельно действующими субъектами.

Таким образом, «разделение общественного труда сочетает противоположно направленные функции: с одной стороны, это дифференциация многочисленных видов конкретного труда на отдельные производственные процессы и операции, а с другой – усиление их зависимости, превращение их в частицу общественного труда, воплощенного в общественном продукте. Чем глубже разделение общественного труда, тем сильнее эта взаимозависимость, тем сложнее система связей между процессами труда» [1].

В современных условиях развития экономики и общества процесс разделения труда охватывает буквально все их составляющие на всех уровнях иерархии. Приведем некоторые примеры:

• вследствие глобализации хозяйственная деятельность приобрела трансграничный характер, а цепочки создания ценности стали глобальными, при этом отдельные страны и регионы специализируются на определенных видах деятельности [2–4 и др.]. Эти процессы стали настолько масштабными, что способны серьезно искажать мировую статистику по ВНП. Как отмечают В. Г. Клинов и А. А.Сидоров: «… при несомненном усилении позиций Китая … необходимо, однако, учитывать объективные ограничения репрезентативности традиционной таможенной статистики внешней торговли ... Рост китайского экспорта ИКТ во многом может быть обусловлен тем фактом, что эта страна часто является конечным пунктом глобальных цепочек создания стоимости – сборки техники, продаваемой на мировом рынке. При этом значительная часть добавленной стоимости такой продукции создаётся в других странах. Соответственно, и ко-

эффициенты относительной экспортной специализации для Китая могут быть завышенными» [5, с. 44–45]. Вероятно, развязывая торговую войну против Китая, администрация США слабо представляла себе эти взаимозависимости и в ряде случаев нанесла удар по собственным высокотехнологичным компаниям;

• в деятельности компаний во всем мире все большее распространение получает аутсорсинг – вычленение отдельных внутренних процессов, которые традиционно были встроены во внутреннюю среду компании и часто воспринимались как неотъемлемый элемент ее суверенитета, и передача их на исполнение специализированному внешнему поставщику услуг [6–8 и др.]. О масштабах аутсорсинга свидетельствуют следующие данные [9]: количество предприятий, применяющих аутсорсинг в той или иной сфере, составляет 94 % в Лихтенштейне, 89 % в США, 88 % во Франции, 87 % в Германии. В среднем в Европе, по данным Евростата, аутсорсинг используют 83 % предприятий. По российским данным, аналогичный показатель в нашей стране лежит в диапазоне 30 … 50 %;

• сама трудовая деятельность атомизируется, приближая экономику к идеальным моделям апологетов свободной конкуренции, что проявляется в феномене «фрилансерства» (юридические формы оформления в современной России – заключение гражданско-правового договора с физическим лицом, получение статуса самозанятого лица, оформление в качестве индивидуального предпринимателя). Например, по последним имеющимся данным (опубликовано 21 июня 2018 г.) [10], в США на долю таких лиц в мае 2017 г. приходилось 6,9 % всех занятых. В России подобная государственная статистика не собирается, но есть альтернативные оценки: «Национальное агентство финансовых исследований, опросив в 2017 г. 1600 жителей 42 регионов, пришло к выводу, что почти каждый пятый житель России (18 %) старше 18 лет является фрилансером, т. е. работает на себя. Причем для 11 % фриланс – единственный источник дохода» [11].

Противоречия развития разделения труда и кооперации в экономике и способы их разрешения

Продолжающиеся процессы разделения труда, разобщения работников, расщепления производственных процессов, как указывалось выше, не могут быть продуктивными и эффективными для экономики, если не сопровождаются обратными процессами интеграции результатов хозяйственной деятельности. В этой связи процесс интеграции, принимающий форму экономической кооперации, непрерывно нарастает. В то же время, по нашему мнению, рассматриваемые «встречные» процессы разделения и кооперирования труда идут с разной интенсивностью. В чем причина этого явления?

1. Процесс разделения труда обусловлен не только технологическими, но и социальными факторами. Причем последние, по нашей оценке, носят вторичный характер (что не умаляет их важности), т. е. производственно-технологические изменения возникают как реакция на новые предпринимательские идеи, связанные с углублением разделения труда. На наш взгляд, стремление к разделению труда – один из движущих факторов человеческой эволюции, рассматриваемой как в рамках социальной общности, так и вне ее.

Известно, что общее представление об эффективности E в математическом виде выражается как отношение полученного результата R к затратам на его достижение C, т. е. $E = R / C$. И в рамках разумной, целесообразной, и в рамках движимой интуитив-

ными мотивами деятельности человек стремится к максимизации этого отношения, т. е. $E \to$ max.

Здесь мы готовы вступить в дискуссию со сторонниками концепции homo economicus, утверждающими, что человек стремится к максимизации полезности (U), т. е. $U \to$ max. Заявляем, что эта концепция представляет собой частный случай предлагаемой нами более широкой трактовки. Действительно, в традиционных математических постановках задач потребительского поведения, рассматриваемых в микроэкономике, делаются различные допущения (порой имплицитные, но строго не оговоренные), одним из которых является фиксация потребительского бюджета (I), т. е. I = const, в рамках которого индивид стремится к максимизации полезности, извлекаемой из результатов своего экономического поведения. Последнее означает, что именно полученный результат ассоциируется с полезностью. Разумно мыслящий индивид не совершает систематически бессмысленных поступков, которые приводят к бесполезным для него результатам.

Если заменить буквенные обозначения приведенных выше переменных на идентичные, т. е. $U \equiv R$ и $I \equiv C$, то становится очевидным, что предложенное нами математическое выражение движущего мотива человеческой деятельности легко преобразуется в его запись, характеризующую поведение «экономического человека» в мейнстриме: $E = R / C \to$ max, $\Rightarrow E = U / I \to$ max, что при условии I = const позволяет в общем случае записать: $E = U \to$ max. Со строго математической точки зрения такое преобразование некорректно, но мы рассматриваем проиллюстрированную символьным языком математики логику экономических процессов. С этих позиций в последнем выражении мы попросту заменили исходное значение параметра U на его новое значение, домноженное на некий постоянный нормирующий коэффициент $1 / I$.

В итоге получаем, что известная экономическая модель человеческого поведения, базирующаяся на максимизации полезности, является лишь частным случаем нашей более общей трактовки этого поведения, базирующейся на стремлении индивида к максимизации не полезности, но эффективности деятельности. Как же связаны разделение труда и рост эффективности? Как отмечалось выше, разделенный, специализированный труд более продуктивен, при равных затратах времени и усилий он дает больший результат. В этой связи стремление к разделению труда – один из фундаментальных законов развития экономки и общества.

2. Процесс кооперации труда также обусловлен технологическими и социальными факторами. При этом по мере усложнения хозяйственных операций, в частности производственных, технологические факторы выходят на первый план. Это связано как с ростом требований к качеству взаимодействия (оперативность, безошибочность, информационная полнота и др.), так и с тем, что оно все чаще осуществляется не в режиме парного взаимодействия (1 : 1) и даже не в режиме взаимодействия индивида и группы (1 : N), а в режиме «группа – группа» (N : M), что нашло отражение, например, в многочисленных концепциях сетевой экономики [12–14 и др.].

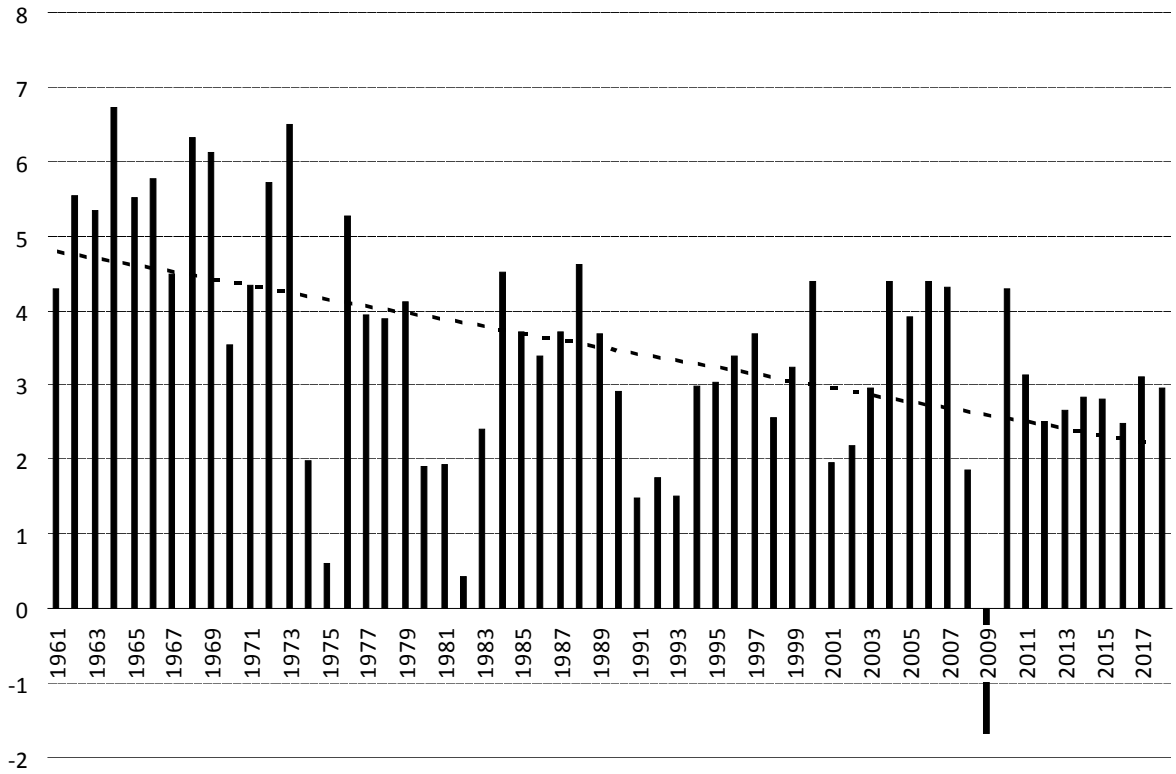
Отслеживать такие множественные кооперационные связи и адекватно управлять ими человеку крайне трудно из-за информационной перегрузки. Несмотря на то, что, по мнению специалистов, возможности человеческого мозга по хранению информации феноменальны (см., например: https://www.gazeta.ru/science/2016/02/15_a_8071385.shtml), воспринять и обработать эти массивы человек не в состоянии в силу незначительного объема краткосрочной, оперативной памяти. Ее емкость, по принятым в современной науке взглядам, составляет лишь 5 ... 9 единиц информации [15].

Для эффективного решения задач кооперации человеческой хозяйственной деятельности в современных условиях «ускорения ускорения» (термин, предложенный С. Д. Бодруновым [16]) социально-экономического развития первостепенную важность приобретают технологические факторы поддержки процессов взаимодействия людей. При этом одной из фундаментальных причин замедления темпов экономического роста в мире со второй половины XX в. (см. рисунок), по нашему мнению, является именно несогласованность между процессами разделения и кооперирования труда. Первый из указанных процессов развивается быстрее, что приводит к росту нескоординированности хозяйственной деятельности. Отсюда – долгосрочный тренд снижения ее эффективности.

Из приведенных на рисунке данных видно, что, во-первых, темпы роста (столбики на диаграмме) отличаются существенной неравномерностью, обусловленной цикличностью развития экономики рыночного типа; во-вторых, общий долгосрочный тренд (пунктирная линия) для темпов роста – понижательный.

В силу данного нами объяснения долгосрочного замедления темпов роста, обусловленного запаздыванием развития кооперации относительно разделения и специализации труда, способ преодоления сложившейся проблемной ситуации очевиден. Он состоит в приведении в соответствие темпов развития процессов разделения труда и его кооперации. Здесь возможны два принципиально различных способа:

• замедление темпов роста разделения и специализации труда – де-факто управляемое замедление темпов экономического роста и превращение «новой нормальнос-



Долгосрочные темпы роста мирового ВВП, %
(построено автором по данным Всемирного банка [17])

ти» в стандарт социально-экономического развития. Применительно к России это означает фактическую консервацию сложившегося положения с крайне вялыми темпами роста и усилением отставания от ведущих экономик мира, а в перспективе – утрату сохранившихся и поддерживаемых политическими усилиями властей элементов экономического суверенитета. На неблагоприятность такого сценария развития для России и его рукотворность (субъективный характер, порождаемый недостаточно активной экономической политикой государства) мы неоднократно обращали внимание в более ранних публикациях [18–20 и др.]. Навряд ли такое развитие событий соответствует национальным интересам России, да и других стран мира;

• ускорение темпов развития кооперации в экономике возможно лишь на новой технологической базе, так как организационные способы, по-видимому, исчерпаны. Таким образом, наступление четвертой технологической революции [21] или цифровой революции [22] обусловлено объективными факторами генезиса современной экономики и общества в целом. И эта закономерность хорошо вписывается в закономерность смены технологических укладов, обусловленную динамикой длинных волн Н. Д. Кондратьева, на наступление которой указывают многие авторитетные специалисты [23, 24].

Цифровизация как технико- и организационно-экономический способ осуществления кооперации

Цифровизация экономики происходит в трех основных сферах: 1) производстве, 2) распределении и обмене, 3) потреблении, четко коррелирующих с фазами воспроизводственного процесса. Рассмотрим специфику проявления цифровизации в каждой из этих сфер с изложенных нами позиций.

1. *Производство.* В этой сфере цифровизация ориентирована на две основные области: во-первых, создание smart-оборудования – замена физических и умственных усилий человека машинными операциями; во-вторых, организация взаимодействия элементов производственного процесса по направлениям: человек – человек, машина – машина, человек – машина (и наоборот).

Для иллюстрации прогресса в первой области приведем пример, касающийся динамики использования промышленных роботов. «По данным Международной федерации робототехники (International Federation of Robotics, IFR), объем мирового рынка промышленных роботов в 2018 году достиг рекордных 422 тыс. штук на сумму $16,5 млрд, что на 6 % больше показателей годичной давности ... Согласно прогнозу IFR, глобальные поставки промышленных роботов в 2019 году немного снизятся, но затем будет наблюдаться рост – примерно на 12 % ежегодно до 2022-го» [25]. Важно, что в мировой экономике набирает силу тенденция использования «совместных роботов» (коботов) – автоматических устройств, выполняющих производственные задачи совместно с людьми. «В 2018 году по всему миру было отгружено порядка 14 тыс. таких устройств против 11,1 тыс. годом ранее. Количество установленных коботов за год выросло на 23 %» [25].

Вторая область ориентирована на развитие системы производственной цифровой коммуникации, основу которой составляет промышленный интернет вещей, который «представляет собой организационно-технологическую трансформацию производства, базирующуюся на принципах «цифровой экономики», позволяющую на уровне управления объединять реальные производственные, транспортные, человеческие, инженерные и иные ресурсы в практически неограниченно масштабируемые программ-

но-управляемые виртуальные пулы ресурсов (shared economy) и предоставлять пользователю не сами устройства, а результаты их использования (функции устройств) за счет реализации сквозных производственных и бизнес-процессов (сквозного инжиниринга)» [26].

По данным выборочных исследований консалтинговой компании PwC (см.: https://www.pwc.ru/ru/publications/iot-for-indusrty.html), до 35 % производителей собирают данные с «умных» датчиков для последующей оптимизации производственных и операционных процессов; 34 % полагают, что внедрение цифровой технологии имеет очень большое значение для предприятия; 38% производителей встраивают в продукцию датчики для удаленного контроля ее функционирования и использования. Итогом развития в данном направлении является организация производственной кооперации в автоматическом и автоматизированном режимах, при этом в ряде случаев в качестве кооперирующихся субъектов выступают не только люди, но и роботизированные единицы оборудования.

2. *Распределение и обмен.* Здесь цифровые технологии используются для автоматизации и улучшения (за счет устранения человеческого фактора с присущими ему эмоциями, ошибками, усталостью, непостоянством качества процессов и т. д.) процессов товародвижения. При этом охватывается товародвижение не только конечных продуктов, но и промежуточных (сырья, материалов, сборочных единиц, полуфабрикатов, деталей и др.).

Наибольшее распространение цифровые технологии получили в системах электронной коммерции, базирующихся на глобальных цифровых платформах. Значение этих платформ столь велико, что, по мнению китайских экспертов, «электронная коммерция становится ядром цифровой экономики Китая» (см.: https://rg.ru/2019/09/02/elektronnaia-kommerciia-stanovitsia-iadrom-cifrovoj-ekonomiki-kitaia.html). В 2018 г. в Китае на электронную коммерцию пришлось свыше 32 % товарооборота розничной онлайн-торговли в формате B2C. В 2019 г. ожидается, что этот показатель превысит 60 % (там же). По данным Министерства коммерции КНР (2018 г.), «КНР шестой год подряд занимает первое место в мире по объемам рынка e-Commerce» (там же).

Использование цифровых платформ с механизмами интеллектуальной поддержки пользовательских решений позволяет кардинально снизить трансакционные издержки в экономике за счет сокращения длины цепочки посредников между производителем и конечным потребителем. О значительности этих дополнительных расходов говорит, например, такой факт, касающийся экономики Республики Беларусь: «Необоснованное посредничество проникло во все сферы жизнедеятельности страны, ведет к росту себестоимости продукции, снижению доходов предприятий. Страдают государственный бюджет и эффективность экономики в целом. По разным оценкам, посредники съедают до 3 % от ВВП» (цит. по: https://ex-press.by/rubrics/ekonomika/2019/10/18/mozhno-li-obojtis-bez-posrednikov). По России и другим странам аналогичных данных нам найти не удалось, но полагаем, что они сопоставимы.

Как указывает А. Н. Козырев: «… среди важнейших последствий цифровизации … возможность радикального снижения трансакционных издержек, прежде всего, издержек поиска информации и заключения договоров, а в качестве следствия – появление новых форм бизнеса, исключение посредников и прямое взаимодействие потребителя и поставщика» [27].

В целом, с позиций объективного экономического анализа явление посредничества в товаропроводящих цепочках не может иметь этических оценок (в терминах вре-

да или пользы). Это явление объективно и определяется известными ограничениями, связанными с затруднениями поддержания фирмой многочисленных контрактов. Расходы на их заключение и сопровождение по большей части зависят не от суммы контрактов (хотя в моделях агентского вознаграждения на практике, как правило, прибегают именно к такому способу его расчета), а от их количества. Поэтому рост числа контрактов в условиях фиксированного выпуска приводит к увеличению транзакционных издержек при неизменной выручке. Очевидно, что такая ситуация невыгодна фирме, так как снижает прибыль и может привести к убыткам и последующему банкротству.

Поэтому производители предпочитают работать с оптовыми, а не с розничными покупателями. Приведем один отраслевой пример (источник данных – сообщение санкт-петербургского новостного агентства «Фонтанка», см.: https://www.fontanka.ru/2020/02/21/136). Санкт-Петербургский молокоперерабатывающий комбинат «Пискаревский» отгружает продукцию только клиентам, совершающим разовые закупки товарных партий массой от 80 кг, а его дилер торговая фирма «Клевер» имеет аналогичный порог на уровне 20…30 кг. В силу перечисленных причин в различных отраслях могут выстраиваться многозвенные посреднические цепочки, расходы на поддержание которых включаются в конечную цену продукта.

Размер вознаграждений посредников, как и всех других экономических субъектов, зависит от востребованности их услуг для потребителей, а также уровня монополизации рынков. Лишь при наличии монопольной власти посреднические фирмы в состоянии несправедливо (с позиций общественных интересов) перераспределять благосостояние в свою пользу. Но и в данном случае внедрение цифровых сервисов может улучшить ситуацию. Это связано с тем, что многие монополии складываются на тех или иных территориальных рынках. Развитие же цифровых платформ, обслуживающих процессы товародвижения, происходит в трансграничном режиме, что способствует преодолению монополизма.

В итоге цифровизация сфер распределения и обмена способна, по нашему мнению, за счет снижения трансакционных издержек перераспределить до 5 % мирового ВВП из посреднической сферы в другие сектора экономики. Это приведет к структурной перестройке, росту эффективности экономики и может выступить среднесрочным драйвером экономического роста. Так, по оценкам Еврокомиссии, «полнофункциональный единый цифровой рынок может внести в нашу (европейскую – *прим. автора*) экономику 415 миллиардов евро в год» [28].

В то же время, чтобы достичь положительных эффектов, требуется преодоление монополистических проявлений, которые формируются на мировом и национальных цифровых рынках. По оценкам О. В. Бирюковой и А. В. Данильцева, «в 2017 г. цифровой рынок оставался олигополистическим и преимущественно американским. Так, Google владела 88 % рынка поисковой рекламы, Facebook вместе с дочерними компаниями Instagram, WhatsApp и Messenger владели 77 % мобильного социального трафика, а Amazon удерживала 74 % рынка электронных книг» [29, с. 12].

Таким образом, цифровые платформы, призванные повысить эффективность экономики за счет ликвидации монопольной власти производителей, могут перераспределить изъятую у них монопольную ренту не в пользу общества, а использовать ее в собственных интересах. Это свидетельствует о необходимости совершенствования антимонопольного регулирования с учетом новых, цифровых реалий. Без принятия мер институционального характера цифровизация в распределении и обмене может не дать

ожидаемого положительного экономического эффекта, точнее, этот эффект будет приватизирован компаниями – владельцами цифровых платформ.

3. *Потребление.* В цифровизирующейся экономике характер потребления меняется в силу двух обстоятельств. Во-первых, в общем объеме производства и потребления вырастает доля специфичных информационных продуктов, а также традиционных продуктов с существенной информационной составляющей. Примером продуктов первого рода может являться доступ к социальным сетям, различным хранилищам развлекательного контента и пр.; второго рода – «умные» дома и предметы бытовой техники.

Масштабы использования такого рода новых товаров весьма велики и растут двузначными темпами. По данным исследовательской компании GfK, «продажи умных устройств для дома в России в 2018 г. выросли на 33 % в штуках и на 11 % в деньгах... Всего в 2018 г. в России купили 1,2 млн таких устройств на общую сумму 20,8 млрд руб. (282 млн евро по среднему курсу за 2018 г.)... На Россию пришлось 11,3 % от продаж умных устройств среди всех европейских стран. Общий рынок Европы аналитики GfK оценили в 2,5 млрд евро» [30].

Во-вторых, и это было нехарактерно для предыдущих этапов социально-экономического развития, кооперация в потреблении, использующая потенциал цифровых технологий, стремительно завоевывает популярность. Эта новая экономическая модель получила наименование «экономики совместного потребления / пользования». Отметим, что ее теоретические предпосылки были заложены в середине XX в. и получили отражение в теореме Р. Коуза, в формулировке которой мы выделили 4 логических блока: «Если (1) права собственности на активы четко определены, и (2) трансакционные издержки, связанные с обменом этими активами, равны нулю, то (3) результирующее размещение прав собственности на активы будет эффективным, (4) каким бы ни было изначальное распределение прав собственности на них».

Выполнение условия (1) определяется развитостью институциональной системы, при этом подходы к специфицированию прав собственности четко описаны в экономической теории прав собственности [31], нет принципиальных препятствий для инкорпорирования соответствующих правил в формальную юридическую систему. Условие (4) определяет исходные условия экономического моделирования, а (3) – гарантирует высокую эффективность. Но она может быть достигнута лишь при реализации идеалистического допущения (2), которое в то время, когда указанная теорема формулировалась, казалось невозможным, в связи с чем теорема Р. Коуза имела большее отношение к «чистой» экономической теории, чем к хозяйственной и социальной практике.

Появление де-факто публичных (воспринимаемых как общественные, а не частные блага) цифровых решений, например, общедоступных точек подключения к сетям Wi-Fi, многочисленных общедоступных ресурсов в сети Интернет и т. д., привело к тому, что ключевое условие реализации на практике теоремы Р. Коуза стало выполнимым. После чего стало активно развиваться кооперативное потребление, построенное на использовании новых цифровых технологий.

Характерным примером является такое сравнительно новое явление, как каршеринг. В основе его развития лежит то обстоятельство, что для большинства автовладельцев потребность в транспортном средстве возникает лишь в некоторые периоды времени (например, для проезда из дома на работу и обратно). А обязательства и риски, связанные с обладанием автомобилем, приходится принимать постоянно. В результате

«во всех крупнейших мегаполисах мира … аренда автомобиля стремительно становится выгоднее владения им. Ежегодно мировой рынок каршеринга растет на 34 %. К 2024 г. такими темпами он достигнет объема 16,5 млрд долл.» [32, с. 124].

Заключение

Цифровизация социальных и экономических процессов, несмотря на приписываемый ей не только в популярной литературе и общественно-политическом дискурсе, но и в серьезных исследованиях революционный характер, может быть названа революцией лишь отчасти. Ее революционность состоит в том, что развитие цифровых технологий и их активная диффузия не только в экономические, но и в социальные процессы существенно изменяет, преобразует их.

В то же время возникновение цифровизации (не как технического изобретения, но как хозяйственного феномена) закономерно и предсказуемо. Вся предыдущая эволюция экономики, протекающая под влиянием фундаментального закона разделения труда, его специализации и кооперирования, подталкивала к ее появлению и стремительному распространению. Мало того, в экономической теории с середины прошлого века, хотя феномен цифровизации прямо не назывался, его фактическая проработка активно велась.

В этой связи, несмотря на отсутствие общепринятой концепции цифровой экономики, цифрового сектора экономики и т. д., все необходимые теоретические элементы и конструкции для их четкого специфицирования уже имеются. Вопрос лишь в том, чтобы попытаться взглянуть на них под «нестандартным» углом зрения. Именно это мы и попытались сделать в нашем исследовании. Вероятно, эта задача в силу ее масштабности и многоаспектности в рамках одной статьи полностью раскрыта быть не может. Но мы надеемся, что эта публикация откроет экономико-теоретическую дискуссию по проблемам цифровизации экономики.

Список литературы

1. *Орлова*, *И. Б*. Разделение труда / И. Б. Орлова // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М.: Норма, 2008.

2. *Ильина*, *К. В.* Влияние процессов цифровизации и глобализации на экономические циклы / К. В. Ильина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3 (117). – С. 150–154.

3. *Растворцева*, *С. Н.* Внешнеэкономическая деятельность российских предприятий в условиях глобализации / С. Н. Растворцева, В. В. Фаузер, В. Н. Задорожный, В. А. Залевский. – СПб.: Издат. центр эконом. ф-та СПбГУ, 2011. – 116 с.

4. *Харламов*, *А. В*. Глобализация и системные изменения в управлении российской экономикой / А. В. Харламов, Т. Л. Харламова // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 2 (54). – С. 121–124.

5. *Клинов*, *В. Г.* Международная специализация на мировом рынке машин и оборудования в XXI в. и позиции России / В. Г. Клинов, А. А. Сидоров // Деловой журнал Neftegaz.RU. – 2018. – № 7. – С. 40–47.

6. *Котляров*, *И. Д.* Аутсорсинг как форма межфирменной кооперации: теоретический анализ / И. Д. Котляров // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 5. – С. 19–31.

7. *Курбанов*, *А. Х.* Аутсорсинг: история, методология, практика / А. Х. Курбанов, В. А. Плотников. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 112 с.

8. *Vertakova*, *Y.* Outsourcing as a form of disintegration process administration in the economy / Y. Vertakova, A. Kurbanov // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. – 2016. – P. 2158–2167.

9. Аутсорсинг в США, Европе и России. URL: https://bridge-group.ru/news/detail/144 (дата обращения 21.02.2020).

10. Bureau of Labor Statistics, U.S. Department of Labor, The Economics Daily, Independent contractors made up 6.9 percent of employment in May 2017. URL: https://www.bls.gov/opub/ted/2018/independent-contractors-made-up-6-point-9-percent-of-employment-in-may-2017.htm (дата обращения 21.02.2020).

11. Свободные кадры. Как фриланс меняет рынок труда, что такое гигономика и чего не хватает самозанятым россиянам. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2018/09/06/780206-svobodnie-kadri (дата обращения 21.02.2020).

12. Государство и рынок: новое качество взаимодействия в информационно-сетевой экономике: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Астерион, 2007. – 396 с.

13. *Дятлов*, *С. А.* Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование / С. А. Дятлов, В. П. Марьяненко, Т. А. Селищева. – СПб.: Астерион, 2008. – 414 с.

14. *Положенцева*, *Ю. С.* Трансформация интернет-рекламы в социальных сетях в эпоху цифровой глобализации / Ю. С. Положенцева, О. Ю. Непочатых, В. В. Масленникова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – № 4 (42). – С. 50–54.

15. *Miller*, *G. A.* The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information / G. A. Miller // Psychological Review. – 1956. – Vol. 63 (2). – P. 81–97. DOI: 10.1037/h0043158

16. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

17. The World Bank. GDP growth (annual %). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения 21.02.2020).

18. *Вертакова*, *Ю. В.* Трансформация роли университетов в обеспечении социально-экономического развития / Ю. В. Вертакова, В. А. Плотников // Экономика и управление. – 2017. – № 6. – С. 55–62.

19. *Плотников*, *В. А.* Анализ текущей динамики российской экономики: экономический рост, кризис или стагнация? / В. А. Плотников, Ю. В. Вертакова // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. – 2017. – № 7 (67). – С. 4–13.

20. *Плотников*, *В. А.* Социальные и экономические показатели территориальных стратегий: взаимосвязь и взаимообусловленность / В. А. Плотников // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – № 4 (42). – С. 19–24.

21. *Schwab*, *K.* The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab. – Geneva, Switzerland: World Economic Forum, 2016.

22. *Negroponte*, *N.* Being Digital / N. Negroponte. – New York: Knopf, 1996.

23. *Глазьев*, *С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.

24. *Perez, C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages / C. Perez. – London: Elgar, 2002.

25. Промышленные роботы. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Промышленные_роботы (дата обращения 22.02.2020).

26. Industrial Internet of Things – IIoT Промышленный интернет вещей. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:IIoT_-_Industrial_Internet_of_Things_(Промышленный_интернет_вещей) (дата обращения 22.02.2020).

27. *Козырев*, *А. Н.* Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе / А. Н. Козырев. URL: https://medium.com/cemi-ras/цифровая-экономика-и-цифровизация-в-исторической-ретроспективе-1ad034c16373 (дата обращения 22.02.2020).

28. Digital Single Market: Commission calls for swift adoption of key proposals and maps out challenges ahead. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_1232 (дата обращения 22.02.2020).

29. *Бирюкова*, *О. В.* Когда сотрудничество не складывается: глобальное управление цифровой торговлей / О. В. Бирюкова, А. В. Данильцев // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 7–20.

30. *Сухаревская*, *А. В* России на треть выросли продажи умных устройств для дома / А. Сухаревская, Е. Сонин. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/04/04/798349-v-rossii-virosli-prodazhi-umnih-ustroistv (дата обращения 22.02.2020).

31. *Капелюшников*, *Р.* Право собственности (очерк современной теории) / Р. Капелюшников // Отечественные записки. – 2004. – № 6 (21). URL: http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii (дата обращения 22.02.2020).

32. *Кирова*, *И. В.* Московский каршеринг: вчера, сегодня, завтра / И. В. Кирова, Д. В. Ростова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 3–1. – С. 124–130.

V. A. Plotnikov. Digitization as a logical stage in the evolution of an economic system. Vladimir Plotnikov applies economic theory to the analysis of digitization taking into account the premises for its emergence and special characteristics of its genesis and manifestations. His theoretical analysis shows that, while often described as groundbreaking, digitization can be only partially perceived as a revolution in social and economic processes. Economic theory has been actively studying digitization since the middle of the twentieth century. The author demonstrates that despite the lack of a general concept of the digital economy, digital segment of the economy, etc., scholars already possess all required theoretical elements and structures for its accurate specification. They just need to take an unorthodox approach. The article constitutes an attempt at taking such an approach.

Keywords: division of labor, economic theory, specialization and cooperation, digital segment of the economy, digitization of the economy and society.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-116-121

С. В. Кочетков[1], *О. В. Кочеткова* [2]

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассмотрены вопросы внедрения результатов научных исследований в производство. Выделены основные факторы, сдерживающие эти процессы. Оценивается использование результатов научных исследований в промышленности. Сформулированы практические рекомендации по управлению инновационным развитием российской экономики, предложен механизм их реализации.

Ключевые слова: научные исследования, внедрение, оценка использования, управление наукой и производством, инновационное развитие.

УДК 338.28

В общественном прогрессе решающая роль принадлежит средствам труда, материально-технической базе производства [1, с. 3]. Совершенствование средств труда является основой развития производительных сил общества [2]. Его содержание, формы, направления и темпы определяются в первую очередь способом производства, формирующим цели и побудительные мотивы прогресса техники, а также характером использования его достижений.

В современную эпоху эти процессы можно объединить в форму инновационного развития экономики. Однако и сегодня не каждое изменение техники (например, частичные совершенствования и отдельные улучшения конструкций машин, их рационализация на базе существующих научных и технологических принципов) следует включать в понятие *инновационного развития*. Последнее представляет собой качественно новый этап в трансформации материального производства, определяемый революционными преобразованиями средств и предметов труда, технологических процессов, организации и управления производством, изменениями в характере труда [3].

Инновационное развитие экономики базируется на качественно новом уровне развития науки, превращении ее в непосредственную производительную силу. Как известно, наука воплощается во всех элементах производительных сил и определяет их развитие. Совершенствование машин и оборудования, появление новых материалов и технологических процессов осуществляется на основе новых научных принципов, применяемых в процессе производства. Возрастает роль науки и в подготовке главной

[1] *Сергей Вячеславович Кочетков*, член Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Вольное экономическое общество России», д-р экон. наук, e-mail: kochetkov-75@inbox.ru.

[2] *Олеся Вячеславовна Кочеткова*, канд. экон. наук, e-mail: kochetkova.olesya@bk.ru.

производительной силы – человека: расширяется сфера квалифицированного труда, растет образовательный уровень кадров. Это требует, с одной стороны, перестройки на научной основе всего процесса подготовки и переподготовки кадров, а с другой – изменения содержания труда, организации и управления производственными процессами.

Наука определяет принципиально новые направления развития техники. Подчеркнем, что опережающий рост науки создает возрастающий научный задел, который является главным ускорителем развития техники в будущем. Данное обстоятельство может быть использовано для оправдания сложившейся ситуации в сфере внедрения результатов научных исследований в производство. Подобное возможно лишь в идеально построенной системе управления наукой и техникой, на формирование которой направлены усилия государства, академической науки, научные исследования в высших учебных заведениях и т. д. К сожалению, мы не можем говорить об объединяющей силе науки и техники, тем более о должном и необходимом уровне использования ее результатов в производстве.

Сложившееся положение объясняется разобщенностью академической и вузовской науки; отсутствием отраслевых научных организаций и подразделений, так называемой заводской науки; слабыми международными научно-техническими связями; попытками «вписать» огромное разнообразие и ничем не ограниченное расширение предметов исследования в научной работе в систему управления наукой, системы отраслевого или территориального управления, организации их функционирования в рамках действующего хозяйственного механизма.

Среди основных факторов, затрудняющих практическое использование этих результатов, выделим следующие группы:

1. *Организационные факторы*. В отраслях промышленности в структуре органов управления практически отсутствует специальная система (и даже отдельные подразделения), основной функцией которой является организация и управление процессом внедрения достижений науки в различные сферы производственной, проектной и научной деятельности.

Важнейшей функцией существующих отраслевых органов управления, а также предприятий является обеспечение текущего производства, организация выполнения заказов на выпуск той или иной продукции. В этих условиях вопросы внедрения результатов научных исследований в производство отодвигаются на второй план или вообще не рассматриваются. В отдельных случаях внедрение осложняется организационной разобщенностью участников, отсутствием надежных и действенных внутриотраслевых (и особенно межотраслевых) форм и методов организации и управления этим процессом, отсутствием обязательных к исполнению или рекомендательных межотраслевых регламентирующих документов. В результате участниками процесса внедрения оказываются организации, не подчиненные единому органу, решающие свои специфические задачи, по-разному заинтересованные и не всегда несущие должную ответственность за внедрение того или иного достижения науки в производство.

Важную роль в организации внедрения играет правильное распределение ответственности. Управлять процессом внедрения результатов научных исследований может только орган (или организация), наделенный правом принятия окончательных решений, возможностью давать указания, организовывать, финансировать и контролировать работы. Вопрос о полноте ответственности имеет первостепенное значение, поскольку от четкого распределения функций, прав и обязанностей зависят сроки, объем и, в конечном итоге, эффективность предприятия, отрасли и экономики в целом.

2. *Экономические факторы*. Их роль исключительно велика. Наряду с налоговыми льготами и другими экономическими преференциями, на наш взгляд, следует предусмотреть распространение метода установления прогрессивных цен и стимулирующих надбавок на выпускаемую новую продукцию. Суть его состоит в последовательном снижении цен на устаревшую продукцию и их повышении на новую и новейшую продукцию и обладающую более высокими потребительскими свойствами. Это стимулирует переход предприятий-изготовителей на выпуск новой продукции и постоянный поиск путей ее обновления. В то же время на практике повышение цен на новую продукцию не всегда способствует росту ее потребления, поскольку в отдельных случаях оно приводит к увеличению затрат потребителей.

В этой связи нужен четкий механизм, позволяющий обеспечить соответствие цен на новую технику и ее эффективности при внедрении в производство. На наш взгляд, следует предусмотреть возможность создания механизма государственного регулирования этого процесса, что обеспечит наибольший экономический эффект, качественный скачок в росте производства и реализации инновационных товаров, работ, услуг. Определенная работа в этом направлении уже проведена. Первыми шагами будем считать правила[3], которые распространяются и на действие следующего фактора.

3. *Технические факторы*. Среди них важнейшим является мощность инфраструктурных (строительно-монтажных и наладочных) организаций, которые должны участвовать в работах по новой технике (помимо работ по строительству, ремонту и реконструкции). Сказанное относится к опытным и экспериментальным предприятиям и к научным организациям, которые должны обеспечивать высокую готовность разработок к промышленному внедрению, осуществлять их проверку в условиях, близких к производственным.

4. *Морально-психологические факторы*. Полученные знания, облеченные в различную форму, должны быть переданы от ученого (научного коллектива) работникам (производственному коллективу), которые могут их использовать. В процессе передачи всегда участвуют конкретные люди со своими особенностями. От уровня их общей и научно-технической подготовки, от их человеческих качеств и способности убедительно представить результаты и воспринять их во многом зависят характер и величина сопротивления, возникающего в процессе внедрения результатов научных исследований в производство.

В силу чрезвычайно важного значения человеческого фактора в принятии решений, определяющих судьбу новых идей, открытий, изобретений, усовершенствований, а также комплексного воздействия других рассмотренных выше факторов возможному проявлению субъективизма и некомпетентности должна быть противопоставлена четкая система рассмотрения, отбора, утверждения и использования новых достижений науки и техники. Эта система должна включать общегосударственные правовые, организационные и экономические формы воздействия на процесс внедрения результатов

[3] Об утверждении Правил разработки, утверждения, реализации, корректировки и завершения комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла и комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла в целях обеспечения реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 февраля 2019 года № 162 http://www.government.ru.

исследований в производство, а также формы, специфичные для определенных сфер экономики, отраслей, производственных комплексов, отдельных предприятий и организаций. Она должна обеспечивать: отбор и ранжирование работ, подлежащих внедрению; разработку конкретных планов внедрения, их материально-техническое, финансовое и организационное обеспечение; управление процессом внедрения, постоянное наблюдение за его ходом; сбор и обработку информации, необходимой для выполнения намеченных планов, а также эффективность использования результатов научных исследований в производстве и выделяемых для этого ресурсов.

Важным звеном системы организации внедрения должны стать специализированные органы (подразделения внедрения) промышленных предприятий, поскольку в конечном счете именно промышленное предприятие является объектом приложения новых идей, местом, где материализуются научные, проектные или конструкторские разработки. Подчеркнем, что внедренческие работы для промышленного предприятия можно разделить на две группы: работы, внедрение которых регламентируется указаниями профильных министерств, и работы, инициатором постановки которых (а в ряде случаев и автором) является само предприятие.

В этих условиях при изучении вопросов развития науки и техники на первый план выходят задачи ускорения внедрения результатов научных исследований в производство и повышения их эффективности. Именно ускорение – один из рычагов, с помощью которого можно поднять на новую ступень экономическое строительство в нашей стране. Одним из важнейших факторов успешного движения к достижению этой цели является преодоление существующего несоответствия между результатами исследований и их использованием (см. таблицу).

Научные исследования и внедрение их результатов в производство в Российской Федерации, % (расчеты авторов)*

Показатель	Анализируемый период, годы							
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Коэффициент создания (проектирования и конструирования) опытных образцов	80,41	81,19	83,49	83,59	83,58	84,54	84,83	85,13
Коэффициент технологического воспроизводства (внедрения результатов научных исследований в производство)	42,21	37,79	35,79	37,91	30,29	28,36	31,11	28,79

* Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат).

Приведенные в таблице данные указывают на большой разрыв между научными исследованиями и внедрением их результатов в производство. Именно поэтому теории и практике совершенствования управления наукой и производством в последние годы уделяется так много внимания. Перевод экономики на путь инновационного развития – объективный процесс, обусловленный возрастающим потенциалом нашей экономики и сложностью промышленного производства.

Сказанное определяет необходимость системного управления наукой и производством. В самом общем виде оно предполагает разработку конкретных целей и критериев эффективности научно-технологического развития; создание системы специальных органов, занимающихся его управлением, с очерченным кругом ответственности и постоянное ее совершенствование; осуществление таких специфических функций управления, как планирование, финансирование, стимулирование процессов научно-технического развития, организация научно-исследовательских работ и мероприятий по освоению новой техники и реализации новой продукции.

В современных условиях в основе этой системы, на наш взгляд, должен лежать единый план науки и производства, обеспечивающий своевременное выполнение задач, выдвигаемых государством: научно-технологический прорыв и создание научно-технического задела на будущее. Такой план станет механизмом реализации предлагаемых мероприятий.

Разумеется, более эффективному использованию результатов науки будет способствовать включение в программы экономического и социального развития страны (национальные проекты) специального раздела по внедрению новой техники и выделению в нем основных заданий по выполнению научно-технических программ, разработке и освоению новых высокоэффективных технологических процессов и видов продукции, а также других показателей, характеризующих темпы прироста инновационных товаров, работ, услуг.

Отсюда следует, что разработка и реализация единого плана науки и производства – это действенный механизм инновационного развития. Можно даже сказать – трансформационный механизм российской экономики, механизм ее структурной трансформации, в котором формирование направлений и тем научных исследований в нашей стране должно быть связано исключительно с производством и его возможностями в освоении достижений науки.

Список литературы

1. Научно-технический прогресс и эффективность производства / под ред. Г. А. Егиазаряна. – М.: Экономика, 1979. – 320 с.

2. *Бодрунов*, *С. Д.* К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 4 (38). – С. 4–26.

3. *Кочетков*, *С. В.* Инновационный потенциал и пространственное развитие: готова ли российская экономика к прорыву? / С. В. Кочетков, О. В. Кочеткова // Экономист. – 2019. – № 4. – С. 10–24.

S. V. Kochetkov, O. V. Kochetkova. Innovative development of production: premises and implementation mechanism. The article considers the issues of implementation research results into production. The main factors holding back these processes are highlighted. The use of the results of

scientific research in industry is evaluated. In conclusion, practical recommendations are formulated for managing the innovative development of the Russian economy and a mechanism for their implementation is proposed.

Keywords: R&D, implementation, usage assessment, science and production management, innovative development.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-122-131

Г. С. Сергеев[1]

РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Исследуется развитие высокотехнологичного производства в контексте трансформации мирохозяйственной системы, вызванной кризисом неолиберальной глобализации. Формирование глобальной производственной системы (на основе глобальных производственных сетей) благодаря более высокому уровню обобществления производства привело к глобальной гегемонии стран центра и усилению крупнейших стран периферии, что породило феномен нового империализма, для которого характерна борьба в сфере научно-технологического развития. В этих условиях развитие отечественного высокотехнологичного производства, существенно деградировавшего после интеграции российской экономики в систему международного разделения труда, становится неотложной задачей для постсоветской России.

Ключевые слова: постсоветская Россия, высокотехнологичное производство, новый империализм, центр, периферия, глобальные производственные сети, глобальное обобществление.

УДК 330.354

В условиях нарастающего геополитического противостояния России и Запада проблема повышения конкурентоспособности российской экономики в мирохозяйственной системе приобрела особую остроту.

Формирование четвертой промышленной революции и переход к шестому технологическому укладу свидетельствуют о том, что «человечество вступило в период качественных трансформаций в сфере технологий» [2, с. 10]. В связи с этим одним из ключевых условий обеспечения конкурентоспособности страны является внедрение новых прорывных технологий и опережающее инновационное развитие на базе высокотехнологичного производства, уровень развития которого определяет «состояние производительных сил, основные тенденции их динамики и инновационную составляющую экономического роста» [7, с. 103].

Однако постсоветская Россия, несмотря внешнеполитические победы и растущую военную мощь, продолжает сильно отставать от мировых лидеров в инновационном развитии. Более того, падение цен на нефть и экономические санкции существенно обострили противоречие между необходимостью обеспечения национального экономического суверенитета и объективно востребованной интеграцией российской экономики в систему международного разделения труда.

[1] *Григорий Сергеевич Сергеев*, руководитель направления внутреннего аудита ООО «Новый Импульс-50», e-mail: sergeev_gs@mail.ru.

При этом в первые десятилетия XXI в. под влиянием неравномерного экономико-политического развития происходит формирование новых мировых и региональных центров силы, что опосредованно отражается в геополитической концепции «многополярного мира» или «полицентричного миропорядка» [17].

В связи с этим представляется актуальным исследование проблемы развития высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте трансформации глобальной системы позднего капитализма, отнюдь не случайно напоминающей процесс переформатирования геополитического и геоэкономического пространства в форме борьбы за передел мира между «великими империалистическими державами» в начале прошлого века.

Геополитическое противостояние постсоветской России и «либерального» Запада является, на наш взгляд, особенной формой всеобщего кризиса неолиберальной глобализации, проявляющегося в противоречии между развернувшимся в полный рост процессом «всемирного обобществления» [5, с. 552] производственных отношений и нарастающей в посткризисное десятилетие конкуренцией «национальных империализмов».

Напомним, что интенсификация процесса интернационализации мирового хозяйства в результате массового переноса промышленных производств из экономик центра в страны периферии с низким уровнем оплаты труда привела к гигантскому обобществлению производства. По оценкам ЮНКТАД, сегодня около 80 % мировой торговли осуществляется посредством глобальных производственных сетей, а две трети объема мировой торговли приходится на промежуточные товары и услуги, используемые на различных стадиях производства в так называемых глобальных цепочках создания стоимости [25, с. 135]. По состоянию на 2013 г. в сорока крупнейших экономиках мира более 450 млн человек (каждый пятый работающий!) были заняты в различных звеньях глобальных производственных сетей.

Другими словами, корпоративные капиталы стягивают локальные экономические пространства в единое «органическое» целое посредством сложных сетей взаимодействия между поставщиками и различных режимов управления в странах (полу)периферии: производство в зарубежных филиалах ТНК, международный аутсорсинг[2] или коммерческие сделки на основе «близких рыночных отношений» (arm's length transactions) [25, с. 141].

При этом, однако, для стран периферии «на смену внеэкономическому принуждению … приходит экономическая и технологическая зависимость» [1, с. 274], что подчеркивали советские экономисты еще в начале 1970-х гг.

Расширение и углубление международного разделения труда на капиталистической основе привело к формированию глобальной производственной системы, в рамках которой народнохозяйственные комплексы стран периферии дезинтегрируются и низводятся на уровень поставщиков и субподрядчиков [21, с. 32]. Львиную долю стоимости, произведенной в странах (полу)периферии, присваивает интегратор производственной цепочки (транснациональная корпорация, которая организует и контролиру-

[2] Международный аутсорсинг представляет собой «способ организации международного производства, не связанный с участием в капитале» (non-equity mode of production). По оценке ЮНКТАД, в 2010 г. объем продаж в рамках таких производственных отношений превысил 2 трлн долларов, главным образом в странах (полу)периферии мировой капиталистической системы [24, с. 132].

ет производственный процесс), а также многочисленные посредники и государственная бюрократия стран центра в виде различных налогов и таможенных сборов[3].

При этом, согласно методике ЮНКТАД [25, с. 172], место конкретной страны в глобальной производственной системе определяется уровнем технологической сложности экспорта – от вывоза природных ресурсов до экспорта знаниеёмкой продукции и технологий. Очевидно, что сверхконцентрация инвестиций в НИОКР и, соответственно, патентов на изобретения в руках крупнейших ТНК[4], принадлежащих в большинстве своем к ядру мировой капиталистической системы, приводит к монополизации достижений научно-технического прогресса странами центра, что позволяет им извлекать дополнительную «технологическую» ренту [10, с. 19].

По мере развертывания неолиберальной глобализации качественно более высокий, чем в начале прошлого века, уровень обобществления производства породил феномен «коллективного империализма», в рамках которого правящие элиты старых империалистических держав (США, Западной Европы и Японии) осознали необходимость координации своих действий в целях уравновешивания противоречивых интересов транснациональных монополистических группировок и сохранения социально-политической стабильности мирохозяйственной системы [21, с. 32][5]. Однако, как указывал К. Маркс, в рамках капиталистического способа производства «совместные действия интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них» [15, с. 212].

Оборотной стороной процесса переноса промышленного производства в страны периферии стала быстрая индустриализация ряда крупных периферийных стран (Китая, Индии, Бразилии и др.), в результате которой последние превратились в самостоятельный мощный фактор международных отношений. «Кормовая база» для монополистического капитала стран «триады» относительно сокращается, что приводит к расколу и фрагментации геоэкономического пространства. Стабильное снижение интенсивности мировой торговли и международных инвестиций[6], а также рост протекци-

---

[3] В 2013 г. только бюджет США получил около 810 млн долларов в виде налогов и сборов от импорта текстильной продукции из Бангладеш. При этом фонд оплаты труда бангладешских рабочих, которые являются непосредственными производителями данной продукции, составил всего 690 млн долларов [23 с. 18]. Как справедливо указывает Дж. Смит, «сегодня транснациональная корпорация является успешной, если она передала производство на аутсорсинг в страны с низким уровнем заработной платы и как можно меньше производит сама» [23, с. 42].

[4] Сегодня на долю ТНК приходится более 80 % зарегистрированных патентов и около 80 % финансирования НИОКР. Как подчеркивал В. И. Ленин, по мере концентрации и централизации производства и капиталов «обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований» [13, с. 320].

[5] Такая межимпериалистическая координация осуществляется в различных формах: от официальных саммитов «Большой семерки» и Всемирного экономического форума в Давосе до закрытых встреч Бильдербергского клуба, также известного как «интернационал финансового капитала».

[6] Так, например, ежегодные темпы прироста мировой торговли, которые с середины 1980-х гг. и до 2008 г. опережали темп прироста мирового ВВП в среднем почти в два раза, на протяжении нескольких лет после мирового финансового-экономического кризиса остаются ниже темпов роста мирового ВВП [26].

онизма и торговых войн в посткризисное десятилетие свидетельствуют о нарастающих дисбалансах и противоречиях в мировой капиталистической системе.

В рамках марксистской политэкономии тектонические сдвиги в мирохозяйственной системе можно охарактеризовать как трансформацию неолиберального этапа позднего капитализма в «новый империализм», в рамках которого захват и удержание гегемонии в сфере научно-технологического прогресса являются основополагающими факторами в борьбе за сферы влияния и передел уже «освоенных хозяйственных территорий»[7].

В этих условиях, как справедливо указывает С. Д. Бодрунов, «одной из основных стратегических задач современной России является завоевание и удержание технологического лидерства» [4, с. 5]. Однако сегодня, по оценке российских исследователей, российская экономика «обладает самым высоким индексом в области низких технологий среднего уровня в связи со значительной долей экспорта в области продуктов нефтяной переработки» [10, с. 19, 20]. Это является закономерным следствием деградации российского промышленного, прежде всего машиностроительного, комплекса на протяжении всего постсоветского периода.

Подчеркнем: экономика постсоветской России достаточно глубоко интегрирована в глобальные производственные сети. Интегральный индекс участия России в глобальных цепочках создания стоимости превосходит аналогичные показатели США, Германии, Китая, Индии и других стран ядра и полупериферии мировой капиталистической системы [6, с. 96]. Однако преимущественное участие российских предприятий в восходящих звеньях глобальных производственных сетей в качестве поставщиков сырья и энергоресурсов на мировые рынки свидетельствует о периферийном статусе постсоветской России в мирохозяйственной системе.

Заметим, что сырьевая (нефтегазовая) ориентация отечественного экспорта сложилась в 1970-х гг., а резкое падение мировых цен на нефть в середине 1980-х гг. сильно повлияло на замедление темпов экономического роста в Советском Союзе. Однако в результате неолиберальных реформ доля минерального сырья (нефть, нефтепродукты и природный газ) в российском экспорте увеличилась с 45 % в конце советского периода до без малого 72 % в середине 2010-х гг. В целом, доля сырьевого экспорта (продукция топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов низкой степени передела, а также зерно) в 2018 г. составила чуть меньше 90 %. Доля машин и оборудования в российском экспорте, напротив, сократилась с 10 % в 1995 г. до 6 % в 2018 г. (см. рисунок).

Сырьевой характер российского экспорта зеркально отражает периферийную структуру экономики постсоветской России, сформировавшуюся под давлением и в интересах глобального монополистического капитала после стремительной интеграции страны в систему международного разделения труда.

Напомним, что в результате либерализации внешнеэкономической деятельности в начале 1990-х гг. «в структуре промышленного производства резко выросла доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении

---

[7] В этом смысле логично смещение акцентов разгорающейся американо-китайской торговой войны в сторону противостояния в сфере высоких технологий. Напомним, что в мае 2019 г. министерство торговли США внесло китайскую компанию Huawei, контролирующеую 19 % мирового рынка смартфонов, в черный список запрещенных в США предприятий в целях «обеспечения национальной безопасности».

Динамика структуры экспорта России в 1995–2018 гг.
(составлено автором на основании данных [20])

доли машиностроения», что является «характерной чертой стран сырьевой периферии» [9, с. 125]. Открытие национальных границ для транснациональных промышленных гигантов, базирующихся в основном в странах центра, закономерно привело к упадку высокотехнологичных отраслей отечественной промышленности (станко-, приборо-, авиастроения, микроэлектроники и пр.), которые не смогли противостоять мощной экспансии иностранного монополистического капитала.

Так, в 2015 г. выпуск станков с числовым программным управлением составил 1,2 % от уровня 1990 г. [12, с. 152]. При этом, согласно данным РАНХГНИС, по состоянию на июль 2017 г. 93 % российских промышленных компаний заявили о своей зависимости от импорта иностранного сырья, машин и оборудования, так как российских аналогов практически нет (о чем заявили 69 % опрошенных), а те, что производятся, отличаются низким качеством (37 % опрошенных). Лишь 7 % российских промышленных предприятий «сообщили о сокращении или о полном обнулении физической доли импорта в закупках машин и оборудования» в IV квартале 2017 г. [16, с. 18].

Приоритетным направлением развития современного высокотехнологичного производства является внедрение комплексных роботизированных систем в производственные процессы. Однако, по уровню внедрения промышленных роботов Россия, которая в советский период была одним из мировых лидеров робототехники[8], за годы

[8] «К концу 1980 г. парк промышленных роботов в СССР превысил 6000 шт., что примерно соответствовало парку роботов США и составляло более 20 % мирового парка роботов. К концу 1985 г. количество роботов превысило 40 тыс. шт., в несколько раз превзойдя парк роботов США и достигнув 40 % мирового парка» [12, с. 153].

либеральных реформ была отброшена на обочину мирового рынка, отставая от передовых промышленных держав на десятилетия. В 2015 г. плотность роботизации в России составляла менее двух роботов на 10 000 рабочих мест, в Китае – 49, в США – 176, в Германии – 301, в Японии – 305, в Южной Корее – 531 [8, с. 686]. Примечательно, что «в 2015 г. был закрыт Волжский машиностроительный завод, который был единственным производителем промышленных роботов в стране» [8, с. 695].

Не лучше обстоят дела и с отечественной микроэлектроникой: доля отечественных поставщиков на российском рынке составляет менее 1 %. По плану Минпромторга, доля импорта к 2020 г. должна снизиться до 97,6 %, что, по мнению российских чиновников, будет «большим прогрессом» [29][9].

За пореформенный период в стране, которая первой в мире запустила искусственный спутник Земли, к началу XXI в. производство космических спутников оказалось под угрозой из-за критической зависимости от импортных поставок и технологий. Как оказалось, современное поколение отечественных спутников ГЛОНАСС-М более чем на три четверти состоит из иностранных компонентов [31].

В условиях резкого сокращения государственных расходов на науку после распада СССР олигархические структуры, ставшие собственниками крупнейших обломков советских производственно-технологических отраслевых комплексов, не спешат вкладывать деньги в инновационное развитие. В отличие от стран ОЭСР и Китая, где частный капитал финансирует более 60 % научных исследований, в России доля корпоративного сектора в финансировании расходов на НИОКР в 2017 г. составила чуть более 30 % [22, с. 22]. В целом Россия «тратит на НИОКР менее 100 долл. США в год на душу населения, тогда как развитые страны – до 500 долл. США» [10, с. 21]. Научно-технологическая отсталость российской экономики выражается в мизерном (относительно наиболее развитых экономик мира) объеме высокотехнологичного экспорта. Так, в 2016 г. экспорт высокотехнологичной продукции из России составил 6,8 млрд долларов; для сравнения: Китай – 496,0; Германия – 169,6; США – 153,5; Сингапур – 126,3; Южная Корея – 118,4 млрд долларов [14, с. 47].

Справедливо указывая на риски консервации отсталой структуры экономики при сохранении текущего периферийного места страны в глобальных производственных сетях, В. Г. Варнавский осторожно пишет, что сегодня у России других конкурентных преимуществ «кроме сырья и энергоносителей пока просто нет» [6, с. 97]. Однако проблема заключается в том, что добыча и переработка нефти и природного газа как основных экспортных товаров постсоветской России напрямую зависят от технологий наиболее развитых экономик. В августе 2018 г. глава Совета Безопасности РФ Николай Патрушев признал, что западные санкции в отношении российских энергетических монополий «обозначили проблему уязвимости и зависимости отечественной энергетики от иностранного капитала и иностранных технологий, оборудования, программного обеспечения» [30]. Таким образом, колоссальное научно-технологическое отставание от экономик центра подрывает конкурентоспособность и экспортно ориентированных

[9] Примечательно, что завод по производству микрочипов «Ангстрем-Т» (один из крупнейших в постсоветской России проектов по развитию микроэлектроники, включенный Правительством РФ в план развития радиоэлектронной промышленности и получивший кредит от государственной корпорации «Внешэкономбанк» на сумму более 800 млн евро) в октябре 2019 г. был официально признан банкротом [28].

сырьевых отраслей, являющихся, по выражению С. Ю. Глазьева, «витриной российского капитализма».

В результате деиндустриализации постсоветской экономики произошла существенная деградация ключевого элемента производительных сил любого общества – человеческого потенциала. По состоянию на 2015 г., профессиональная структура занятости в России оказалась смещенной в сторону неквалифицированных и полуквалифицированных профессий, для получения которых достаточно неполного среднего образования: каждый шестой в постсоветской России работает водителем, продавцом или охранником; еще более пяти миллионов человек трудятся в качестве неквалифицированных рабочих (грузчики, уборщики, комплектовщики, сторожа и пр.) [19, с. 57–59]. Неудивительно, что «у значительной части российских работников полученное образование является избыточным по отношению к той квалификации, которая реально необходима для работы» [19, с. 40].

Нельзя сказать, что проблема неизбежного сползания страны на глубокую периферию мировой капиталистической системы вследствие реализации экспортно-сырьевой экономической модели полностью игнорируется властями. Так, например, в декабре 2018 г. на основе очередных «майских указов» Правительство РФ утвердило отдельный национальный проект «Международная кооперация и экспорт», согласно которому к 2024 г. экспорт конкурентоспособной промышленной продукции, сельскохозяйственной продукции и услуг должен составить не менее 20 % от ВВП [18]. Однако в отсутствие прозрачного и публичного анализа результатов реализации предыдущих правительственных программ очередная версия национальных проектов вызывает правомерную критику независимых экспертов[10].

При этом в планах правительства отсутствует какое-либо упоминание о реиндустриализации российской экономики как системе взаимоувязанных мероприятий по долгосрочному комплексному развитию высокотехнологичного производства в интеграции со сферами науки и образования. Точечные попытки решения проблемы научно-технологической отсталости посредством создания высокотехнологичных государственных корпораций закономерно «вызывают нарекания из-за многочисленных случаев неэффективного управления, нецелевого расходования бюджетных средств, связанных с этим злоупотреблений и т. д.» [3, с. 15][11].

Очевидно, что реализация на протяжении пореформенного периода экономической стратегии «рыночного фундаментализма» привела к деградации национальных производительных сил, в частности, к упадку высокотехнологичного производства, в результате чего сегодня в структуре глобальных производственных сетей Россия выполняет незавидную роль субподрядчика для транснационального капитала стран центра.

---

[10] В частности, по мнению Владислава Иноземцева, в результате принятия очередного пула нацпроектов российская бюрократия просто «получила свободу маневра» для перераспределения бюджетных финансовых потоков в своих интересах [11].

[11] Так, например, в январе 2019 г. аудиторы Счетной палаты РФ сообщили, что Государственный инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий («Росинфокоминвест»), созданный в 2007 г. для развития российской отрасли информационно-коммуникационных технологий, за 10 лет работы инвестировал средства лишь в один проект, который оказался схемой по выводу денежных средств на Каймановы острова (один из крупнейших мировых оффшоров) [27].

Подчеркнем: в условиях нарастающей конфронтации с Западом переориентация российской экономики на активно формирующиеся политико-экономические блоки типа БРИКС и ЕАЭС без восстановления собственного научно-технологического потенциала и опережающего развития высокотехнологичного производства вряд ли поставит Россию в выгодную позицию. Напротив, при сохранении статус-кво наиболее вероятным вариантом представляется попадание России в экономико-технологическую «зависимость от стран, которые сегодня выступают в роли наших союзников» [10, с. 25][12].

В связи с этим преодоление ловушки деиндустриализации на основе развития высокотехнологичного производства, на наш взгляд, возможно посредством «отключения» (delinking в терминологии С. Амина) постсоветской экономики от «глобальной гегемонии корпоративного капитала» [5, с. 50] стран центра. При этом в условиях глобального обобществления производственных отношений, ставшего сегодня объективной реальностью, такое «отключение» должно быть органично дополнено генезисом и развитием проекта международной интеграции и кооперации на условиях, качественно отличных от существующих в рамках центр-периферийной модели «нового империализма», основанной, как и сто лет назад, на отношениях господства и подчинения.

Список литературы

1. *Белоус*, *Т. Я.* Международные промышленные монополии / Т. Я. Белоус. – М.: Мысль, 1972.

2. *Бодрунов*, *С. Д.* Государство и революция / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №2. – С. 9–16.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №1. – С. 7–22.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №3. – С. 5–12.

5. *Бузгалин*, *А. В.* Глобальный капитал: в 2 т. – Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – Изд. 3, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015.

6. *Варнавский*, *В. Г.* Роль России в глобальных производственных сетях / В. Г. Варнавский // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2018): материалы 11-й междунар. конф. (1–3 окт. 2018 г.): в 2 т. / Ин-т проблем упр. им. В. А. Трапезникова РАН; под общ. ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. – Т. 1. Пленарные доклады, секции 1–7. – М.: ИПУ РАН, 2018.

[12] О таком варианте недвусмысленно свидетельствует структура внешней торговли России со своим основным геополитическим союзником – КНР. По итогам 2018 г. основными российскими экспортными товарами в Китай традиционно выступили минеральное сырье (нефть и газ) и древесина (76 и 9 % от всего объема российского экспорта в Китай соответственно). При этом основная статья импорта из Китая – машины, оборудование и транспортные средства, доля которых составила более 50 % от всего объема китайского импорта в Россию [32].

7. *Варнавский*, *В. Г.* Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 11, № 2. – С. 100–112

8. *Варшавский*, *А. Е.* Проблемы развития прогрессивных технологий: робототехника / А. Е. Варшавский // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 4(s). – С. 682–697.

9. *Глазьев*, *С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. Режим доступа: https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54544-strategija-operezhajushhego-razvitija-v-uslovijakh-global-nogo-krizisa

10. *Дементьев*, *В. Е.* Место России в глобальных цепочках создания стоимости / В. Е. Дементьев, Е. С. Новикова, Е. В. Устюжанина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №1. – С. 17–30.

11. *Иноземцев*, *В. Л.* Искусственный беспорядок: что не так с новой версией нацпроектов / В. Л. Иноземцев // РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/06/2019/5d0f51e39a794767dcbd4544

12. *Колганов*, *А. И.* Структура российской экономики: потенциал адаптации цифровых технологий / А. И. Колганов // Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. «Цифровая экономика: человек, технологии, институты»: сб. статей. – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. – 869 с.

13. *Ленин*, *В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т.27.

14. *Ленчук*, *Е. Б.* Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России / Е. Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2019. – №1. – С. 46–52.

15. *Маркс*, *К.* Капитал. Т.3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 25, ч. 1.

16. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2018. – №2 (63). – Февраль. Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_2-63_February.pdf

17. *Пантин*, *В. И.* Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 47–66.

18. Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Режим доступа: http://government.ru/info/35564/

19. Профессии на российском рынке труда: аналит. докл. НИУ ВШЭ / отв. ред. Н. Т. Вишневская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики. – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2017.

20. Россия в цифрах. Росстат. – М., 2018.

21. *Amin*, *S.* Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism / S. Amin. – New York: Monthly Review Press, 2016.

22. Main Science and Technology Indicators. – 2019. – Vol. 2019, Issue 1. OECD. Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/volume-2019/issue-1_g2g9fb0e-en#page24

23. *Smith*, *J.* Imperialism in the Twenty-First Century: The Globalization of Production, Super-Exploitation, and Capitalism's Final Crisis / J. Smith. – Monthly Press Review, 2016.

24. World Investment Report. – 2011. UNCTAD. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2011_en.pdf

25. World Investment Report. – 2013. UNCTAD. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013_en.pdf

26. World Trade Statistical Review. – 2017. WTO. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts17_toc_e.htm

27. 10 лет Росинфокоминвест не выполняет задачу развития отрасли информационно-коммуникационных технологий. Режим доступа: http://audit.gov.ru/press_center/news/35712

28. Арбитражный суд признал банкротом завод «Ангстрем-Т» // Ведомости. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/10/28/814844-angstrem-t?utm

29. Отечественную радиоэлектронику простимулируют низким процентом // Ведомости. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/11/23/617874-otechestvennuyu-radioelektroniku-prostimuliruyut-nizkim-protsentom

30. Патрушев заявил о проблемах в энергетике из-за отсутствия доступа к иностранным технологиям // Интерфакс. Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/623771

31. Россия отказывается от серийного выпуска спутников ГЛОНАСС // РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/25/06/2019/5d10ef6d9a79476950dcf15e

32. Торговля между Россией и Китаем в 2018 г. Режим доступа: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2018-g/

G. S. Sergeev. Development of high-tech production in post-Soviet Russia in the context of the world-systems theory. The article considers the problem of development of high-tech production in post-Soviet Russia within the context of transformation of the global capitalist system propelled by the crisis of neoliberal globalization. The development of the global production system (based on global production networks) generated by higher level of socialization of production has led, on the one hand, to the global hegemony of “Center” but on the other, caused a rise of the largest peripheral nations, which resulted in new imperialism characterized by confrontation in the sphere of science and technology. Development of high-tech production which has degraded substantially after Russia’s integration into the system of international division of labor becomes an urgent task for post-Soviet Russia.

Keywords: post-Soviet Russia, high-tech production, new imperialism, center, periphery, global production networks, global socialization.

В этом номере редакция журнала «Экономическое возрождение России» публикует серию статей молодых ученых (в основном сотрудников Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте), подготовленных на основе дистанционного семинара, посвященного проблемам генезиса нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики**, теория которого изложена в серии работ директора ИНИР им. С. Ю. Витте, президента Вольного экономического общества России профессора С. Д. Бодрунова.**

Авторы публикуемых материалов используют названные выше концептуальные методологические и теоретические разработки для решения широкого спектра проблем экономической теории (от вопросов коррупции и регионального развития до проблем человека и образования) и исследования места теории НИО.2 и ноономики в пространстве экономико-теоретических парадигм прошлого и настоящего.

Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»

ОНЛАЙН-СЕМИНАР МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИНИР ИМ. С. Ю. ВИТТЕ И ЭКСПЕРТОВ

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-133-141

Н. Г. Яковлева[1]

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: РОЛЬ И МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ

Разработанная С. Д. Бодруновым теория генезиса нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и рождение нового качества общественного развития – нооономики – могут служить основанием для разработки основных аспектов проблемы трансформации сферы образования как пространства для формирования главной производительной силы НИО.2 – знаний. Этот вывод базируется на концептуальном положении С. Д. Бодрунова о знаниеемком производстве как базисной характеристике новых технологий. Отсюда следует вывод о новой роли образования как первого подразделения общественного производства. Этот тезис обосновывается отсылкой к выводам С. Д. Бодрунова о человеческих качествах и знаниях как главных драйверах развития эпохи генезиса НИО.2 и нооономики. Трансформация содержания образования в направлении приоритетного развития креативной компоненты обосновывается исходя из развиваемого в рамках теории нооономики положения о новом качестве человека и его новом месте в системе общественного производства в качестве «контролера и регулировщика». Показано, что развивающиеся отношения коммерциализации и финансиализации образования являются регрессивными трендами; будущее принадлежит образованию для всех и через всю жизнь.

Ключевые слова: НИО.2, нооономика, заниеемкое производство, человек, образование, креативный потенциал.

УДК 330.3, 37.014, 37.03

Технологические и социально-экономические трансформации последних десятилетий имеют различную теоретическую квалификацию. С 1970-х гг. господствую-

[1] *Наталья Геннадьевна Яковлева*, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и Института экономики РАН, канд. экон. наук, доцент, e-mail: tetn@yandex.ru.

щим направлением стала характеристика нового качества технологического и социально-экономического развития общества при помощи таких категорий, как «экономика знаний» [37], «постиндустриальное (информационное) общество» [29, 30, 43], и т. д. Последние два десятилетия растет популярность квалификации, использующей категории «креативная экономика» [31] и «цифровая экономика» [40].

Образование в условиях знаниеемкого производства

Постиндустриальные тренды в странах ядра обернулись деиндустриализацией, тогда как в странах периферии, и особенно в экономиках полупериферии (мы пользуемся категориями мир-системного анализа, основоположниками которого были С. Амин и И. Валлерстайн [27, 28, 44, 45]), разворачивалась активная индустриализация, что способствовало успешной реализации предпринятой ими стратегии модернизации на основе догоняющего развития. Как отмечают зарубежные и российские ученые-экономисты (С. Д. Бодрунов, С. Ю. Глазьев, Р. С. Гринберг, В. Т. Рязанов), постиндустриализм оказался миражом, ведущим к нарастанию в экономике и обществе рыночного фундаментализма и финансиализации [4, 8, 10, 16]. Реальные изменения развернулись прежде всего в материальном производстве. В условиях «обретения» знаниями роли главного средства и ресурса развития технологии претерпевают качественное обновление.

Технологические трансформации обусловливают глубокие изменения в системе социально-экономических отношений и институтов, которые частью уже стали реальностью, частью должны ею стать в ближайшем будущем. В рамках концепции С. Д. Бодрунова эти изменения получили название *нового индустриального общества второго поколения – НИО.2* [1]. Однако, автор данной концепции показывает, что эти изменения знаменуют промежуточный пункт трансформаций, которые идут дальше, по направлению *к новому типу общественного устройства – ноономике* [2, 3].

Для рассматриваемой нами темы важен вопрос о том, в какой сфере прежде всего формируются знания, являющиеся главным ресурсом развития нового производства, новой экономики и нового общества. Ответ очевиден – это *образование как единство обучения, воспитания и просвещения,* что подчеркивается в работах О. Н. Смолина [20]. Отсюда постановка главной проблемы данного текста: какими могут и должны быть место и роль образования в экономике и обществе XXI в.? Наш предварительный ответ, по сути, уже был сформулирован: *образование – это основная сфера производства главного ресурса технологического и социально-экономического развития общества.*

Подчеркнем, что у этой медали есть и другая сторона – бытие образования как атрибута социогуманитарного прогресса, как цели и ценности, а не только средства и ресурса. Изучение образования в контексте проблем социального прогресса присутствует в основном в трудах ученых-философов, работающих на стыке с педагогикой и образованием [5, 15, 19]. Однако, в последние десятилетия эти вопросы, как правило, ставятся в рамках практически ориентированных проблем. Причина – изменение господствующих трендов в методологии социально-экономических исследований, где период господства постмодернизма привел к отказу от постановки проблем в рамках так называемых больших нарративов. Кроме того, тенденция к математизации всех общественных наук привела к некоторому снижению внимания к проблемам, лежащим на стыке экономической теории, социальной философии и социологии. Эти тенденции обусловлены относительной стабилизацией системы социально-экономических отношений и отсутствием качественных изменений в общественном развитии в конце XX –

начале XXI в., что находилось в глубоком противоречии с активно разворачивавшимися технологическими трансформациями. Технологии стали изменяться и развиваться быстрыми темпами, а социально-экономические отношения господствовавшей неолиберальной модели позднего капитализма [7] оставались в основе своей прежними.

Этот период проходил под знаком «конца истории», что было зафиксировано Ф. Фукуямой [34]. Однако историческое развитие не остановилось, и в настоящее время генезис качественно новых явлений как в области технологий, так и в сфере социального развития становится все более очевидным.

Прежде чем охарактеризовать новую роль образования, выделим важнейшие трансформации. Отметим, что мы используем результаты исследований наших коллег и предлагаем их оригинальную систематизацию, не проводя специального исследования этих сдвигов, так как предмет данного исследования – *социально-экономические проблемы образования.* В основу систематизации мы положили методологию, соединяющую элементы: 1 – современного формационного подхода [12, 18, 25], 2 – классического институционализма [11, 35] и 3 – мир-системного анализа [28, 45].

Первый позволяет выстроить обоснованную иерархию основных уровней социальной структуры: технологические основы общества; система характерных для данного общества социально-экономических отношений; обусловленная этими отношениями социальная структура общества; институциональное оформление всех этих сфер и далее – к политическим и духовным процессам.

Второй позволяет использовать современные представления о влиянии технологических трансформаций на изменения социальной сферы и ее институтов, равно как и обратное влияние социальных процессов на развитие технологий.

Третий создает предпосылки для выделения социопространственного измерения происходящих трансформаций.

Выделим основные технологические и социально-экономические трансформации и покажем, как они изменяют роль образования и в чем специфика этой роли в современных условиях.

Переход к знаниеемкому производству (в определении С. Д. Бодрунова) [1], в основе которого лежат технологии 5-го и 6-го укладов [8], приводит к глубоким изменениям в содержании труда. К настоящему времени до трети занятых в наиболее развитых странах становятся субъектами творческой деятельности, о чем свидетельствует статистика [22].

Каковы же следствия изменений, касающиеся системы образования?

Во-первых, благодаря возрастанию роли творческого труда и прогресса знаниеемкости производства образование постепенно трансформируется в сферу, которую можно обозначить как первое (I) подразделение общественного производства [6]. В данном случае мы используем категориальный аппарат из «Капитала» К. Маркса, который выделил: I – производство средств производства и II – производство предметов потребления [13]. Но если в условиях производства индустриального типа, описанного К. Марксом, роль главного, первого, подразделения выполняло производство средств производства, ибо от уровня его развития зависел прогресс экономики, то в условиях нового типа общественного производства – знаниеемкого производства, описанного С. Д. Бодруновым, *роль главного* (I) *подразделения общественного производства выполняет образование, так как именно в этой сфере формируется главная производительная сила современной экономики – человек, обладающий креативным потенциалом.*

Во-вторых, технологические трансформации происходят в условиях продолжающей доминировать неолиберальной модели позднего капитализма, что привело к глубоким изменениям в социально-экономических отношениях, в частности в образовании. Как отмечает И. Месарош [38], современный неолиберальный капитализм вынужден усиливать не столько внешнюю агрессивную экспансию, сколько внутреннюю, вторгаясь в сферы, которые раньше не являлись рыночными (образование, здравоохранение, наука, культура, коммунальное хозяйство), чтобы коммерциализировать их и включить в систему получения прибавочной стоимости.

Коммерциализация образования проявляется в подчинении всех слагаемых образовательного процесса, интересов, мотивов и ценностей его участников, деятельности государственных и частных образовательных организаций целям получения коммерческого результата, а не прогресса личностных качеств субъектов этого процесса, т. е. прогресса образования как такового. Усиление коммерциализации образования проявляется не только в странах ядра (США, Великобритания, Япония, Франция и др.), но и полупериферии (Китай, Бразилия, Россия, Индия и др.) и имеет негативные последствия для экономики и общества в целом. Отметим, что в странах ядра стала проявляться тенденция *финансиализации образования*: усиливается влияние финансовых мотивов и рынков, а также финансовых корпораций, учреждений, влиятельных лиц из финансовой сферы на управление образовательными организациями и непосредственно на образовательный процесс [26].

В-третьих, использование методологии мир-системного анализа позволяет нам зафиксировать вывод, сделанный ее сторонниками: социопространственная трансформация репродуктивного индустриального труда в креативную деятельность происходит на протяжении последних десятилетий неравномерно, что обусловливает неравномерность трансформаций в системе образования. Это касается его содержания, социально-экономических форм, места и роли в общественном воспроизводстве.

Неравномерность трансформационных процессов: вызовы системе образования

В современном обществе и экономике наблюдается несколько одновременных процессов, характеризуемых С. Д. Бодруновым как НИО.2 [1].

Первый – развитие собственно креативной деятельности по мере перехода к технологиям 5-го и 6-го укладов, что характерно не только для стран ядра, но и (особенно в последние годы) для стран полупериферии (в частности, Китая, Вьетнама, Индии). В России развитие в этом направлении рассматривается как важнейшая задача.

Нам данный аспект интересен, поскольку это указывает на взаимосвязь развития современных технологий и сферы образования. В странах ядра эта связь деформирована наличием специфических социально-экономических процессов, в частности финансиализацией и др., приводивших к деиндустриализации. В странах полупериферии прогресс технологий и начавшийся, в частности в Китае, переход от преимущественно сборочных индустриальных производств к высокотехнологичным оказался прямо связан с активным ростом сферы образования, так как финансовая сфера в этой стране находится под гораздо бо́льшим контролем государства, чем в США и странах Западной Европы.

Второй процесс, который мы выделяем в рамках поставленной задачи, – *развертывание индустриализации в странах полупериферии и периферии.* Он непосред-

ственно сопряжен с массовым распространением преимущественно репродуктивного индустриального труда. Однако, поскольку переход к индустриальной стадии в этих странах осуществляется от эпохи доминирования ручного репродуктивного труда (преимущественно в сфере патриархального сельского хозяйства) к классическому индустриальному труду (основанному на 3-м и 4-м технологических укладах), он также ведет к прогрессу – формированию все более широкого слоя профессионалов и появлению элементов творческой деятельности, что стимулирует прогресс образования, хотя и в существенно меньших масштабах, чем при переходе к знаниеемкому производству.

Третий процесс начался относительно недавно – это *реиндустриализация в странах ядра*. Для процесса реиндустриализации в развитых странах (а отчасти и в российской экономике) характерны две разнонаправленные тенденции.

Одна – *развитие нового индустриального общества второго поколения* (НИО.2), основанного на знаниеемких технологиях, характерных для «умного производства», предполагающего высокий уровень автоматизации и развития робототехники, прогресс интернета вещей и НБИКС-технологий [1].

Этот тренд сопровождается востребованностью работников с высоким креативным потенциалом, которые не могут быть заменены машинами [23, 33]. Эти работники должны иметь высокий уровень образования, с ориентацией не только на высокие узкопрофессиональные качества и компетенции, но и на формирование творческого потенциала разносторонне развитой личности. Более того, они должны постоянно развивать свои креативные качества, а значит, образование должно быть непрерывным. Наконец, эти качества по мере прогресса умного производства должна приобрести основная масса занятых в материальном производстве, подобно тому, как при переходе к развитому индустриальному производству основная масса занятых должна была получить, как минимум, неполное среднее образование.

В результате мы приходим к выводу, особенно актуальному в контексте перехода России к опережающему развитию [2]: *для экономик, в основании которых лежат знаниеемкое производство и креативный труд, адекватной является система социально-экономических отношений, построенная по принципу «образование для всех и через всю жизнь»*. Дополнительным обоснованием последнего вывода служит развиваемое С. Д. Бодруновым положение, согласно которому прогресс в направлении НИО.2 ведет к «ускорению ускорения» в сфере инноваций [1], что требует постоянного участия всех в образовательном процессе.

Одновременно с переходом к знаниеёмким технологиям, требующим высокообразованного и постоянно обучающегося работника, идет сокращение занятости в собственно материальном производстве. Это может вызвать как прогресс в тех сферах, где человек занят собственно творческой деятельностью (образование, здравоохранение, культура, конструкторская, научная деятельность, рекреация общества и природы и др.), так и рост в финансовой сфере, торговле, бизнес-посредничестве и др.

В странах ядра фиксируется и иная тенденция. Это – *консервация в материальном производстве технологий, позволяющих использовать относительно дешевый труд неквалифицированных работников* (в частности, эмигрантов) *и не проводить активное технологическое обновление*. Данная тенденция проявляется тем активнее, чем устойчивее тренды финансиализации и связанные с этим кризисные явления. Но обращение к этой теме не является предметом нашей работы.

Из сказанного следует промежуточный вывод: по мере развертывания технологических трансформаций и перехода к определяющей роли в развитии материального

производства знаний и творческого по своему содержанию труда меняются содержание и роль образования в системе социально-экономических взаимодействий. *Образование становится не только одной из сфер духовной жизни общества, но и сферой производства главной производительной силы социума, базирующегося на технологиях 5-го и 6-го укладов, – креативного работника*.

Образование в условиях генезиса ноономики

Ноономика в работах С. Д. Бодрунова [2, 3] характеризуется как система отношений, в которой происходят качественные изменения, ведущие к общественному развитию, лежащему, по определению К. Маркса, «по ту сторону собственно материального производства» [13], более того, «по ту сторону» собственно экономических отношений. В основе этого процесса лежит прогресс технологий, приводящий к тому, что человек занимает новое место в общественной производственной системе и выступает в качестве «контролёра и регулировщика» автоматизированного технологического процесса.

Эти положения Маркса С. Д. Бодрунов в своих работах сопрягает с современными трендами в области развития материально-технической базы производства и производственных отношений, с одной стороны, и процессами в сфере культуры – с другой. В результате общество продвигается к системе отношений, в которой собственность, деньги, капитал и другие отношения рыночной экономики постепенно снимаются новым типом общественных отношений, в которых формируется новый человек (ноочеловек), с новой системой ценностей и стимулов, связанных с саморазвитием и самореализацией. Происходит постепенное замещение прежних, утилитарно-симулятивных потребностей новыми – потребностями в совершенствовании человеческих качеств.

Выделенное выше сопряжение, рождающееся в процессе генезиса нового качества общества и человека (ноономики), позволяет сформулировать одно из ключевых положений, характеризующих изменения в системе отношений в сфере образования, происходящие по мере развертывания этого процесса. Оно состоит в том, что выделенные выше трансформации создают предпосылки для *развития образования как сферы, обеспечивающей формирование креативных способностей большинства, а в перспективе – всех членов общества*.

Это – не абстрактно-гуманистический нравственный императив, а отражение объективного тренда развития технологий и социально-экономического прогресса – от существующего состояния к НИО.2 и далее – к ноономике. Продвижение по этому пути ведет к превращению творческого потенциала человека в решающий фактор технологического и социально-экономического развития. Отсюда – объективная необходимость развития образования для всех и через всю жизнь. Однако господствующая система общественных отношений столь же объективно подчиняет образование коммерческим и бюрократическим целям и критериям развития. Подчеркнем: это противоречие характерно для большинства современных экономик, включая российскую, где активно развиваются процессы коммерциализации и бюрократизации образования [26].

Так складывается система социальных противоречий, по отношению к которым регрессивные тренды в образовании становятся частным случаем более общей закономерности: система господствующих в современном мире отношений отчуждения подчиняет человека общественному разделению труда, рынку и капиталу; трансформиру-

ет человека – творца истории и прогресса – в одностороннюю функцию отчужденных социально-экономических сил.

В результате формируется односторонне развитый, ориентированный на максимизацию денежного дохода и минимизацию труда, подчиненный стандартам общества потребления частный индивид. Более того, существующая система отношений привела к тотальному господству над обществом рынка и финансового капитала [17, 21, 32, 36], что вызвало стагнацию мировой капиталистической системы, сопровождающуюся усилением социального неравенства. Последние положения мы просто фиксируем – их обоснование дано в работах Д. Стиглица [42] и Т. Пикетти [41].

Противоречия этой системы привели к тому, что поколение миллениалов, как констатирует «The Economist», все чаще ориентируется на социальные ценности и идеалы [39]. Эта ориентация может стать исходным пунктом реформаторской деятельности гражданского общества, направленной на реализацию теоретического вывода Э. Фромма, подчеркнувшего, что действительным субъектом истории выступает реальный целостный человек [24].

Реализация качеств человека как социально-творческого субъекта может стать локомотивом, активизирующим потребность в образовании не только как узкопрофессиональном обучении, но и как пространстве формирования гармоничной всесторонне развитой, культурной личности. Выстроенная таким образом система образования будет способствовать движению общества к новому качеству – к системе отношений, где культура и социально-гуманитарные ценности будут доминировать, постепенно снимая узкоэкономические, рыночно-капиталистические потребности и интересы. Иными словами, *образование, ориентированное на гармоничное развитие человека, общедоступное и идущее через всю жизнь, есть необходимая предпосылка и драйвер продвижения к тому состоянию общества, которое С. Д. Бодрунов определил как нооноомика.*

Список литературы

1. *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016.

2. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооноомика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооноомика. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №2 (56). – С. 5–13.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза / С. Д. Бодрунов // Мир перемен. – 2018. – № 4. – С. 172–181.

5. *Брызгалина*, *Е. В*. Наука и образование: современные тренды в глобальном мире / Е. В. Брызгалина // Философия образования. – 2012. – № 6. – С. 11–20.

6. *Бузгалин*, *А. В*. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 80–94.

7. *Бузгалин*, *А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений / А. В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 10–38.

8. *Глазьев*, *С. Ю.* Догматизм и научная революция в экономике / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2016. – №5 (139). – С. 6–13.

9. *Глазьев*, *С. Ю.* Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – №2. – С. 3–29.

10. *Гринберг*, *Р. С*. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое / Р. С. Гринберг // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 15–17.

11. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.

12. *Зяблюк*, *Р. Т*. Востребованность политической экономии для решения современных проблем экономики / Р. Т. Зяблюк // Журнал экономической теории. – 2013. – №2. – С. 170–183.

13. *Маркс*, *К.* Капитал. – Т. 2. – М.: Политическая литература, 1984.

14. *Маркс*, *К*. Сочинения: публицистика / К. Маркс, Ф.Энгельс. – Т. 25. Ч. 2. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962.

15. *Миронов*, *В. В.* «Мой оптимизм – сдержанный»: о философии, образовании и человеке в современной российской культуре / В. В Миронов // Концепт: философия, религия, культура – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 9–26.

16. *Рязанов*, *В. Т.* Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода / В. Т. Рязанов // Вопросы политической экономии. – 2015. – №1. – С. 48–64.

17. *Рязанов*, *В. Т.* (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.

18. *Семенов*, *Ю. И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса / Ю. И. Семенов. – М.: Академический Проект; Трикста, 2013. – 615 с.

19. *Смолин*, *О. Н*. Образование – фундамент культуры / О. Н. Смолин // Свободная мысль. – 2012. – №1/2 (1631). – С. 7–23.

20. *Смолин*, *О. Н.* Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство / О. Н. Смолин. – 2-е изд. перераб., и доп. – М.: ИКП «Академ-книга», 2014. – 1120 с.

21. *Файн*, *Б.* Финансиализация: марксистский взгляд / Б. Файн // Вопросы политической экономии. – 2019. – №1. – С. 34–50.

22. *Флорида*, *Р*. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика XXI, 2005.

23. *Фриман*, *А*. Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства / А. Фриман // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 4. – С. 37–60.

24. *Фромм*, *Э*. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

25. *Черковец*, *В. Н.* «Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии / В. Н. Черковец // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – С. 92–102.

26. *Яковлева Н. Г.* Социальные последствия финансиализации образования / Н. Г. Яковлева // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 104–114.

27. *Amin*, *S.* Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism / S. Amin. – New York: Monthly Review Press, 1976.

28. *Amin*, *S.* Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure / S. Amin. – Pambazuka Press, 1990.

29. *Bell*, *D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. – N.Y.: Basic Books, 1973.

30. *Castells*, *M.* The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. II. – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997.

31. *Coy*, *P*. Creative economy. Business Week (Special double issue: The 21st century corporation), 2000: 1-5.

32. *Fine*, *B*. Locating Financialization. Historical Materialism. – 2018. – No. 2: 97–116.

33. *Freeman*, *A*. (2015) Twilight of the Machinocrats: Creative Industries, Design, and the Future of Human Labour. Handbook of the International Political Economy of Production (ed. K. van der Pijl). – Cheltenham: Edward Elgar: 352–375.

34. *Fukuyama*, *F.* The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. Free Press, 1992.
35. *Galbraith*, *J. K.* The New Industrial State / J. K. Galbraith. – Princeton University Press, 2007 (1967).
36. *Krippner*, *G. R*. The Financialization of the American Economy / G. R. Krippner // Socio-Economic Review. – 2005. – No. 3: 173–208.
37. *Machlup*, *F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. Princeton University Press, 1962.
38. *Meszaros*, *I.* The Structural Crisis of Capital / I. Meszaros. – New York: Monthly Review Press, 2010.
39. Millennial socialists want to shake up the economy and save the climate // The Economist. February 16th 2019: 11-12.
40. *Negroponte*, *N.* Being Digital. Knopf. Paperback edition, 1995.
41. *Piketty*, *T.* Capital in the Twenty-First Century, Harvard University Press, 2014.
42. *Stiglitz*, *J. E.* The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future / J. E. Stiglitz. – W.W. Norton & Company, 2012.
43. *Toffler*, *A.* The third wave / A. Toffler. – NY: Morrow, 1980.
44. *Wallerstein*, *I.* The Capitalist World-Economy / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
45. *Wallerstein*, *I.* World-Systems An alysis: An Introduction / I. Wallerstein. – London: Duke University Press, 2004.

N. G. Yakovleva. Technological and socioeconomic transformations in the beginning of the XXI century: role and place of education. Bodrunov's theory of the genesis of a New industrial society of the second generation (NIS.2) and the birth of a new quality of social development (Noonomics) it can serve as a basis for developing the main aspects of the problem of educational transformation. The sphere of education is becoming the main space for the formation of the main productive force of society in the era of NIS.2, which is the knowledge of a person. This conclusion is based on the conceptual position of the theory of NIS.2 about the knowledge-intensive type of production as the basis of new technologies. This thesis serves as the basis for the development of the article already known in the literature conclusion about the new role of education as the 1st division of social production. This is based on the Bodrunov's conclusions about human qualities and knowledge as the main drivers of the development of the era of the genesis of the NIS.2 and Noonomics. The theory of Noonomics develops the position of a new quality of man and his new place in the system of social production, where he performs the role of «controller and regulator». Therefore, it is necessary to transform the content of education in the direction of priority development of the creative component. On this basis, it is concluded that the currently developing relations of commercialization and financialization of education are regressive trends, and the future belongs to education for all and through life.

Keywords: new industrial society of the second generation (NIS.2), noonomics, knowledge-intensive.production, people, education, creative potential.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-142-151

Г. А. Маслов[1]

КОНЦЕПЦИЯ НИО.2 И НООНОМИКИ: ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Выполнено исследование исторических предпосылок становления концепции НИО.2 и ноономики С. Д. Бодрунова. Рассматриваются технико-экономические факторы и предыдущая динамика развития экономической теории. В качестве основных теоретических направлений, оказавших наибольшее влияние на формирование данной концепции, выделяются классическая политическая экономия, традиционный институционализм и теории технико-экономического развития. Внедрение в производство элементов новой технологической волны способствует росту актуальности теории НИО.2 и ноономики.

Ключевые слова: НИО.2, ноономика, знаниеемкое производство, классическая политическая экономия, традиционный институционализм, теории технико-экономического развития, шестой технологический уклад.

УДК 330.88

Исторический подход к исследованию становления теории: постановка проблемы

В научной и публицистической литературе все чаще поднимаются проблемы социально-экономических последствий технологических трансформаций. Актуальность этих вопросов очевидна, хотя консерватизм многих ведущих направлений экономической науки препятствует комплексному взгляду на предмет. Многие положения мейнстрима можно назвать внеисторичными – они с трудом подвергаются переосмыслению и саморазвитию, что тормозит обновление теории. В этих условиях большее внимание получают направления, которые, используя альтернативную методологию, освещают непосредственную связь технологического развития и вызванных им трансформаций экономической системы.

В число последних входит разработанная С. Д. Бодруновым концепция нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики [3, 5]. Для уточнения места данной теории в структуре экономического знания, описания ее объяснительной силы, прогностического и практического потенциалов важно провести детальное исследование, посвященное предыстории ее становления, вкладу предыдущих направлений в формирование основных положений. Это позволит проследить преемствен-

[1] *Глеб Андреевич Маслов*, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, научный сотрудник сектора истории экономической мысли Института экономики РАН, канд. экон. наук, e-mail: glemiach@yandex.ru.

ность в развитии теории, системно посмотреть на проблему и выработать оптимальный инструментарий для реакции на вызовы практики.

При рассмотрении генезиса какого-либо направления выделяются два основных типа его источников: внутренние (наследие более ранних теорий) и внешние (новые вызовы практики). Необходимость обновления, дополнения той или иной концепции (возможно, путем создания новой теории в рамках прежнего исследовательского поля) зачастую возникает вследствие несоответствия прежних теоретических установок новым явлениям экономической реальности. Теорию это не дискредитирует, хотя свидетельствует об определенных ограничениях ее исследовательского потенциала.

Теории, анализирующие динамику экономических трансформаций и фактически использующие при этом исторический метод, заведомо не претендуют на универсальность. Их развитие происходит за счет взаимосвязи между реакцией на новые феномены реальности, новые разработки в рамках близких по предмету концепций и критикой со стороны. Новые подходы возникают естественным образом, когда прежняя концепция в процессе своего обновления явным образом застревает.

Отдельно следует сказать, что одним из внешних факторов развития теории являются технологические трансформации, которые опосредованно, через систему экономических отношений, влияют на умы экономистов. В случае направлений, в которых изучаются вопросы влияния технологий на экономическую реальность, данная связь становится более тесной и прямолинейной. Это определяет высокую значимость изучения экономической мысли в ее движении.

Наша задача –выделить теоретическое наследие, которое стало опорой при развитии концепции НИО.2 и ноономики. При этом, как было отмечено, важно показать не некоторый финальный итог предыдущих разработок, а представить ретроспективный взгляд на эволюцию различных подходов, находившихся под влиянием изменяющейся технико-экономической реальности.

Рассматриваются три фундаментальных направления, пересекающихся по предмету и исследовательским подходам, которые стали, как представляется, основными истоками теории С. Д. Бодрунова: классическая политическая экономия, традиционный институционализм, теории технико-экономического развития.

Последние, с одной стороны, соотносятся с первыми двумя с точки зрения рассматриваемых в них вопросах. Однако, с другой стороны, они выделяются своим уникальным предметом исследования и, скорее, дополняют основные исследовательские вопросы в рамках политической экономии и институционализма, чем являются их составными частями. Таким образом, прямого пересечения не происходит, и данные три направления могут рассматриваться как отдельные структурные единицы экономической науки.

Классическая политическая экономия

Начало промышленной революции часто датируют концом XVIII в. Однако в массовом производстве основные изобретения, связываемые с промышленной революцией, появились на несколько десятилетий позже [26]. Тем самым лишь поздние представители классической политической экономии (Дж. Ст. Милль, К. Маркс) в полной мере ощутили последствия внедрения революционных технологий в производство.

Дж. Ст. Милль отреагировал на трансформации экономических отношений введением динамического анализа, пересмотром идеи полного невмешательства государства и обоснованием точечной поддержки наименее благополучных слоев населения.

В то же время он вошел в историю как систематизатор предыдущих достижений политэкономии, не разработав никакой концепции, подрывающей основные положения предшественников или предлагающей принципиально новый исследовательский подход.

Революционный вклад в развитие политической экономии внес К. Маркс. Об этом вкладе можно сказать очень много, однако в контексте настоящей работы выделим, во-первых, большее внимание к технико-экономическим трансформациям (был введен ряд новых категорий, расширен предмет) и, во-вторых, применение историко-материалистического подхода. Последнее позволяет через призму развития производительных сил анализировать изменения в производственных отношениях и надстройке (хотя связь, безусловно, не линейная и не односторонняя).

В последней четверти XIX в. в экономической науке произошла маржиналистская революция, направившая немарксистскую политическую экономию в иное методологическое русло. Однако исторический метод стал основой адаптируемости марксизма, и именно с этим направлением в наибольшей степени связано последующее развитие политической экономии (хотя, конечно, не только с ним).

К. Маркс и его последователи, в том числе в странах социалистического блока, отмечали тенденцию к замене человеческого труда работой машин, что ведет к снижению прибавочной стоимости. Так размывается основание воспроизводства капитализма, и рождаются новые формы общественного производства (от внедрения элементов социализации капитализма до предпосылок к переходу к коммунизму).

Наука превращается в непосредственную производительную силу общества, происходит движение к более прогрессивному способу удовлетворения материальных потребностей, при котором человек становится «контролером и регулировщиком». Отсылка к данным выражениям часто встречается в работах С. Д. Бодрунова. Тем самым происходит солидаризация с марксистским подходом в вопросе отказа от ныне господствующих экономических отношений в сфере материального производства. При этом, если продвижение к ноономике предполагает плавный и естественный уход экономических отношений как таковых в сфере материального производства, то движение к коммунизму, марксистской версии общественной формации будущего, связывается с острой классовой борьбой. В этом принципиальное различие подходов.

При рассмотрении НИО.2 подчеркивается первостепенная роль образования и науки как драйверов развития производства. В то же время, полемизируя с современными марксистами А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым [13], С. Д. Бодрунов настаивает на первичности материального производства, а не креатосферы. Тем не менее очевидным образом просматривается возможность диалога о значении человеческого потенциала с последователями Маркса.

На современном этапе в экономической науке все актуальнее становится междисциплинарный подход [24]. Преимуществом политической экономии является ее открытость: она не отказывается от внешнего диалога, но при этом не пытается навязать свой метод и исходные предпосылки другим (в отличие от экономического империализма). В частности, теория ноономики соединяет политэкономический подход с философской интерпретацией понятия «разум» и его критериев.

Политическая экономия характеризуется системным подходом, необходимым для решения современных комплексных проблем. В то же время ее потенциал применим и для более «локальных» вопросов, которые также требуют широкого взгляда. К примеру, отношения центра и периферии мировой экономики обусловливают специфику функционирования национальной экономики. Узкой по предмету и ограниченной по изна-

чальным установкам теории для проведения исследования явно недостаточно. Как пишут С. А. Толкачев и О. О. Комолов: «Проблема неэквивалентного обмена (в том числе применительно к международной торговле – прим. авт.) по своему фундаментальному значению относится к парадигмальным» [15, с. 24].

В этом контексте выделим книгу С. Амина «Россия: долгий путь от капитализма к социализму», переведенную на русский язык и подготовленную к изданию Институтом нового индустриального развития им. С. Ю. Витте [1]. Как и в ряде других работ, С. Амин показывает существовавшие на протяжении веков отношения подчинения между странами в рамках единой мир-системы, в которую Россия вписана в не самом выгодном положении.

С. Д. Бодрунов использует данные положения, во-первых, как основу для критики теорий постиндустриального общества (индустриальное производство не исчезло, а было в значительной степени перенесено в страны периферии). Во-вторых, в условиях перехода к НИО.2 наша страна не может полагаться на навязываемые неолиберальные рецепты. Вхождение в группу стран-лидеров едва ли возможно без активной государственной промышленной политики с ориентацией на поддержку знаниеемких сфер материального производства[2].

Традиционный институционализм

Зарождение традиционного институционализма связывается с именем Т. Веблена, поставившего в центр исследования экономические организации. Помимо нового предмета исследования в работах Т. Веблена происходит обновление исторического метода: ставятся вопросы эволюции институтов. Новый исследовательский подход, постановка новых проблем стали настолько востребованными, что это дало начало крупному теоретическому направлению. В частности, в теории праздного класса проводится разделение между собственниками и фактическими управляющими в компании [9]. Это станет одним из центральных вопросов институционализма на многие десятилетия вперед.

Отметим выделение Т. Вебленом феномена рекламы как инструмента навязывания потребителю ненужных товаров. Для демонстрации своего статуса люди готовы переплачивать за «престижные» товары. Такой вид благ впоследствии получил название товаров Веблена.

В теории НИО.2 и ноономики одно из основных мест занимает проблема огромного объема симулятивных потребностей, наполняющих современную жизнь. Это отнимает ресурсы из сферы производства действительно важных товаров, стимулирует низменные инстинкты и препятствует подлинному общественному прогрессу. Однако в будущем, в мире ноономики, культурный уровень общества должен стать другим, и господствовать будут более гуманные и разумные принципы.

Представители традиционного институционализма принимали активное участие в разработке «Нового курса» Ф. Рузвельта, в их числе был и Дж. К. Гэлбрейт. Вероятно, в своей главной работе «Новое индустриальное общество» [11], написанной после Второй мировой войны, Дж. К. Гэлбрейт отмечает снижение значимости классового

---

[2] Системные проблемы отечественной экономики и предлагаемый набор мер экономической политики С. Д. Бодрунов выделял и до разработки теории НИО.2 и ноономики (см., например, [4, 8]).

подхода. В новых реалиях формируется «индустриальное общество». Данный термин прямо отражает технологическую основу экономической системы. Ее отличительной чертой становится господство крупных корпораций, концентрирующих в своих руках больший потенциал технического прогресса. Масштаб и новые технические возможности позволяют корпорациям в значительной степени манипулировать рынком и его участниками. Механизмы корпоративного планирования начинают играть все большую роль во всех составляющих экономической системы. Вместе с возросшим в развитых странах уровнем вмешательства государства (активная промышленная политика, появление государств всеобщего благосостояния) это позволило прийти к выводу о возможности конвергенции между капитализмом и социализмом.

Анализируя техноструктуру, Дж. К. Гэлбрейт отмечает ее численный рост. Это можно объяснить увеличением благосостояния работников (возможность купить акции и принимать участие в управлении) и ростом объема компаний (необходимость выпускать новые акции). Крупная корпорация, создающая новые формы внутрифирменного взаимодействия и концентрирующая все большие материальные ресурсы, выделяется как более прогрессивная хозяйственная единица – именно она вбирает в себя потенциал более динамичного технологического развития.

С. Д. Бодрунов, полемизируя с отдельными положениями Дж. К. Гэлбрейта (например, рост роли техноструктуры представляется переоцененным), подчеркивает огромную значимость его идей для экономической науки. В 2017 г. Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте подготовил издание коллективной монографии «Гэлбрейт: возвращение» (под редакцией С. Д. Бодрунова), приуроченное к 50-летию с момента выхода «Нового индустриального общества» [12].

О значимости вклада С. Д. Бодрунова в формирование теории также говорит ее название: новое индустриальное общество второго поколения. В то же время сама теория НИО.2 – это не прямое продолжение условного НИО.1 Гэлбрейта, а концепция с иным авторским подходом и предметом исследования.

После Второй мировой войны институциональные аспекты технологического развития получили достаточное исследовательское внимание. Вспомним концепцию стадий экономического роста У. Ростоу [27], в ней указано, что степень развитости экономики во многом определяет модели ее воспроизводства. Однако пик внимания к проблеме пришелся на новую волну развития институционализма, в которой центральное место заняли теоретики экономики знаний, постиндустриального общества, «третьей волны». Ее видные представители (П. Друкер [22], Э. Тоффлер [16], Д. Белл [2], М. Кастельс [18] и др.) описали ряд новых и важных для понимания функционирования новой экономики феноменов. Однако, обобщая выдвигаемые положения, они настаивают на отрыве экономики от своей индустриальной основы, что является весьма спорным.

С. Д. Бодрунов критикует подход «постиндустриалистов» за неоправданное преувеличение сферы услуг: в реальности значительная часть материального производства не исчезла, а была перенесена в страны экономического Юга (а в последнее время в развитых странах имеет место тенденция решоринга). Большая часть услуг предоставляется также в безгранично растущем финансовом секторе, который все больше отрывается от реального производства. За провозглашаемой экономикой инноваций, информационным обществом зачастую стоит занятость в профессиях низкой квалификации.

Добавим, что ранее не учитываемые в системе национальных счетов услуги, которые оказывались внутри фирмы (например, работа штатного охранника промышлен-

ного предприятия), стали все больше передаваться на аутсорсинг (предприятие заказывает те же услуги охраны у сторонней фирмы). Соответственно, они статистически стали отражаться в виде роста сферы услуг при фактическом сохранении их объема.

В целом, С. Д. Бодрунов подчеркивает, что «постиндустриалисты» были слишком ориентированы на количественные показатели. Качественные изменения оказались переоцененными, что привело к неоправданным выводам об утраченной первичности материального производства.

С. Д. Бодрунов использует положения данных институциональных направлений в качестве важных источников для описания экономической системы предыдущего этапа, но требующих значительной переработки при характеристике современной экономики: «Новое индустриальное общество и экономика XXI в. должны стать «отрицанием отрицания», диалектическим снятием и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гэлбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, рассмотренных Д. Беллом и К°. [3, с. 134]». Данное высказывание относится к экономической реальности. Однако можно добавить, что, как экономическая система настоящего и будущего наследует черты экономики прошлого, так и теория, описывающая НИО.2, значительным образом вбирает в себя положения предыдущих концепций.

Теории технико-экономического развития

После Второй мировой войны наукоемкие технологии начинают играть все большую роль в производстве. Назрела потребность в теоретическом осмыслении процессов технико-экономического развития.

Первые фундаментальные работы были написаны в более ранний период Й. Шумпетером [17]. Он описал источники циклического развития экономики: в связи с внедрением нового типа технологий формируются циклы различной продолжительности. Подрыв рыночного равновесия связывается с внедрением предпринимателями инноваций, Й. Шумпетер разделил их на 5 типов: изготовление нового продукта, использование нового способа производства, нового сырья, нахождение нового рынка сбыта, изменение хозяйственной формы субъекта производства. На начальном этапе использования инновации фирма становится монополистом на своем рынке, но по мере ее распространения внутри отрасли экономика приходит в состояние нового равновесия. Происходит «созидательное разрушение». Рассматривая основного субъекта данного процесса, предпринимателя-новатора, Й. Шумпетер обращается и к неэкономическим мотивам его деятельности – таким, как творческая самореализация.

Й. Шумпетер, безусловно, стал классиком своего направления. Последующие концепции во многом прямо или заочно отталкивались от его основных положений. В наибольшей степени, как представляется, была продолжена линия циклического развития экономики в связи с внедрением технологий нового типа.

Так, Г. Менш разработал теорию кластеров, исследующую скопление базовых технологических новшеств вместе с неравномерным внедрением улучшающих инноваций в качестве источника волновой экономической динамики [25]. Переходный период между доминированием технологий базового класса (определяющих базисные инновации) получил название технологического пата.

К. Перес в своей концепции технико-экономических парадигм продвинулась в вопросе периодизации и детализации стадий [14]. Новый класс технологий определяет не только характер процесса производства товаров, но и всю социально-институциональную структуру экономической системы соответствующего периода.

К теории технологических укладов, предложенной С. Ю. Глазьевым и Д. С. Львовым [10], С. Д. Бодрунов обращается наиболее часто. Это можно объяснить оптимальной степенью разделения стадий экономического развития (показываются основные качественные переходы), а также выделением ключевых технологий, определяющих локомотивы экономического развития и господствующий характер производственных отношений.

Если наступление ноономики находится еще вне обозримого будущего, то НИО.2 прямо связывается с господством технологий пятого и шестого укладов. Таким образом, теория С. Ю. Глазьева – Д. С. Львова позволяет хронологически определить становление нового качества экономики и раскрывает ее технологический базис.

Как отмечалось выше, провести четкую предметную границу между группой теорий, рассматривающих проблемы технико-экономического развития, и другими указанными направлениями зачастую непросто. Однако данные концепции прямо освещают отдельный вопрос влияния технологий на динамику и характер экономического развития. Тем самым их выделение в самостоятельный класс можно назвать правомерным, особенно в контексте изучения предпосылок становления другой теории, где технико-экономическое развитие также занимает центральное место.

Теория НИО.2 и ноономики в русле развития экономической теории: настоящее и будущее

Рассмотренные направления экономической науки не являются единственными, к наследию которых обращается С. Д. Бодрунов. Не остаются без внимания разработки неоклассической школы (к примеру, изучение проблемы формирования рыночного равновесия, барьеров входа в отрасль), неоинституциональной теории (исследование институтов как правил игры, оппортунистического поведения и т. д.). Преимущественно по отношению к России изучаются вопросы стимулирования национальной экономики путем кредитно-денежных, фискальных мер (в данном случае часто происходит обращение к положениям кейнсианской и посткейнсианской макроэкономики). Переосмысливаются взгляды С. Ю. Витте, на которого большое влияние оказала немецкая историческая школа. Подобный перечень можно продолжать (причем он будет включать не только сугубо экономические направления).

В целом, следует отметить авторскую приверженность плюралистическому подходу в теории. К сожалению, в современной экономической науке этого часто не хватает. Немало исследователей до последнего держатся за «любимую» теорию, неоправданно считая ее универсальной и способной рассмотреть все необходимые аспекты той или иной проблемы.

Тем не менее, при поддержке плюралистического подхода не стоит забывать, что отдельные направления экономического знания способны на определенных этапах более точно отвечать на вызовы практики. Следовательно, их разработки и методологический подход будут использоваться больше. В этой связи заметим, что концепция НИО.2 и ноономики находится в русле развития экономической теории, которая эволюционирует, реагируя на современные технико-экономические трансформации. Как отмечает С. Д. Бодрунов, в условиях «ускорения ускорения» технологического развития происходит непрерывный рост знаниеемкости производства и интенсивности внедрения инноваций. Наступающее новое индустриальное общество второго поколения заключает в себе революционизирующую роль шестого технологического уклада.

Роботизация, автоматизация производства, внедрение нанотехнологий и ряд других составляющих новой технологической волны ведут к трансформациям основных субъектов экономической деятельности и законов их функционирования. В частности, растет роль государства как регулировщика направлений развития экономики, сетевых отношений между экономическими агентами; происходят процессы дробления капитала, социализации собственности. Появляющиеся аддитивные (добавляющие) технологии в противовес экстрактивным (вычитающим) «означают значительный шаг вперед в развитии ресурсоэкономного и одновременно знаниеинтенсивного производства и в то же время создают возможности для более точного удовлетворения конкретных потребностей [7, с. 3]».

Уже сейчас существенную долю в общественном производстве занимает шеринговая экономика, развитие которой напрямую связано с новыми техническими возможностями передачи информации. При этом наблюдаются высокие темпы ее прироста, что ведет к новым отношениям собственности – к размыванию прав на нее. Как пишет С. Д. Бодрунов: «Размывание права собственности проявляется в развитии форм совместного владения и использования собственности, а также в разделении функций владения и пользования [6, с. 11]». Важно отметить, что шеринговая экономика заставляет переосмыслить ценности производства: стоит ли гнаться за ростом валовых показателей, если больше людей могут удовлетворить больше потребностей при тех же материальных затратах?

М. Чедрини и М. Фонтана отмечают, что в скором времени мейнстрим экономической науки, вероятно, расширится за счет включения институциональных направлений [19]. С этим можно согласиться, учитывая, что отмеченные новые экономические феномены потребуют большего исследовательского внимания со стороны именно институционализма (не только нео-, но и традиционного): на междисциплинарном уровне необходимо изучить новую роль различных институтов с динамикой их развития, внутрифирменных отношений, характер внешних эффектов и т. д.

Трансформация всей системы производства, новое качество экономических отношений повышают актуальность фундаментальных политэкономических исследований. Все большая знаниеемкость производства естественным образом приводит к росту практической значимости теорий технико-экономического развития. Таким образом, можно говорить не только об исторических предпосылках актуальности отдельной теории НИО.2, но и о растущей востребованности тех исследовательских направлений, на которые она опирается в наибольшей степени.

Заглядывая в будущее, трудно сомневаться в большем исследовательском внимании к «надэкономическим» проблемам общественного развития, таким, как новые цели развития общества, новые отношения между человеком и природой, новый тип культуры и др.

Развитие науки и техники может привести к новым моральным вызовам. К примеру, уже сейчас распространяются технологии нейромаркетинга, способные естественнонаучным путем уловить подлинные «эмоции и мотивации, которые, возможно, являются наиболее важной маркетинговой целью [21, p.141]». Встает вопрос, насколько допустимо залезать в голову, в подсознание человека ради производственных целей. Чем дальше будет развиваться технология, тем острее будет эта дилемма.

В целом, отнюдь не фантастическим выглядит сценарий размывания самого рынка, так как крупная планирующая система, в том числе государственная, сможет обрабатывать все больше данных для расчета оптимальных показателей производства [20, 28].

Более того, если представить, что технологическое развитие пойдет в сторону технологической сингулярности и произойдет «интеллектуальный взрыв»[3], то человечество вовсе потеряет контроль над собственной жизнью. Такой крайний сценарий в современном научном сообществе все же представляется очень маловероятным. Однако то, что технологии будут сильнее влиять на жизнь человека и подчинять ее себе, выглядит более реально. В этом случае встает вопрос о существовании экономики как таковой в привычном для нас виде.

Изложить суть будущих трансформаций, предугадать пути решения зреющих социальных проблем пытается автор теории ноономики. Поскольку почти всегда экономическая мысль откликалась на изменения реальности со значительным временным лагом, исследование, действующее «на опережение», представляется очень важным. Тем самым будет внесен вклад в предварительную подготовку общества для ответа на вызовы будущего.

Список литературы

1. *Амин*, *С.* Россия: долгий путь от капитализма к социализму / С. Амин. – СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. – 148 с.

2. *Белл*, *Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл; пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им.С. Ю. Витте, 2016. – 328 с.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2. – С. 6–17.

5. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

6. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика: онтологические тезисы / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4. – С. 6–18.

7. *Бодрунов*, *С. Д.* Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее / С. Д. Бодрунов // Управленец. – 2019. – Т. 10, № 5. – С. 2–8.

8. *Бодрунов*, *С. Д.* Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего / под ред. С. Д. Бодрунова, А. А. Пороховского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 416 с.

9. *Веблен*, *Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ.; вступит. ст. С. Т. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984.

10. *Глазьев*, *С. Ю.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793–804.

11. *Гэлбрейт*, *Дж. К.* Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.

12. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.

13. *Колганов*, *А. И.* Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 80–94.

[3] Термин «интеллектуальный взрыв» предложен И. Гудом [23]. Он означает гипотетическую ситуацию, когда искусственный интеллект сможет развивать себя самостоятельно и со временем превзойдет интеллект человечества.

14. *Перес*, *К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011.

15. *Толкачев*, *С. А*. Марксизм и учение об эквивалентном обмене в контексте современного мирового экономического кризиса / С. А. Толкачев, О. О. Комолов // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 2. – С. 23–36.

16. *Тоффлер*, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 781 с.

17. *Шумпетер*, *Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

18. *Castells*, *M.* (1996). The Rise of the Network Society. Malden-Oxford: Blackwell.

19. *Cedrini*, *M*. (2018). Just another Niche in the Wall? How Specialization is Changing the Face of Mainstream Economics / M. Cedrini, M. Fontana // Cambridge Journal of Economics. – V. 42, issue 2. – P. 427–451.

20. *Cockshott*, *W. P.* (1993). Towards a New Socialism / W. P. Cockshott, A. Cottrell. – Nottingham: Spokesman Books.

21. *Cosic*, *D.* (2016). Neuromarketing in Market Research. Interdisciplinary Description of Complexe – Vol. 14(2). – P. 139–147.

22. *Drucker*, *P.* (1993). Post-Capitalist Society. – N.Y. City: Harper Business.

23. *Good*, *I. J.* (1965). Speculations Concerning the First Ultraintelligent Machine. Advances in Computers. – Vol. 6. – P. 31–88.

24. *Hodgson*, *G. M*., *Screpanti*, *E.* (editors) (1991). Rethinking Economics: Markets, Technology and Economic Evolution / Edward Elgar: Aldersho. P. XI + 206.

25. *Mensch*, *G*. (1984). Theory of Innovation. Lexington books.

26. *Mokyr*, *J.* (1993). Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution. In J. Mokyr, ed. / The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. – Boulder: Westview.

27. *Rostow*, *W. W*. (1959). The Stages of Economic Growth / W. W. Rostow // The Economic History Review, New Series. – V. 12. – №. 1. – P. 1–16.

28. *Zuboff*, *S.* (2015). Big other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization / S. Zuboff // Journal of Information Technology, 30, 75–89.

G. A. Maslov. Origins of establishing NIS.2 and noonomy concepts in the economic theory. The article is devoted to the historical prerequisites for the S. D. Bodrunov's concept of NIS.2 and the noonomy formation. Firstly, techno-economic factors and, secondly, the previous development of economic theory are considered. Classical political economy, traditional institutionalism, and theories of technical and economic development are the main theoretical directions which have influenced the formation of this concept the most. The implementation of the new technological wave's elements into the production leads to a further increase in the relevance of the NIS.2 and noonomy theory.

Keywords: NIS.2, noonomy, knowledge-intensive production, classical political economy, traditional institutionalism, theories of techno-economic development, the sixth technological mode.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-152-162

М. Ю. Павлов[1]

НООНОМИКА, ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ИНДУСТРИЯ 4.0: ЧТО ОБЩЕГО И В ЧЕМ РАЗНИЦА?

Рассматриваются эволюция теории постиндустриальной экономики и переход к концепции «Индустрия 4.0», а затем – к концепции ноономики. Выделяются направления критики теорий постиндустриальной экономики: 1 – индустриальное производство по-прежнему занимает одно из самых значимых мест в экономике; 2 – не оправдал ожиданий прогресс технологий в последние 50…60 лет, организация деятельности человека осталась практически без изменений; 3 – противоречия сферы услуг; 4 – финансиализация в сфере услуг вызвала замедление развития реального сектора (ресурсы стали перетекать из реального в финансовый сектор); 5 – определяющее влияние в материальном производстве перешло от инженеров к маркетологам; 6 – шорт-термизм – ориентация на краткосрочные показатели, что несовместимо с развитием фундаментальной науки и технологий, требующих, как правило, длительных периодов разработки и внедрения. Произошло переосмысление масштаба перемен. Переосмысление периодизации истории (на основе постиндустриализма) послужило обоснованием недавно возникшей концепции «Индустрия 4.0». Российский учёный С. Д. Бодрунов предложил целостную концепцию ноономики, позволяющую ответить на критику постиндустриальных концепций и развивать их, преодолев проблемы и ограничения.

Ключевые слова: ноономика, постиндустриальная экономика, индустрия 4.0, четвертая индустриальная революция, посткапитализм.

УДК 330.342.24

Современные кризисы (экономический, экологический, кризис, вызванный пандемией) остро ставят вопрос о контурах будущего мира, о возможных векторах развития. Образ экономики будущего представлен в трёх направлениях, трёх школах экономической мысли: постиндустриальной экономике, индустрии 4.0 (четвёртой индустриальной революции), ноономике. Хронологически идея ноономики [44] возникла в более позднее время, учитывает достижения и возможные ошибки двух других школ.

Первой появилась постиндустриальная школа экономической мысли. Изначально не экономисты, а социологи зафиксировали перемены не только в структуре социума, но и в социально-экономическом устройстве наиболее развитых стран. Во второй половине 1950-х гг. в США отмечаются явления, которые на протяжении десятков лет так и не были до конца осмыслены, а главное – чётко систематизированы. Эти измене-

[1] *Михаил Юрьевич Павлов*, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, канд. экон. наук, e-mail: 1tm@mail.ru.

ния (рост сферы услуг, появление новых финансовых институтов – взаимных инвестиционных фондов и т. д., выход на первый план морального, а не физического устаревания предметов длительного пользования, разработка теоремы Модильяни – Миллера, сместившей фокус внимания владельцев корпораций с физического капитала, реальных, натуральных показателей на финансовые показатели и др.) привели к выводу о том, что основа основ – индустриальное производство – отходит на второй план, уступая место чему-то новому. С 1970-х гг. термин «постиндустриальный» с легкой руки социологов А. Турена [24] и Д. Белла [2, 27] на долгие десятилетия входит в научный оборот.

Многие учёные пытались определить характеристики нового качества экономики и социума, но единства позиций не было. Так возникли термины «супериндустриальное общество» и «общество третьей волны» (Э. Тоффлер) [62, 63], «общество услуг» (Ж. Фурастье) [9], «постиндустриальный капитализм» (Р. Хейлбронер) [11], «общество профессионалов» (Х. Перкин) [18], «эпоха интеллектуального капитала» (У. Хадсон) [10]. Были изобретены термины «общество постмодерна» (Ж. Бодрийяр, А. Этциони) [7] и даже «общество глобальной деревни» (М. Маклюэн) [16, 17], «постдефицитное общество» (М. Букчин) [3].

Среди этого разнообразия официальное признание применительно к экономике получили термины «новая экономика» (впервые официально прозвучавший в Докладе Президента США в 2001 г.) и «экономика, основанная на знаниях» (ОЭСР). Однако, хотя и можно говорить о количественном преобладании знаний, какое-либо новое качество на основе этого термина выделить весьма сложно, поскольку любая экономика, даже самая примитивная, присваивающая (собирательство), по определению основана на знаниях. Чтобы «собирать», надо ответить минимум на три вопроса: что, где и когда собирать, а если «что» или «кто» прячется, уклоняется или защищается от сбора, надо ещё и знать, с какой стороны и как правильно зайти. Не говоря уже об аграрной экономике, в которой для разведения растений или животных нередко требовалось знаний намного больше, чем нужно многим современным офисным работникам. Для экономики знаний, а позднее – экономики, основанной на знаниях, характеристикой качественного скачка – превращения знаний в высшую ценность – может служить книга Т. Сакайя «Знаниеценностная революция или история будущего» [20], при этом «знаниеценностность» – это буквальный перевод с японского языка понятия, подразумевающего одновременно и знание, и ценность.

Заметим, что значительная часть терминов носит негативный (отрицательный) характер, знаменуя частичное или полное отрицание предшествующего этапа (приставки «пост», «супер», характеристики «новая», «третья» и т. п.). Значительная часть позитивных терминов пришла из социологии, в лучшем случае находится на стыке с экономикой, а некоторые термины оказались не совсем удачными, например «постнефтяная экономика» (Р. Барнет) [1], поскольку значение нефти в экономике осталось на достаточно высоком уровне, чтобы сбросить ее со счетов.

Под влиянием бурного развития индустрии персональных компьютеров в начале 1980-х гг. и вообще информационно-коммуникационных технологий появились термины «информационное общество» (Й. Масуда) [15], «общество информатики и высоких технологий» (Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин) [56], «компьютерная эпоха» (Х. Шейкен) [22], «электронно-цифровое общество» (Д. Тапскотт) [61], «информационная экономика» (Дж. Стиглер) [23], «информациональное общество» и связанная с этим «экономика сетевых структур» (М. Кастельс) [53].

Развитие технологий и их определяющее влияние было выражено в терминах «технотронная эра» (З. Бжезинский) [4], «телематическое общество» (Д. Мартин) [14], «общество высоких технологий» (Т. Форестер) [8] и «шестой технологический уклад» (означающий прежде всего нано-, био-, когнитивные технологии).

Затем появился ряд новых терминов, гораздо менее чётко определённых – «караоке-капитализм» (К. Нордстремм и Й. Риддерстрале) [58], «общество мечты» (Р. Йенсен) [52], «бизнес в стиле фанк», «фрикономика». При этом прослеживается тенденция замены объективных показателей субъективными, связанными с восприятием человека: так, «экономика благосостояния» сменяется «экономикой счастья». Не в состоянии предложить реально работающие способы преобразования экономики в направлении прогресса для человека, теории стали всё дальше уходить от реальной действительности как в сторону размытого, неверифицируемого, так и в сторону субъективного, поведенческого – от глобального масштаба к микро- и даже наномасштабу (на уровне отдельного человека). Сравнительно недавно изобретённые термины, хотя и фиксировали позитивные характеристики, а не негативные («пост-» в значении «не»), в широкий научный оборот не вошли.

Отдельно отметим термин «викиномика» [60] как довольно удачную попытку органически соединить в одной концепции новое качество экономики с новыми технологиями.

Хотя своего рода «гонке» придумывания новых терминов для обозначения нового качества социально-экономического развития положила начало социология, экономический империализм, распространение экономических принципов на традиционно неэкономические сферы жизни со временем привело к определяющему влиянию экономики на формирование терминов.

Теории «информационной», «постиндустриальной» экономики и «экономики, основанной на знаниях» настолько прочно вошли в научный оборот в России, что получили официальное признание в паспорте специальности 08.00.01 – экономическая теория[2]. Безусловно, это заслуга многих ведущих российских учёных, среди которых выделим В. Л. Иноземцева, в 1990-х гг. собравшего огромную коллекцию научных источников (свыше 500) по постиндустриальному обществу и написавшего серию монографий [50 и многие другие], благодаря которым российская наука, откровенно бедствовавшая в этот период, получила доступ к новейшим иностранным научным наработкам, а также учебник [51].

Многие термины в своей основе опирались лишь на две периодизации истории: в основе одной лежала индустриальная революция, в основе другой – информационные революции (изобретение Гуттенбергом печатного станка, а также изобретение всемирной паутины Интернета – WWW).

По вопросу информационных революций в науке обычно царило полное согласие, разве что изобретение письменности можно было посчитать ещё одной информационной революцией. А вот по поводу индустрии существовали некоторые расхождения, в основном не принципиальные. Выделялись доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный этапы (Д. Белл) [27], Э. Тоффлер предложил три волны [25]. Он же причислил социалистические страны ко второй волне, поэтому, хотя и постиндустриальное общество пытались именовать «посткапиталистическим», данный термин

[2] https://teacode.com/online/vak/p08-00-01.html

использовался реже. Ведь эта попытка автоматически означала согласие с тем, что социалистический мир не являлся посткапиталистическим, а представлял собой лишь попытку уйти от капитализма, на самом же деле во многом действовал по его принципам (то, что эти принципы всё меньше работают и всё больше устаревают, наглядно показали А. В. Бузгалин и А. И. Колганов) [46]. У сторонников социализма этот вывод не пользовался популярностью. Хотя многие авторы достаточно оптимистично декларировали переход от капитализма, считая, что под влиянием изменений человечество получит «посткапиталистическое общество» (Р. Дарендорф) [5], «постбуржуазное общество» (Дж. Литгейм) [13], «пострыночную эру» (Дж. Рифкин) [19], «посттрадиционное общество» (С. Айзенштадт) [6], «постэкономическое общество» (Г. Кан) [12], «бесклассовое общество» (Б. Гейтс) [48, 49], пессимисты предупреждали о множестве сложностей и проблем, с которыми столкнется человечество.

Оставим в стороне откровенно эсхатологические пророчества (особенно популярные перед наступлением 2000 г. – конца второго тысячелетия и 2012 г. – конца календаря индейцев Майя), зачастую требующие вернуться в прошлое, отказавшись от существенной части достижений человечества (главным образом технических) и кардинально сократив производство и потребление, но отметим алармистские работы, особенно четко и системно представленные Римским клубом [54, 55]. Эти работы привели к значительным подвижкам, прежде всего по части экологизации и в гораздо меньшей степени – гуманизации экономики. Правда, экологизация и гуманизация достигались отчасти за счёт переноса вредных для человека и разрушающих окружающую среду производств из развитых стран в менее развитые, благодаря процессам глобализации. Выделим позицию Ж. Аттали, который в связи с глобализацией, сделавшей перемещение через государственные границы намного более простым и комфортным (как для людей – благодаря унификации, называемой критиками «катком глобализации», когда в разных странах можно найти одинаковые товары, выпускаемые под теми же брендами, одинаковые интерьеры, транспорт, жильё и т. п., так и для ресурсов, когда по сети можно передать огромные банки данных за считанные секунды, и капиталов, когда почти мгновенно можно переместить миллиарды долларов из страны в страну) назвал современность «новым номадом» [26], т. е. новым кочевничеством.

Практика экономического развития показала, что Д. Белл переоценивал саму основу своей теории – сферу услуг (концепция постиндустриального общества была построена на количественном изменении соотношения занятых в различных секторах экономики, зафиксированном ещё К. Кларком, и, по мнению Белла, означавшем новое качество экономики), поскольку квалификация занятых в сфере услуг под влиянием внедрения технических «ассистентов», многие из которых становятся всё более интеллектуальными, в отдельных областях существенно снизилась. Это противоречие очень хорошо раскрывают А. В. Бузгалин и А. И. Колганов [46. с. 66, 743].

К настоящему времени интерес к научным работам постиндустриального направления в значительной степени угас, поскольку их основополагающая мысль – «технологический оптимизм» – во многом не нашла реализации в практике социально-экономического развития.

Критика постиндустриальных теорий ведется по следующим направлениям:

1. Индустриальное производство по-прежнему занимает одно из самых значимых мест в экономике. Доля индустриального сектора достаточно высока и тренда на её устойчивое снижение не видно. Более того, индустриальный сектор растёт в абсолютном выражении [57] (рис. 1 и 2).

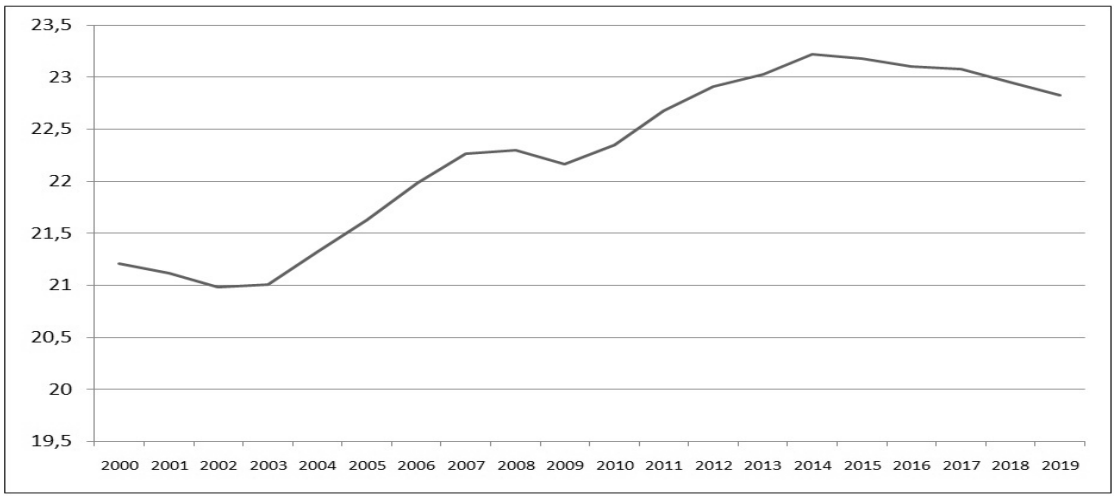


Рис. 1. Доля индустриальных работников в общей численности работников в мире, %

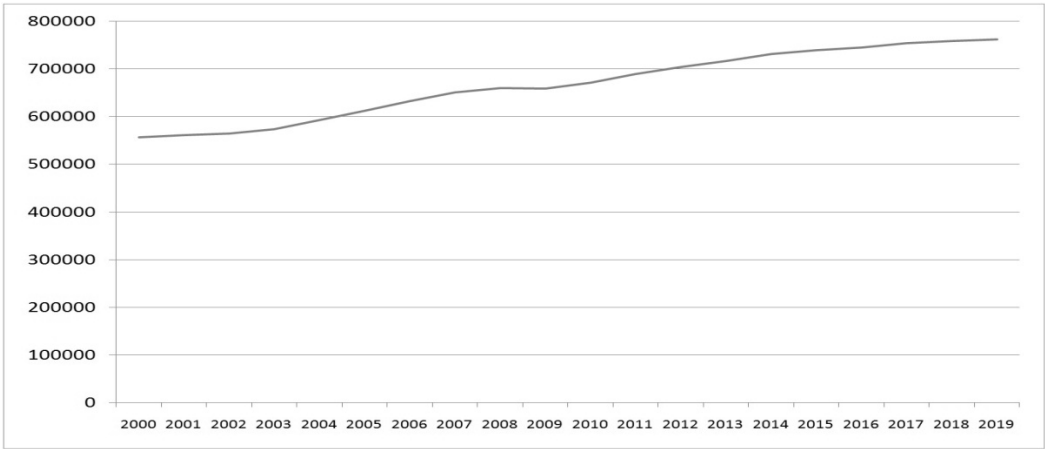


Рис. 2. Число индустриальных работников в мире, тыс. чел. (составлено автором на основе данных Всемирного банка и МОТ)

В натуральном выражении вклад индустриального сектора по-прежнему критически важен: несмотря на заявления о «дематериализации», нематериальная составляющая не может существовать без материальных носителей. Нематериальная составляющая выросла в стоимостном выражении, но в какой мере это определяется конкурентными отношениями, а в какой – монополизацией, осуществляемой путём защиты интеллектуальной собственности (патентов, брендов и др.), неравноценного обмена между странами?

2. Не оправдал ожиданий прогресс технологий в последние 50…60 лет. Несмотря на предвкушение кардинальных перемен в образе жизни подавляющего большинства людей, реальные изменения оказались намного скромнее: ни космических поселе-

ний, ни подводных городов, ни сверхскоростного транспорта, ни быстрого обучения людей путём прямой загрузки информации в мозг, ни управления воспоминаниями и сном, ни повседневно доступного большинству людей воздушного транспорта, ни даже термоядерных реакторов и др. А главное – организация деятельности человека осталась практически той же самой. Рабочий день остался длинным; свободного времени заметно больше не стало.

Почему наблюдается так мало качественных сдвигов? Этот вопрос ставят многие исследователи – от марксистов: «… качественные изменения технологий в основных сферах материального производства, скачки в развитии фундаментальной науки и образования, взлеты подлинной культуры – все это остается по преимуществу уделом первых двух третей прошлого века» [46, с. 214] до «либералов»: «Исследования показывают, что в Америке количество инноваций и степень удовлетворённости трудом снижались с конца 1960-х годов, а послевоенная Европа так и не смогла вернуться к былому динамизму» [65, с. 4]. Часто ставится вопрос: почему в последние 50 лет почти нет прогресса?

3. Наличие противоречий в сфере услуг. Например, труд кассира (сфера услуг) заметно упростился, поскольку штрих-код избавил от необходимости помнить цены на множество товаров, а касса сама суммирует покупки и вычисляет размер сдачи, в то время как труд работников индустриальной сферы с введением станков с ЧПУ стал заметно сложнее [46, с. 66, 743].

4. Финансовые услуги должны были способствовать развитию технологий (поскольку задача финансового сектора – обслуживать реальный сектор). Однако финансиализация [64] вызвала противоположные эффекты – замедление развития реального сектора, поскольку наиболее талантливые специалисты переходили из реального сектора в финансовый, который, концентрируя финансы и имея возможность перебрасывать колоссальные объемы средств практически моментально в наиболее прибыльные приложения, мог предложить работникам гораздо более высокие зарплаты, чем в реальном секторе.

В результате лучшие умы были вынуждены работать не на прогресс реальной экономики, а разрабатывать финансовые схемы, ничего не создающие, а лишь перераспределяющие средства. В качестве примера приведу историю одноклассника, получившего образование в области квантовой физики. Он начал карьеру на фирме своего научного руководителя, имел достаточно высокую зарплату – 1000 долларов США. И это на рубеже 1990-х – 2000-х гг.! Работа была интересная, он ездил в заграничные командировки, но когда женился, зарплаты оказалось недостаточно, и он перешел на таможню – в посреднический, не создающий сектор. На таможне у него что-то не сложилось, и он был вынужден перейти в небольшую пекарню, для которой стал разрабатывать финансовые модели. При этом зарплата у него выше, чем на высокотехнологичной фирме, где он начинал свою карьеру.

Можно привести в качестве примера сложнейшие продвинутые финансовые модели, непрозрачные настолько, что даже очень хорошо считающий человек пасует перед ними. Финансовые модели бывают такими запутанными, что обычному человеку очень сложно, к примеру, определить эффективную ставку процента по банковскому кредиту или сравнить тарифы мобильных операторов.

5. Определяющее влияние в материальном производстве перешло от инженеров к маркетологам. Переход происходил (под влиянием неолиберализма) в отраслях поразному, но во многих из них это состоялось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В начале

2000-х гг. с конвейеров стали сходить изделия, созданные под влиянием маркетологов – недолговечные, сложные в ремонте, а то и вовсе неремонтопригодные, сделанные из менее качественных материалов, требующие дорогого обслуживания. Инженеры делали вещи с расчётом на их эксплуатацию, чтобы вещь была удобной, не слишком затратной, имела хороший запас прочности, поскольку заранее не известно, в каких условиях она будет эксплуатироваться. У маркетологов приоритеты иные: главное – продать вещи, придать им выдающиеся стартовые характеристики (при их демонстрации и/или в начале службы). Для этого декларировались впечатляющие технические характеристики, особое внимание уделялось упаковке, броскости изделий, их позиционированию, показателям прибыльности, для увеличения которой всеми способами снижали себестоимость, нередко принося в жертву эксплуатационные качества.

6. Шорт-термизм – ориентация на краткосрочные показатели, что несовместимо с развитием фундаментальной науки и технологий, требующих масштабных и, как правило, длительных периодов разработки и внедрения.

Разочарование в технологическом развитии привело к переосмыслению масштаба наблюдаемых сегодня перемен. Переосмысление периодизации истории послужило обоснованием для недавно возникшего термина – индустрия 4.0, или четвертая индустриальная революция. Хотя сторонники марксистского подхода к периодизации истории скажут, что была всего одна индустриальная революция (и будут правы) – внедрение машин, а сейчас мы, в лучшем случае, наблюдаем вторую индустриальную революцию – автоматизацию и роботизацию, ведущую к всеобъемлющей замене человека машинами в материальном производстве. Однако стремление подняться над тремя этапами, «перещеголять» их, видимо, взяло верх, и появился красивый, хотя, по мнению многих исследователей, не совсем корректный термин – четвёртая индустриальная революция [21] или не столь красивый и глобальный, но более корректный (хотя и менее содержательный) – индустрия 4.0. Отметим, что индустрия 4.0 означает (среди других основополагающих моментов) развитие биотехнологий и искусственного интеллекта. А это тесно связано с идеей трансгуманизма, согласно которой человек – лишь промежуточное звено эволюции, со временем заменяемое и вытесняемое более совершенным искусственным интеллектом. Так, Ф. Фукуяма заявил о «постчеловеческом обществе» [66], рассматривая перспективы биотехнологической революции. К. Шваб, автор концепции ***четвёртой индустриальной революции*** [21], во многом сумел преодолеть кризис идей постиндустриальной экономики. Он не стал заходить чересчур глобально, а рассмотрел изменения лишь в одном секторе – индустриальном.

Дальнейшее переосмысление не только технологического развития, но и векторов снятия перечисленных противоречий представляют целостные концепции отечественного исследователя С. Д. Бодрунова – «Нового индустриального общества – 2» [28, 32, 33, 36, 38] и её дальнейшего развития – ноономики: «Под ноономикой … мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Иными словами, ноономика – хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений людей в процессе материального производства» [44, с. 171]. В концепции ноономики [29–31, 34, 35, 37–43, 45] приоритет материального производства позволяет снять противоречие между материальными и нематериальными составляющими современной экономики, а выход человека за пределы материального производства позволяет достичь ускоренного прогресса человеческих качеств, значительного высвобождения свободного времени, возвращения финансового сек-

тора «на место», т. е. из занятого преимущественно самим собой – в обслуживающего реальный сектор, возвращения фундаментальной науке и инженерным разработкам определяющей роли.

Список литературы

1. *Barnet*, *R.* The lean years: politics in the age of scarcity / R. Barnet. – NY: Simon and Schuster, 1980.

2. *Bell*, *D.* Post-industrial Society/ D. Bell. – 1973.

3. *Bookchin*, *M.* Post-Scarcity Anarchism / M. Bookchin. – 1971.

4. *Brzezinski*, *Z.* Between two ages; America's role in the technotronic era / Z. Brzezinski. – NY: Viking Press, 1970.

5. *Dahrendorf*, *R.* Recent changes in the class structure of European societies / R. Dahrendorf // Daedalus. – 1964. – Vol. 93, № 1, Winter, – P. 225–270.

6. *Eisenstadt*, *S. N.* Post-Traditional Societies and the Continuity and Reconstruction of Tradition / S. N. Eisenstadt // Daedalus. –1973. – Vol. 102, № 1.

7. *Etzioni*, *A.* The Active society: A theory of societal and political processes / A. Etzioni. – NY: Free Press, 1968.

8. *Forester*, *T.* High-Tech society / T. Forester. – Oxford: Basil Blackwell, 1987.

9. *Fourastie*, *J.* Le Grand Espoir du XXe siecle. Progres technique, progres economique, progres social / J. Fourastie. – Paris: Presses Universitaires de France, 1949.

10. *Hadson*, *W.* Intellectual Capital. How to Build It, Enhance It, Use It / W. Hadson. – N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1993.

11. *Heilbroner*, *R.* Economic Problems of a Post-Industrial Society / R. Heilbroner. – Dissent, Spring, 1973.

12. *Kahn*, *H.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years / H. Kahn, A. Wiener. – L., 1967.

13. *Lichtheim*, *G.* The new Europe: Today and tomorrow / G. Lichtheim. – NY: Praeger, 1963.

14. *Martin*, *J.* Telematic society: A challenge for tomorrow / J. Martin. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1981.

15. *Masuda*, *Y.* The information society as postindustrial society / Y. Masuda. – NY: Unipab. Future Society, 1980.

16. *McLuhan*, *M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man / M. McLuhan. – University of Toronto Press, 1962.

17. *McLuhan*, *M.* Understanding Media: The Extensions of Man; 1st Ed. McGraw Hill, NY, 1964.

18. *Perkin*, *H.* Third Revolution: Professional Elites in the Modern World / H. Perkin. – L.A., N.Y.: Routledge, 1996.

19. *Rifkin*, *J.* The end of work: The decline of the global labor force and the dawn of the post-market era / J. Rifkin. – NY: G. P. Putnam's Sons, 1995.

20. *Sakaya*, *T.* The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future / T. Sakaya. – NY, Tokyo, London: Kodansha International, 1991.

21. *Schwab*, *K.* The Fourth Industrial revolution / K. Schwab. – L.: Penguin, 2017.

22. *Shaiken*, *H.* Work Transformed. Automation and Labour in the Computer Age / H. Shaiken. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston.

23. *Stigler*, *G.* The Economics of Information / G. Stigler // Journal of Political Economy. – June, 1961. – V. 69. – P. 213.

24. *Touraine*, *A.* La societe post-industrielle / A. Touraine. – P., 1969.

25. *Toffler*, *A.* The Third Wave / A. Toffler. – NY: Morrow, 1980.

26. *Аттали*, *Ж.* На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. – М.: Международные отношения, 1993.

27. *Белл*, *Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл . – М: Академия, 1999.

28. *Бодрунов*, *С. Д.* Новое индустриальное общество (НИО.2). Расшифровка смыслов / С. Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее: сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2017. – С. 511–548.

29. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №2 (56). – С. 5–13.

30. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооразвитие, а не бездумный рост / С. Д. Бодрунов // Вольная экономика. – № 06 (апрель–июнь). – М., 2018. – С. 13.

31. *Бодрунов*, *С. Д.* К вопросу о ноономике / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №1 (59).– С. 4–8.

32. *Бодрунов*, *С. Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С. Д. Бодрунов // Общество и экономика. – 2016. – № 9. – С. 5–21.

33. *Бодрунов*, *С. Д.* Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2 (48). – С. 5–15.

34. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика и Маркс / С. Д. Бодрунов // Вольная экономика. – №6 (апрель – июнь). – М., 2018. – С. 4–5 .

35. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития / С. Д. Бодрунов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 5–12.

36. *Бодрунов*, *С. Д.* Четвертая индустриальная революция – пролог нового индустриального общества второй генерации / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 205 (№ 3/2017). – М.: ВЭО России, 2017. – С. 262–284.

37. *Бодрунов*, *С. Д.* Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – №2 (52). – С. 17–21.

38. *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.

39. *Бодрунов*, *С. Д.* К. Маркс. Четвертая технологическая революция. Ноономика / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 211 (№3/2018). – М.: ВЭО России, 2018. – С. 367–389.

40. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика как новая парадигма сбалансированного-эколого-экономико-социотехнологического развития / С. Д. Бодрунов // Энергия: экономика, техника, экология. – № 9. – М., 2018.– С. 32–36.

41. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика: онтологические тезисы / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №4 (62). – С. 6–18.

42. *Бодрунов*, *С. Д.* Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №3 (57). – С. 5–12.

43. *Бодрунов*, *С. Д.* Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее / С. Д. Бодрунов // Управленец. – Т. 10, № 5. Екатеринбург, 2019. – С. 2–8.

44. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов . – М.: Культурная революция, 2018.

45. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика и Маркс / С. Д. Бодрунов // Вольная экономика. – № 6 (апрель – июнь). – М., 2018. – С. 4–5.

46. *Бузгалин*, *А. В.* Глобальный капитал: в 2-т. – Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2015.

47. *Бузгалин*, *А.* «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2004. – № 3. – С. 36–49.

48. *Гейтс*, *Б.* Бизнес со скоростью мысли / Б. Гейтс. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

49. *Гейтс*, *Б.* Дорога в будущее / Б. Гейтс. – М.: Издат. отд. «Русская редакция», 1996.

50. *Иноземцев*, *В.Л.* За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. – М.: «Academia» – «Наука», 1998.

51. *Иноземцев*, *В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студ. вузов / В. Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000.

52. *Йенсен*, *Р.* Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит ваш бизнес / Р. Йенсен. – СПб., 2002.

53. *Кастельс*, *М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

54. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз [и др.]. – М.: Академкнига, 2007.

55. Пределы роста / Д. Медоуз [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

56. *Нэсбитт*, *Дж.* Что нас ждёт в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000 / Дж. Нэсбитт, П. Эбурдин. – М.: Республика, 1992.

57. *Павлов*, *М. Ю.* Трансформация характера взаимодействия между трудом и капиталом в условиях четвертой индустриальной революции / М. Ю. Павлов // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – № 2. – С. 71–82.

58. *Риддерстрале*, *Й.* Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества / Й. Риддерстрале, К. Нордстрем. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004.

59. Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе. – М.: ТЕИС, 1998.

60. *Тапскотт*, *Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все / Д. Тапскотт, Э. Уильямс. – М.: BestBusinessBooks, 2009.

61. *Тапскотт*, *Д.* Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Д. Тапскотт. – Киев: INT Пресс; М.: Релф бук., 1999.

62. *Тоффлер*, *Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

63. *Тоффлер*, *Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008.

64. *Файн*, *Б.* Финансиализация: марксистский взгляд / Б. Файн // Вопросы политической экономии. – 2019. – №1. – С. 34–49.

65. *Фелпс*, *Э.* Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений / Э. Фелпс. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2015.

66. *Фукуяма*, *Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ; Люкс, 2004.

M. Y. Pavlov. Noonomy, postindustrial economy and Industry 4.0: comparison and contrast. The paper examines of evolution post-industrial economy theory and transition to f «Industry 4.0» concept («Fourth Industrial Revolution») and following Noonomics concept. The following areas of criticism towards post-industrial economy theories could be distinguished: 1 – industrial production continues to take one of the most important places in economies; 2 – technology progress is not meeting expectations in the last 50-60 years. And the main principle - human activity organization - remained almost the same; 3 – contradictions in services sector. Provision of service sector with auxiliary equipment in many ways simplified, moreover – made labor in service sector primitive, so that it began to lag behind in content and qualification requirements to labor in industrial sector;

4 – in services, financialization caused opposite effects – slowdown in real sector, as resources flowed from real to financial sector; 5 – power in material production sphere shifted from engineers to marketers. Engineers did things mainly for their exploitation, and marketers priority was different: to sell the thing; 6 – short-termism, i.e. orientation towards short-term indicators. This is incompatible with fundamental science and technology development, which requires large-scale and therefore usually long periods for development and implementation. So there has been a rethinking of scale of the changes observed nowadays. Rethinking the periodization of history (based on postindustrialism) served as a basis for the newly emerged concept – Industry 4.0 or the Fourth Industrial Revolution. Russian scientist S. D. Bodrunov proposed a holistic concept - Noonomics, which allows to respond to post-industrial concepts criticism and critically develop them, overcoming their problems and limitations.

Keywords: noonomics, post-industrial economy, industry 4.0, fourth industrial revolution, post-capitalism.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-163-170

О. Б. Лемешонок[1]

ПО ТУ СТОРОНУ КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ «ВЛАСТЬ – СОБСТВЕННОСТЬ» В НООНОМИКЕ

Раскрывается специфика коррупционных отношений в новом индустриальном обществе второго поколения (НИО.2) и ноономике С. Д. Бодрунова, в которых развитие технологий и социально-экономических отношений создает предпосылки для «отмирания» коррупции. Развитие ноономики и НИО.2 предполагает, что стимулы и взаимодействие субъектов будут основываться на знаниеемких технологиях. Это затрагивает не только производство благ, но и сферы науки, образования, культуры, так как все они влияют на формирование «ноономического» индивида. Коррупция понимается как специфическая форма безвозмездного присвоения, основанная на гибридных формах власти и зависимости и представленная общественными отношениями, характеризующимися неравноценными взаимодействиями по поводу производства и присвоения благ. Поведение «ноономического» индивида предполагает изменение структуры потребностей и возрастание доверия, что приводит к сокращению потребности в ресурсах и, соответственно, стимулов к их нелегальному получению. Как следствие изменяются отношения власти и зависимость между собственниками и пользователями ресурсов. Изменение технологий и скорости коммуникаций в ноономике расширяет возможности контроля внепроизводственных отношений и создает неблагоприятную для развития коррупции среду. Складывающаяся в НИО.2 институциональная среда вместе с соответствующими механизмами государственного контроля приводит к повышению прозрачности взаимодействий и отказу от коррупционных отношений. Перечисленные аспекты новой экономики и общества способствуют объективному сокращению коррупционных взаимодействий и замещению их доверительными отношениями, а в дальнейшем должны привести к расширению юридических возможностей контроля за деятельностью отдельных индивидов.

Ключевые слова: коррупция, ноономика, реиндустриализация, НИО.2, технологический уклад, власть, собственность, доверие, интеграция ПНО.

УДК 330.11

Концепция построения и развития ноономики и НИО.2, разрабатываемая профессором С. Д. Бодруновым [1–3 и др.], предполагает, что изменения в технологиях, начиная с производства и производственных коммуникаций, распространяются на общество, социально-экономические отношения, государственное регулирование экономики и политические взаимодействия на межгосударственном уровне. Объективные процессы, связанные с развитием технологий, производственной сферы, а также с че-

[1] *Ольга Борисовна Лемешонок*, старший научный сотрудник ИНИР им. С. Ю. Витте, старший преподаватель РАНХиГС при Президенте РФ, e-mail: o.lemeshonok@bk.ru.

ловеческим потенциалом, укрепляют взаимосвязь между производством и непроизводственными сферами общественной жизни (наукой, образованием, культурой, здравоохранением, политическим процессом и т. д.). Все это воплощается в облике нового человека – в его образе жизни, потребностях и способах их удовлетворения, т. е. сфера распределения и потребления развивается одновременно с прогрессом технологий.

Взаимодействие технологической, общественной и культурной сфер характеризуется все более широким распространением ноопроизводства, интегрирующего человеческий и финансовый капитал, и связанным с ним (и основанным на нем) развитием этих сфер. Это выражается в том числе в процессах интеграции производства, науки и образования (см. [4, 5]), когда во главу угла ставится знание как источник и главный ресурс развития ноопроизводства. А значит, для получения и расширения знаний необходимо создать образовательную и научную среду, в которой формируются соответствующие навыки, компетенции, опыт и поведение человека. Но поскольку образование и наука вписаны в социальную и культурную сферы общества, являются неотъемлемой частью общественной жизни, развитие образования и науки тесно связано с развитием культуры в целом и поведением отдельного человека.

Причем в отношении экономического индивида мы можем говорить не только о потребностях самих по себе, но также о процессе их удовлетворения, т. е. о поведении, направленном на получение ресурсов для приобретения соответствующих благ. При этом, чем больше потребностей и чем сильнее общество ориентировано на их удовлетворение, тем активнее будет поиск возможностей и ресурсов для процесса потребления. И наоборот, сокращение потребностей, уменьшение в структуре потребления доли «симулятивных благ», по выражению С. Д. Бодрунова, ослабевание идей общества потребления уменьшает стимулы индивидов к сверхпотреблению и поиску ресурсов. Технологии создают объективные основания для снижения потребностей, а значит, и непроизводственных взаимодействий между субъектами по поводу получения большего количества ресурсов.

В результате этих сдвигов меняются стимулы поведения и способы координации, отпадает необходимость в крупных накоплениях, изменяются отношения собственности, а вместе с ними – отношения власти и зависимости одних субъектов от других. В рыночной экономике именно эти отношения характеризуют хозяйственные взаимодействия вообще, в том числе и по поводу коррупции. В рамках политэкономического анализа отношения коррупции рассматриваются как взаимодействия между собственниками благ и обладателями власти по форме (правовое закрепление) и содержанию (присвоение-отчуждение). Собственность на определенные ресурсы и блага, взаимодействия индивидов, складывающиеся из-за распределения прав собственности, приводят к формированию и удержанию власти, что характеризуется обособлением отношений власть – собственность. Первичные причины зависимости могут быть не только правовыми (заключение договоров и спецификация таким способом прав собственности) и политическими (следование предписанному курсу внешней и/или внутренней политики), но и, например, экономическими (имеющийся дефицитный ресурс и плата за него).

При таком подходе в область рассмотрения попадают не только явления, напрямую связанные с экономическими действиями, но также явления и отношения, функционирование которых не обусловлено экономической необходимостью, но тем не менее влияет на экономические процессы. В качестве примера назовем внешнюю и внутреннюю политику государства, которые воздействуют на геополитическую ситуацию,

на внешне- и внутриэкономические связи, на макро- и микроуровни хозяйственных взаимодействий.

Причины этого явления, как и результаты, содержатся в источниках власти одних субъектах и зависимости от них других субъектов. Владение ресурсами, собственность на них, с одной стороны, и необходимость их использования в хозяйственной деятельности – с другой, требуют взаимодействия субъектов, владеющих ресурсами, и тех, кто использует их в экономической деятельности. Источниками власти могут являться: во-первых, сами ограниченные ресурсы, например, доступ к определенным благам, инсайдерская информация, приобретенные опытом уникальные знания, служебное положение, связи и т. д. – все, что необходимо для принятия решения; во-вторых, юридически оформленные правила игры, нормы законодательства, а также неформальные условности (распределение ролей между субъектами); в-третьих, внешняя и внутренняя политика государства, которая дает власть и определяет функции субъектов.

Реализация возможностей, которые предоставляют индивиду власть и собственность на ресурсы, отвечает объективному стремлению удовлетворить потребности. С точки зрения экономической теории власть ради власти тоже можно считать потребностью, находящейся на высокой ступени пирамиды Маслоу. Таким образом, мотивы получения, реализации собственности и укрепления власти так или иначе сводятся к удовлетворению различных потребностей. В свою очередь, на количество и качество последних сильно влияет уровень развития общественного производства. Наши потребности имеют свойство безгранично возрастать и постоянно опережают экономические возможности общества. Проблема диспропорций между возрастающими потребностями и неспособностью экономической системы полностью их удовлетворить в обществах с различной формой правления решается по-разному. В рыночной экономике с ее принципом невидимой руки А. Смита не существует ограничений для роста потребностей. Более того, рынком всячески поощряются [6] увеличение потребностей, изменение их структуры (с преобладанием не присущих изначально человеку) и распространение симулякров, поскольку такая экономика не может развиваться без непрерывного оборота денег, покупки и потребления вновь произведенных товаров ... Как отмечают экономисты: «… вместо «рынка покупателя/потребителя» (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет «рынок продавца», которому требуются новые источники прибыли, и он начинает активно влиять на предпочтения потребителя, в том числе стимулируя формирование и расширение симулятивных потребностей» [7, с. 12].

Стремление общества удовлетворить искусственно навязанные и сформированные потребности постепенно приводит к трансформации функций экономики и значительным диспропорциям в экономической системе. Результатом таких несоответствий становится увеличение негативных экономических процессов и явлений. С микроэкономической точки зрения, чем больше индивид ориентирован на поиск новых и развитие имеющихся потребностей, тем старательнее он будет искать источники власти и укреплять ее, объективно формируя в своем поведении новые возможности для коррупционных взаимодействий. Поэтому одним из стимулов усиления коррупционных отношений следует рассматривать безгранично возрастающие потребности человека и общества.

От уровня развития производительных сил зависят, во-первых, сложность и дифференцированность потребностей человека и общества; во-вторых, технические возможности удовлетворить эти потребности быстро и справедливо (с точки зрения объек-

тивной необходимости и принципов распределения благ). Автор концепции ноономики и НИО.2 С. Д. Бодрунов считает: чем более развито общество, тем более дифференцированы и реалистичны потребности. Это достигается прежде всего за счет формирования и развития новой технологической базы производства, которая позволяет более эффективно удовлетворять основные материальные потребности, представляя естественный ограничитель и критерии разумности потребления и смещая акцент на духовные потребности. С изменением структуры потребностей изменится и отношение к процессу их удовлетворения, а значит, отпадет необходимость расширения властных отношений между индивидами.

В процессе технологической революции новому знаниеинтенсивному производству требуются более мощные и сложные технологии, контролируемые человеческим разумом. Для таких задач необходимы творческие и ответственные работники, эти качества можно сформировать и развить в рамках соответствующей культурной среды. Культура в данном случае понимается как «естественно-исторический (и всё возвышающийся – вслед за познанием человеком всё большего пространства своего существования, «возвышением»/ростом потребностей человека) ограничитель неоптимальности действий, девиантности человека в процессе удовлетворения своих потребностей» [3, с. 105–108].

Уже сейчас движение к постиндустриальной экономике и новому технологическому укладу характеризуется расширением возможностей экономического развития и использованием новых, созданных человеком ресурсов, повышением экономической эффективности, а также закладывает базис для дальнейших фундаментальных изменений. Так, широко представленные сегодня технологии (3D-принтеры, компьютеризация, интернет вещей, шеринговая экономика, аддитивное производство [8, с. 9] и др.) быстро обеспечивают необходимыми благами и удовлетворяют соответствующие потребности. Все это снижает «спрос» на власть ради получения дополнительных благ и на власть ради власти, а значит, приводит к урегулированию проблемы отношений «власть – собственность» в экономике. То есть в противовес развитию общества потребления в индустриальной капиталистической экономике ограничительный принцип в ноономике предполагает сокращение раздутых потребностей до объективно необходимых. При этом подчеркивается, что каждый индивид формирует такие потребности в силу своего осознанного выбора. Можно предположить, что не все потребители и не всегда смогут сократить и реструктурировать потребление, поскольку это связано с уровнем личной культуры индивида и его включенностью в новые технологические процессы изменения экономики и общества.

Последнее является важным нюансом в анализе властных отношений, а следовательно, коррупционных взаимодействий. С одной стороны, снимается проблема бесконечно возрастающих человеческих потребностей. С другой стороны, неоднородность восприятия полезности от удовлетворения потребностей может выявить значительные отличия в привычках и принципах потребления индивидов, дифференцировать их на этапе выбора соответствующих благ. Это может, наоборот, обострить различия между разными типами потребительского поведения и соответственно проблему отношений «власть – собственность».

Отметим обратную сторону технологического развития, связанную с бюрократией и указанную Дж. К. Гэлбрейтом в его концепции нового индустриального общества. Он связывал проблему бюрократии с распространением корпораций и их усиливающимся влиянием на социально-экономическую, культурную и политическую сфе-

ры общественного развития [9]. При переходе к постиндустриальному обществу функции управления отделяются от функций владения, образуя обособленные группы с собственными интересами, которые чаще всего прямо противоположны. Гэлбрейт рассматривает экономические отношения между этими группами в рамках понятия техноструктуры, объединения высших должностных лиц, которые занимаются принятием управленческих решений. Контролируя высшие посты в администрации, они постепенно превращаются в правящий класс, т. е. становятся новой управленческой элитой, монопольно обладающей знаниями, которые недоступны другим социальным группам.

Такие элиты, являющиеся обособленными группами человеческих индивидов с определенными потребностями и почти всегда корыстными экономическими интересами, действуют ради индивидуальных интересов в ущерб национальным. Причем за счет синергетического эффекта влияние этих групп гораздо мощнее влияния отдельно взятых индивидов. В истории и современном мире много примеров, когда интересы управленческих элит (вместе с интересами финансовой олигархии) вступают в конфликт с интересами долгосрочного развития сообществ, которыми они призваны управлять; порождают крупную коррупцию и негативные последствия для развития отдельных компаний и экономики [10].

Согласно С. Д. Бодрунову, НИО.2, сформированное после НИО Дж. К. Гэлбрейта, «по спирали “отрицания отрицания” (“новое индустриальное общество” Дж. К. Гэлбрейта – миражи постиндустриализма – НИО.2) воспроизводит в новом качестве доминирование индустрии в экономике» [11, с. 7]. В работах по НИО.2 показаны значительные изменения в технологиях за последние десятилетия и их влияние на условия формирования внутрикорпоративных неформальных отношений: более глубокая технологизация производственных и социально-экономических отношений, информатизация, расширяющееся внедрение технологий в повседневные коммуникации, интеграция со сферами образования, науки, культуры и др.

Непосредственно на коррупционные взаимодействия эти процессы не влияют, однако создают крайне неблагоприятные для них условия, и это связано не только с возрастанием знаниевой части в произведенной продукции и необходимых для знаниеемкого производства образованных и культурных сотрудников. Развитие технологий предполагает объективный процесс дальнейшего роста НТП, а значит – множественные открытия и изобретения во всех сферах и для всех нужд, т. е. получаются своего рода положительные экстерналии.

Так, с распространением технических способов обработки и хранения информации любое взаимодействие между субъектами хозяйственной деятельности (общение, переговоры, сделки по передаче ресурсов и благ и др.) можно зафиксировать, проанализировать и распространить. Это переводит процессы коммуникации на новую технологическую базу, повышает их прозрачность и существенно ограничивает возможности нелегальных способов передачи ресурсов и благ и использования общественно-властной функции. Повышение открытости и защищенности экономической деятельности сдерживает коррупционные взаимодействия и становится основой для новых, легальных форм отношений между собственниками ресурсов (в том числе и власти как ресурса) и их пользователями. Это особенно заметно в высокоразвитых странах. Россия тоже переходит на новую технологическую основу, о чем говорят реализуемая концепция электронного правительства [12], электронный документооборот, растущая доступность госуслуг, прозрачность работы государственных и муниципальных учреждений, информирование населения и бизнеса по электронным ресурсам и пр.

Развитие технологий ведет не только к позитивным изменениям в социально-экономической, общественной и культурной сферах, но и к возрастанию доверия между субъектами хозяйственных связей, к формированию между индивидами в процессе хозяйственной деятельности отношений на основе «технологий доверия»[2]. Само по себе доверие может иметь двоякое значение для коррупционных взаимодействий: с одной стороны, субъекты таких отношений должны испытывать взаимное доверие, поскольку потенциальные издержки неисполнения обязательств и неоказания услуг намного превышают возможную выгоду. С другой стороны, в рамках концепции социального капитала доверительные отношения предполагают рост количества социальных контактов и успешного сотрудничества, когда каждый субъект заинтересован в успешных результатах и ожидает того же от другого.

Это позитивно влияет на культурную и социальную сферы, позволяет внедрять новые формы управления и способы развития организаций. Кроме того, сотрудничество и обмен информацией способствуют распространению технологий и новых способов коммуникации – появляются новые знания, возрастает скорость их распространения, повышается инновационная активность, что положительно влияет на сектор инноваций и экономический рост [14, 17].

Возникает своего рода спиральный эффект, когда новое производство и строящиеся на нем сферы общественной жизни являются также катализатором его развития: чем богаче человеческий потенциал, тем больше возможностей для развития технологий (в виде особых знаний, навыков, компетенций и опыта у работников) он может предоставить. И наоборот, развитие культуры и быта, их интеграция в технологии (культура потребления, ограничение и отбор потребностей, принцип «образование через всю жизнь» [15]) приводят к формированию нового качества человека («ноономического» индивида). Эти процессы взаимно усиливают друг друга, двигаясь по спирали и с каждым новым витком усиливая среду взаимодействия, которая сокращает пространство для коррупционных отношений с точки зрения как внутренних причин (мотивов) самих коррупционеров, так и внешнего контроля их действий.

В перспективе отсутствие акселерации симулятивных потребностей вместе с изменением привычной пирамиды потребностей исключит проявление отрицательных свойств капитала и станет предпосылкой неэкономического способа организации производства. Отношения отчуждения и присвоения не исчезнут, но претерпят значительные изменения, и для их закрепления потребуются новые общественные институты, которые повлияют на права собственности и связанные с ними властные отношения, являющиеся основой отношений отчуждения-присвоения в рамках коррупционных взаимодействий.

Мир активно движется к НИО.2, хотя остается еще много стран с пессимистичными трендами социально-экономического развития (снижение темпов роста одновременно с нарастанием глобальных проблем, отсутствие базиса для внедрения новых технологий, неразвитость институциональной среды и т. д.), что обусловлено их положением (ядра или периферии) в категориях мир-системного анализа [16].

Несмотря на сырьевую ориентацию экономики, бюрократизацию, продолжающиеся процессы трансформации, у России с учетом накопленных мировых знаний

[2] Один из примеров, который описывается в рамках изменения способов коммуникации, связан с технологией блокчейна: [13, с. 47, 48].

и потенциала социокультурного исторического развития есть шанс выстроить новый технологический базис и выйти за пределы материального производства [18]. С инновационным, постиндустриальным и социально-экономическим развитием объективно изменятся правила игры – они будут соответствовать актуальным потребностям общества в регулировании и стимулировании производственных процессов и потребления. Для продолжения и углубления перечисленных изменений необходимы формирование и развитие соответствующих общественных институтов и возвращение к стратегическому планированию, что возможно посредством перехода на новую технологическую основу.

Таким образом, в условиях развития ноономики и формирования НИО.2 взаимодействия между субъектами хозяйственной деятельности кардинально изменяются:

1 – меняется природа человека как индивида и, соответственно, потребительское поведение, сами потребности и способы их удовлетворения;

2 – совершенствуются производственные возможности создания благ, а вместе с этим и технологические возможности, способы производства, что двигает вперед НТП и предоставляет широкие возможности для контроля всех социально-экономических процессов;

3 – качественно развивается институциональная среда, в которой реализуются произведенные блага, удовлетворяются потребности и, самое главное, обеспечивается правовое поле для активного контроля за деятельностью индивидов и реализации мер по пресечению определенных действий. С учетом понимания коррупции как особой формы присвоения, основанной на отношениях власти и зависимости, все три процесса, свойственные ноономике и НИО.2, будут создавать социально-экономическую, институциональную и культурную среду, в которой отношения коррупции постепенно исчерпают себя, уступив место отношениям доверия и сотрудничества.

Список литературы

1. *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016.

2. *Бодрунов*, *С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2013.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

4. Производство, наука и образование России: технологические революции и социально-экономические трансформации: сб. материалов V Международного конгресса (ПНО-V) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019.

5. *Золотарев*, *А. А*. Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию / А. А. Золотарев, Н. Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4.

6. *Бузгалин*, *А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2.

7. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4.

8. *Бодрунов*, *С. Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С. Д. Бодрунов // Общество и экономика. – 2016. – № 9.

9. *Гэлбрейт*, *Дж. К.* Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М., 2004.

10. *Кузовков*, *Ю. В.* Мировая история коррупции / Ю. В. Кузовков. – М.: Анима-Пресс. 2010.

11. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2.

12. Распоряжение Правительства РФ «О концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» от 6 мая 2008 г. № 632-р.

13. *Бодрунов*, *С. Д.* Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития / С. Д. Бодрунов, Д. С. Демиденко, В. А. Плотников // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2.

14. *Фукуяма*, *Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: ООО «Изда-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

15. *Смолин*, *О. Н.* Образование в течение всей жизни: законодательство и проблемы / О. Н. Смолин // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 1.

16. *Amin*, *S.* The Law of Worldwide Value / S. Amin. – N.Y.: Monthly Review Press, 2010.

17. *Thompson*, *M*. Social capital, innovation and economic growth / M. Thompson // Journal of Behavioral and Experimental Economics. – 2018. – Vol. 73.

18. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития / С. Д. Бодрунов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20, №1.

O. B. Lemeshonok. Beyond corruption: issues with “authorities – ownership” relations under the noonomy. The article reveals the specifics of corruption relations in S. D. Bodrunov’s New industrial society of the second generation (NIS.2) and noonomy, in which the process of technologies and socio and economic relations development creates an objective basis for the elimination of corruption opportunities. The noonomy and NIS.2 development implies such changes in subjects’ incentives and interaction which will be based on knowledge-intensive technologies which, in turn, affects not only the goods production, but also the science, education, culture spheres, because all of them influence the formation of workers and consumers, a «noonomical» individual, who are necessary for new production. The author proceeds from a dialectical understanding of corruption as a specific form of the appropriation based on hybrid forms of power and dependency and represented by relations characterized by unequal interactions over the production and the appropriation. The behaviour of a «noonomical» individual implies a change in the structure of needs and an increase in confidence which reduces the need to use large resources and, consequently, the incentive to obtain them illegally and, therefore, changes the relationship of power and dependence between owners and users. Changes in technology and communication speed in noonomy expand the possibilities of controlling non-production relations between actors which also creates an environment that is unfavourable for corruption. The institutional environment in NIS.2 together with the relevant mechanisms of the government control, leads to more effective transparent interactions and objective reasons for renouncing corrupt relations. These three aspects of the new economy and society already lead to objectively reducing corrupt interactions and replacing them with more transparent and trusting relationships and in the future, it is expected that they will lead to increased legal capacity to control the activities of individuals.

Keywords: corruption, noonomy, reindustrialization, NIS.2, techno-economic paradigm, power, property, confidence, PSE integration.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-171-179

О. В. Барашкова[1]

«ЦЕНТР» И «ПЕРИФЕРИЯ» РОССИИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК КЛЮЧ К РОСТУ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Выделяется региональный аспект теории НИО.2 и ноономики С. Д. Бодрунова. Предпосылкой анализа служит тезис о том, что в российской экономической системе сформировались свои центр (ядро) и периферия, разрывы в уровнях развития которых (по основным макроэкономическим и социальным показателям) достигают 5…10 раз. Для обоснования этого тезиса применяется методология теории мир-системного анализа. Эта предпосылка используется в дальнейшем исследовании, где на основании применения методолого-теоретических подходов, лежащих в основе разработок С. Д. Бодрунова, показывается, что преодоление региональной несбалансированности в РФ возможно на основе интенсификации технологического прогресса во всех регионах за счет реализации в каждом из них специфической, адекватной именно для данного региона, стратегии продвижения к НИО.2 и ноономике. Показано, что знаниеемкие технологии могут развиваться в любой отрасли и в любом регионе (преимущественно сырьевом, аграрном, промышленном, сервисном по своей специализации). Средствами решения этой задачи должны стать экономические механизмы, представленные в работах С. Д. Бодрунова и других авторов, с которыми он ведет теоретический диалог. К этим средствам относятся стратегическое планирование, активная промышленная политика, государственно-частное партнерство и др., включающие не только отраслевой, но и региональный аспекты.

Ключевые слова: экономика РФ, сбалансированность регионального развития, реиндустриализация, стратегия опережающего развития, НИО.2, ноономика.

УДК 330.366

Неравномерность развития регионов является одной из ключевых проблем большинства национальных экономических систем. Особенно значима она там, где велики природные, климатические, этнические, культурные и религиозные различия; различна предыстория не только экономического, но и социокультурного развития регионов; значима их цивилизационная специфика. Такая ситуация характерна для Российской Федерации – системы с самой большой в мире территорией, где качественно различны природно-климатические условия северных и южных, западных и восточных территорий; где в общем социально-экономическом пространстве соединены народы с разны-

[1] *Ольга Владимировна Барашкова,* ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, научный сотрудник Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета, e-mail: olga_barashkova@mail.ru.

ми культурными и религиозными корнями; где, наконец, за годы постсоветского развития произошло усиление различий в уровнях развития регионов.

Кроме того, по преимуществу сырьевая ориентация развития российской экономики последних десятилетий в совокупности с высоким уровнем бюрократизации и концентрации капитала интенсифицировали региональное развитие,. Это привело к существенным противоречиям между экономиками регионов, которые, пользуясь методологией мир-системного анализа, разработанной в работах С. Амина [1] и И. Валлерстайна [2], можно отнести к экономикам ядра и экономикам регионов, которые находятся внутри страны на положении периферии.

В дальнейшем будем исходить из того, что в российской экономической системе сформировались свои центр (ядро) и периферия, разрывы в уровнях развития которых (по основным макроэкономическим и социальным показателям) значимы.

Выделение в рамках одной страны (России) центра, периферии и полупериферии, базирующееся на разработках теоретиков мир-системного анализа, мы используем как предпосылку для исследования проблем региональной сбалансированности, которое будет базироваться на применении методолого-теоретических подходов, лежащих в основе разработок С. Д. Бодрунова.

В работах С. Д. Бодрунова [3, 4], в частности, показывается, что современная экономика вступила в период качественных трансформаций, в основе чего лежат изменения в технологиях. На базе перехода к НБИКС-технологиям, «умному» производству и т. п. рождается новый тип общества – новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), которое отличается от описанного Дж. К. Гэлбрейтом нового индустриального общества первого поколения (НИО.1) прежде всего тем, что главным средством развития современного производства являются знания, а не машины и оборудование, как это было еще полвека назад. На этой основе формируется знаниеинтенсивное производство, базирующееся на высокотехнологичной индустрии.

В свою очередь, процессы дальнейшего развития технологий ведут к формированию безлюдного производства и качественно новой общественной системы – ноономики [4].

Оставим второй аспект на время в стороне и рассмотрим первый – генезис НИО.2. В той мере, в какой развитие национальной экономики оказывается непосредственно связанным с прогрессом именно технологий [5], мы можем говорить о том, что обеспечение региональной сбалансированности и успешное сбалансированное развитие всех регионов страны возможно, если оно базируется на технологическом прогрессе. Последнее – не единственный, но основной фактор, который может создать устойчивые объективные материальные основания для прогресса региона.

Отсюда логично вытекает вывод: преодоление региональной несбалансированности в РФ возможно прежде всего за счет интенсификации технологического прогресса во всех регионах на основе реализации в каждом из них специфической, адекватной именно для данного региона, стратегии продвижения к НИО.2.

Естественно, для регионов с разным уровнем развития эта задача будет иметь свои особенности, и здесь мы должны обратиться к мир-системному подходу и рассмотреть основные группы регионов России на базе данной методологии.

К первой группе (*ядру*) относятся прежде всего ресурсные регионы с мощным экспортно-ориентированным сырьевым производством (преимущественно – добыча сырья) и мегаполисы, в которых сконцентрированы главные центры корпоративного капитала и федерального управления.

К *периферии* относятся регионы, где раньше развивались различные отрасли промышленности и по которым особенно остро ударил процесс деиндустриализации (его негативные последствия проанализированы российскими учеными [3, с. 47–86]).

Подчеркнем: неравномерность экономического развития не сводится к существенным различиям в ВРП на душу населения. В предшествующих работах [6, 7] мы, опираясь на методологию политико-экономического исследования, развиваемую в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [8, 9], и результаты исследования процессов глобальных технологических и социально-экономических трансформаций профессора С. Д. Бодрунова [3, 4], предложили выделять такие аспекты сравнительного анализа регионов:

- уровень технологического развития;
- уровень экономического развития;
- социальные результаты;
- институциональная среда.

Снятие противоречий и обеспечение приближающихся к общенациональным показателям результатов регионального развития по всем этим аспектам и есть в первом приближении ответ на вопрос, по каким направлениям должно идти повышение уровня сбалансированности регионального развития.

Подчеркнем: речь идет не о создании однотипных региональных экономических подсистем. Напротив: в серии своих работ, упомянутых выше, мы показываем, что различные по месту в системе общенационального и международного разделения труда, институциональным и другим параметрам регионы могут и должны иметь свою специфику, но при этом находиться на близком к оптимальному для всей национальной экономики (высоком!) уровне развития.

Поясним эту мысль. Опираясь на концепцию НИО.2, мы обосновали правомерность выделения уровня технологического развития в качестве основного параметра. Тогда продвижение к созданию в качестве доминирующей материально-технической базы прежде всего знаниеемких производств [10], которые базируются на технологиях 5-го и 6-го технологических укладов [11], может и должно быть характерно для всех регионов. *Высокотехнологичным, знаниеемким может быть производство в регионах с самой различной отраслевой специализацией* – преимущественно аграрных, сырьевых, промышленных, сервисных и т. п. Во всех из них возможно и необходимо продвижение от господствующих индустриальных технологий, характерных для НИО.1, к технологиям, которые должны составлять базу НИО.2. Это может стать основой роста сбалансированности российской экономики не за счет унификации всех регионов, а благодаря максимально полному использованию природных, культурных, исторических и других особенностей каждого, но в рамках общей стратегии преимущественного развития знаниеемких технологий и человеческих качеств.

На этой основе возможно выравнивание уровней производительности труда и эффективности использования других ресурсов, качества институциональной системы, меры прогресса человеческих качеств и т. п.

Такая постановка проблемы приводит к важному выводу о том, что мера сбалансированности экономики России в региональном аспекте должна предполагать комплексное решение проблем каждого региона по всей системе параметров. Это позволит не только выравнивать уровни экономического развития, но и (в первую очередь!) привести в соответствие уровни технологического, экономического и социального развития.

Приближение к оптимальной мере сбалансированности развития экономики России предполагает, в частности, решение задач не только повышения ВРП в регионах, которые мы отнесли к периферии и даже к полупериферии, но и решение задач по снижению социально-экономических напряжений в регионах, которые мы отнесли к ядру национальной экономики. Подчеркнем: уровень социального неравенства в наиболее богатых (по объему среднедушевого ВРП) регионах выше, чем в среднем по РФ, в 2-3 раза. Решение задач сбалансированности экономики в целом по всей совокупности параметров позволит создать предпосылки для решения стратегических задач развития экономической системы России.

Сделаем промежуточный вывод: группировка регионов по их принадлежности к ядру, полупериферии и периферии национальной экономической системы позволяет показать, что уровень сбалансированности развития регионов в рамках единой национальной экономической системы тем выше, чем меньше различия между регионами по каждому из выделенных критериев (чем ниже величина разрыва между ядром и периферией национальной экономической системы).

Использование такого подхода приводит к следующему выводу: *единство национальной экономической системы с точки зрения ее регионального строения обусловлено не только наличием тех или иных экономических и социальных связей, но и степенью равномерности развития региональных подсистем по названной выше шкале критериев*.

С учетом сказанного можно предложить модель, позволяющую в простейшем виде охарактеризовать уровень *целостности экономической системы в региональном разрезе*. В рамках этой модели уровень целостности национальной экономической системы будет прямо пропорционален среднему значению каждого из названных показателей развития (технологического, экономического и т. п.) для регионов, относящихся к группе ядра национальной экономики, и обратно пропорционален для значения этих показателей в регионах из группы периферии национальной экономики.

Позволим себе комментарий по поводу одного из самых острых вопросов развития экономики России – реиндустриализации. Этот вопрос сегодня один из наиболее обсуждаемых. Обратим внимание, что в работах С. Д. Бодрунова он поднимался еще в начале этого века и включал в себя, во-первых, показ того, что деиндустриализация чревата системой других негативных последствий [12, 13], которые оказались наиболее сильными в регионах, бывших в СССР лидерами промышленного развития. Во-вторых, в работах С. Д. Бодрунова была показана необоснованность надежд на так называемый постиндустриальный путь развития [14], попытки реализации которого привели к серьезным диспропорциям во многих региональных подсистемах России. В-третьих, С. Д. Бодрунов обоснованно показывает, что в современных условиях реиндустриализация может быть эффективной, если она будет опираться на качественно новые технологии, а не воспроизводить сложившуюся в СССР модель [15, 16].

Хорошо известно, что в России существуют глубокие региональные различия в уровне индустриального развития. Соответственно различен и потенциал реиндустриализации, ибо, как показали наши исследования [7], в ряде случае у регионов полупериферии он выше, чем у ядра.

На наш взгляд, эти противоречия не отрицают правомерности и необходимости использования методологии мир-системного анализа, но указывают на то, что целостность экономики России в региональном аспекте далека от оптимума. Выявить причины этого позволяет предлагаемый нами системный подход к исследованию региональ-

ных экономик как подсистем национальной экономической системы России, основанный на интеграции достижений различных школ экономической теории и, в первую очередь, на основе воспроизводственного подхода [6].

Это подтверждает правомерность вывода о том, что решение задачи повышения уровня сбалансированности экономики России в пространственном аспекте предполагает комплексное решение проблем каждого региона *по всей системе параметров* с целью выравнивания не только уровней экономического развития, но и приведения в соответствие уровней технологического (в частности, соотношения технологических укладов, потенциала реиндустриализации и др.), экономического (измеряемого макроэкономическими индикаторами), социального (показателей, характеризующих меру социального неравенства, качество жизни и др.) и институционального развития.

Этот вывод позволяет объяснить, почему результаты политики донорского финансирования дотационных регионов весьма ограниченны и слабо способствуют улучшению сбалансированности национальной экономической системы. Причины низкой эффективности донорского финансирования дотационных регионов в том, что проблемы относительно отстающих регионов носят системный характер и касаются всей совокупности их характеристик – от материально-технической базы до социальных отношений и институциональной среды. Простое выделение дополнительных финансовых ресурсов не решает ни одной из ключевых задач, стоящих перед такими регионами, прежде всего задач целевого долгосрочного инвестирования в высокотехнологичные сферы производства, сопряженного с комплексной программой социального развития и институциональных трансформаций.

Приближение к оптимальному уровню региональной сбалансированности развития экономики России предполагает не только повышение ВРП и развитие технологий в регионах периферии (и даже полупериферии), но и снижение социально-экономического неравенства в регионах, которые можно отнести к ядру национальной экономики, и т. п.

В научном и экспертном сообществе широко обсуждается вопрос эффективного (с точки зрения отдачи на вложенные средства) развития страны за счет приоритетной поддержки отдельных регионов (точек роста). Эта позиция восходит к исследованиям французской школы институционализма ([17] и др.). Мы считаем, что выбор между поддержкой точек роста и выравниванием уровня социально-экономического развития зависит от состояния страны, цивилизационной специфики, проблем безопасности и общего уровня развития материально-технической базы и институтов. В любом случае, ускоренное развитие одних регионов при отставании других снизит меру сбалансированности национальной экономики в пространственном разрезе. Поэтому данный путь возможен, когда (как, например, в случае с Китаем в 1960–1970-е гг.): а) такое развитие не создает значимых угроз для целостности и безопасности страны (не вызывает угроз ее дезинтеграции); б) отставание страны от наиболее развитых экономик велико; в) ресурсы малы; г) ускоренное сбалансированное развитие всей страны невозможно. При таких условиях можно осуществлять опережающее развитие за счет приоритетной поддержки отдельных регионов.

В России ситуация существенно иная по всем перчисленным выше аспектам (а – г). *В экономике РФ целесообразно именно сбалансированное пространственное развитие*. Во-первых, для РФ (в отличие от Китая) значимы внешние угрозы и негативный исторический опыт дезинтеграции экономики СССР; во-вторых, степень отставания современной России от передовых стран гораздо ниже, чем отставание Китая в 1970–

1980-е гг.; в-третьих, уровень предшествующего развития позволяет в *каждом* регионе выделить точки высокотехнологичного роста в той сфере, где регион имеет наибольший потенциал развития.

Данная рекомендация основана на многогранности высокотехнологичного прогресса: это может быть и высокотехнологичное сельское хозяйство, и образование, и высокотехнологичный транспортный хаб, и центр приоритетного развития информационных технологий, и др. Более того, сырьевые регионы также могут применять высокотехнологичные и экологически чистые способы добычи полезных ископаемых и обеспечивать их глубокую переработку, становясь центрами прогресса 5-го и 6-го технологических укладов.

Основными направлениями решения перечисленных задач становится *дифференцированное по регионам* (1) *развитие высокотехнологичного производства,* (2) *повышение человеческого потенциала*, (3) *снижение социального неравенства и* (4) *повышение качества институтов*.

Политика дифференцированного выбора приоритетов развития для каждого из регионов может стать новым шагом в регулировании регионального развития. В соответствии с предложенной выше методологией региональные приоритеты должны различаться, оставаясь в русле общенациональных задач. В одних регионах приоритетом могут быть реиндустриализация и технологическое перевооружение; в других – снижение социального неравенства; в-третьих – повышение креативного потенциала совокупного работника региона и т. п.

Какие экономические и институциональные средства могут быть использованы для достижения сбалансированного развития регионов РФ по совокупности перечисленных параметров? Ответ очевиден: развитие социально-экономических отношений и институтов, которые предлагаются для решения федеральных задач, но с учетом региональной специфики. В работах ведущих ученых нашей страны показано, что для выхода из ситуации нарастающего отставания экономики России от наиболее развитых стран необходима реализация стратегии не догоняющего, а опережающего развития [18–22].

Применительно к региональному аспекту речь может идти не о перераспределении ресурсов от богатых регионов к бедным и не о формальном следовании модели сравнительных конкурентных преимуществ, а о стратегической программе прямого и косвенного селективного обеспечения опережающего развития ключевых для каждого региона высокотехнологичных производств и социальных объектов. Среди важнейших механизмов реализации таких программ выделим механизмы, которые являются основой и общенационального, и регионального опережающего развития [18, 23]. Это – стратегическое планирование [24–27], активная промышленная политика, государственно-частное партнерство и интеграция производства, науки и образования на макро-, мезо- и микроуровнях [28–31].

Реализация такой стратегии – это, на наш взгляд, главный путь преодоления глубоких противоречий в технологическом, экономическом и социальном развитии регионов РФ.

В заключение подчеркнем: повышение сбалансированности национальной экономики в региональном разрезе не может рассматриваться как высшая цель в рамках долгосрочной общенациональной стратегии. Если мы выходим на постановку стратегических задач глобального масштаба, задач определения будущего, то любые программы развития регионов будут лишь одним из средств решения глобальных проблем –

таких, о которых пишет С. Д. Бодрунов [3, 4] в работах, посвященных проблемам генезиса НИО.2 и будущему рождению ноономики.

Список литературы

1. *Amin*, *S.* The Law of Worldwide Value / S. Amin. – New York: Monthly Review Press, 2010.

2. *Валлерстайн*, *И.* Исторический капитализм / И. Валлерстайн. – М.: КМК, 2008.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2 / С. Д. Бодрунов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю.Витте, 2016.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

5. *Бодрунов*, *С. Д.* Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №3. – С. 11–14.

6. *Барашкова*, *О. В*. Сравнительный анализ экономического развития регионов: от теоретических дискуссий к управлению региональным развитием / О. В. Барашкова // Проблемы теории и практики управления. – 2019. – № 2. – С. 78–91.

7. *Барашкова*, *О. В*. Оценка готовности регионов России к реиндустриализации: обоснование методики и анализ результатов / О. В. Барашкова // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 4. – С. 74–82.

8. *Бузгалин*, *А. В.* [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 2. – С. 10–35.

9. *Бузгалин, А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 10–38.

10. *Бодрунов*, *С. Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №. 4. – С. 9–23.

11. *Глазьев, С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики / С. Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2. – С. 27–42.

12. *Бодрунов*, *С. Д.* Ключевые факторы оборонно-промышленной безопасности России. Мир авионики / С. Д. Бодрунов. – 2005. – №1. – С. 6–10.

13. *Бодрунов*, *С. Д.* Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики: науч. докл. / С. Д. Бодрунов. – СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 2013.

14. *Бодрунов*, *С. Д,* Сфера услуг и материальное производство: проблемы соотношения в современной экономике / С. Д. Бодрунов А. И. Колганов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №1. – С. 9–30.

15. Модернизация России: через новую индустриализацию – к новой модели экономического роста и новой модели развития общества: науч. докл. / С. Д. Бодрунов. – СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 2012.

16. *Бодрунов*, *С. Д.*. Реиндустриализация и современная промышленная политика / С. Д. Бодрунов. – СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, 2015.

17. *Перру, Ф.* Политика гармонизированного роста / Ф. Перру // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков: В 5 т. – Т. IV. – М., 2004.

18. *Бодрунов, С. Д.* Россия: догонять или опережать? / С. Д. Бодрунов // Ноономика. – М.; СПб.; Лондон, 2018. – С. 298–323.

19. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика. будущее: Четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2. – С. 5-13.

20. *Бузгалин*, *А. В.* Стратегия опережающего развития / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Свободная мысль. – 1996. – № 9. – С. 76–88.

21. *Бузгалин*, *А. В.* О стратегии опережающего развития России / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 7. – С. 34–50.

22. *Глазьев*, *С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – С. 94–95.

23. *Бодрунов, С. Д.* Территории опережающего развития – важнейшее звено экономического развития России / С. Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. – Т. 2. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова.– СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2018. – С. 346–354.

24. *Клепач*, *А. Н.* Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы / А. Н. Клепач // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 44–63.

25. *Митяев*, *Д. А.* Система стратегического планирования: попытка политэкономического подхода / Д. А. Митяев // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 64–77.

26. *Бодрунов*, *С. Д.* План и рынок: перспективы интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 216, № 2. – С. 190–203.

27. *Джабборов*, *Д. Б.* Большие данные, плановая экономика и государство / Д. Б. Джабборов // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 4. – С. 96–101.

28. *Бодрунов*, *С. Д.* Реиндустриализация: социально-экономические параметры реинтеграции производства, науки и образования / С. Д. Бодрунов// Социологические исследования. – 2016. – № 2. – С. 20–28.

29. *Золотарев*, *А. А.* Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию / А. А. Золотарев, Н. Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4. – С. 182–187.

30. *Маслов*, *Г. А.* Производство. Наука. Образование в России: технологические революции и социально-экономические трансформации / Г. А. Маслов, Н. Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 58–64.

31. *Маслов*, *Г. А.* Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире / Г. А. Маслов // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 1. – С. 56–62.

O. V. Barashkova. *Center* and *periphery* in Russia: technological progress as key to achieving a more balanced national economy. The article highlights the regional aspect of the theory of NIO.2 and the noonomy of S. D. Bodrunov. A prerequisite for the analysis is the thesis that in the Russian economic system its own “center” (“core”) and its own “periphery” have formed, the gaps in the levels of development of which (according to the main macroeconomic and social indicators) reach 5-10 times. To substantiate this thesis, the methodology of the theory of world-system analysis is used. This premise is used in further research, where, based on the application of the methodological and theoretical approaches underlying the developments of S. D. Bodrunov, it is shown that overcoming regional imbalances in the Russian Federation is possible on the basis of, first of all, intensification of technological progress in all regions on the basis of the implementation in each of them of a

specific, adequate for this region strategy for moving towards NIS.2 and noonomy. The author shows that high knowledge-intensive technologies can develop in any industry and, as a result, in any region (mainly raw, agricultural, industrial, service in their specialization). The means to solve this problem should be the economic mechanisms systematically presented in the works of S. D. Bodrunov and several other authors with whom he conducts a theoretical dialogue. These means include strategic planning, active industrial policy, public-private partnerships, etc., including not only industry, but also regional aspects.

Keywords: Russian economy, balanced regional development, reindustrialization, strategy of advanced development, NIS.2, noonomy.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-180-187

Т. Д. Степанова[1]

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: ЧЕЛОВЕК КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ И ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ

XX век характеризуется ростом роли человека в экономике, что находит отражение в новых концепциях человеческого капитала, креативного класса и недавно появившейся теории генезиса ноономики. Их появление инициировало дискуссии о выборе между капитализацией человеческих качеств и гуманизацией экономики, о развитии человеческого потенциала и его влиянии на принятие экономических решений. Рассматриваются ключевые принципы развития общества будущего (нового индустриального общества второго поколения – НИО.2), потребности, мотивы и стимулы которого разумны, а деятельность – созидательна. Доказывается прогрессивность теории генезиса ноономики, описанной С. Д. Бодруновым.

Ключевые слова: ноономика, ноопотребности, человеческий потенциал, человеческий капитал, креативный класс, творческий труд.

УДК 330

Введение

В XX в. изменилась роль человека в производстве и в экономике в целом, что нашло отражение в экономической теории. Если раньше этим вопросом занималась преимущественно марксистская школа, то в середине XX столетия появились популярные по сегодняшний день концепции человеческого капитала и креативной экономики. Поведение человека и его влияние на экономические процессы начинают изучаться отдельно – в рамках теории общественного выбора, институциональной школой, поведенческой экономикой и т. д. За полвека человеческие потребности и решения стали одними из наиболее обсуждаемых вопросов в экономической теории.

Однако, если поведение экономических агентов изучают все теории, то далеко не все из них обращаются к вопросам развития общества и выбора наилучшей для него траектории. Мы хотим обратить внимание на относительно недавно появившуюся концепцию нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) [8], разработанную С. Д. Бодруновым. Начав с исследования современного этапа экономического развития и ближайшего будущего, автор описал возможные варианты развития общества – технотронную и ноосферную цивилизации – с предпосылками и последствиями их возникновения [6]. Затем была представлена концепция ноономики, включающая в себя анализ настоящего и будущего – с процессом становления, альтернативными сценариями развития и их исходами [3]. В теории генезиса ноономики широко освещаются проблемы общественного развития, связанные с определением сути человечес-

[1] *Тамара Дмитриевна Степанова*, аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: tamm.st@yandex.ru.

ких потребностей и способов их удовлетворения, характером труда, влиянием принципов построения общества на его дальнейшее развитие [7].

Развитие нано-, био-, информационных технологий и науки в целом достигло такого уровня, что вот-вот будет сделан шаг в новую эпоху. Настало время разъяснить существующие социально-экономические противоречия и определить гуманистические императивы общества будущего, которое будет развиваться в согласии с технологическим развитием и природой и не попадет в колею разрушений, ведущих к катастрофам (экологическим, генетическим, военным…).

Прежде чем отвечать на вопрос о принципах построения общества будущего, обратимся к анализу наработок экономической теории. Упомянутые выше концепции делятся на принципиально различные группы. Одни принимают бытие человека как данность, анализируя его потребности и поведение с целью повышения точности анализа и предсказания различных экономических ситуаций; другие, помимо этого, предлагают варианты исправления недостатков общественного устройства, разрешения существующих противоречий. Для нас вторая группа представляет больший интерес, поэтому мы предлагаем обратиться к анализу концепций, которые получили наиболее широкое распространение в экономической теории и учитываются при принятии решений в экономической политике различных государств.

В первую очередь остановимся на *теории человеческого капитала*, которая дала мощный импульс к изучению роли человека в экономике. Сейчас, когда понятия «индекс человеческого развития», «развитие человеческого потенциала» и другие прочно вошли в нашу жизнь, никто не задумывается над содержанием категории человеческий капитал и поведенческих предписаниях данной концепции. При всей популярности теории во второй половине XX в. и глубоком проникновении в экономическую науку, главная ее заслуга – инициирование череды исследований в данной предметной области, которые привели к появлению эмпирических показателей, являющихся одними из ключевых характеристик уровня развитости государства.

Изначально категория человеческий капитал не была четко определена, и подробный разбор ее эволюции показывает, что ни родоначальники концепции, ни ее последователи не смогли решить этот вопрос [10, с. 28; 14, с. 8–20]. Есть несколько аргументов в пользу нецелесообразности употребления термина человеческий капитал для определения скрывающейся за ним сути: (1) процесс использования творческих способностей человека – это ещё и процесс их совершенствования, преумножения, в то время как вещественные элементы капитала лишь изнашиваются в ходе того же процесса; (2) человеческий капитал не может участвовать в сделках купли-продажи по причине своей неотделимости от человека; (3) инвестиции в человеческий капитал не являются таковыми, ибо они, как правило, не нацелены на получение выгод (целенаправленное финансирование обучения сотрудников работодателем, скорее, исключение); (4) говоря о прибыли на капитал, в случае человеческого капитала невозможно четко разграничить потребление и реинвестирование; (5) взгляд на человеческие способности как на стоимость, авансируемую для получения будущих выгод, противоречит общему тренду прогресса человеческих качеств и мотивов созидательной деятельности.

Более того, анализ с позиции неомарксистской экономической школы доказывает, что категория, по сути, является превращенной формой: её превратным содержанием является инвестирование экономическим агентом средств в человеческий капитал (собственный или другого экономического агента) с целью получения будущего дохода, превосходящего по величине сумму инвестированных средств, а «…действитель-

ным содержанием категории «человеческий капитал» является … отношение подчинения капиталу не только рабочей силы и [репродуктивного] трудового процесса, но и Человека как целостной [творческой] личности и, соответственно, присвоения капиталом всеобщего богатства, создаваемого этой личностью в процессе ее творческой деятельности» [11, с. 20–21].

Кроме того, концепция Шульца и Беккера сама по себе противоречива и порождает такое понятие, как износ человеческого капитала (и речь не только о моральном и физическом износе, суть которых подобна износу обычного капитала). Авторы теории предлагают экономическим агентам развивать свой капитал рационально, нацеливаясь на максимальную отдачу [15], соответственно, вложения в образовании в профессии, которые сулят высокую зарплату, воспринимаются как наиболее разумные. Индивид, область профессиональных интересов которого относится к малодоходным направлениям, и который, соответственно, имеет малую отдачу от инвестирования в свой капитал, считается нерациональным. Такой подход вызывает сомнения – выходит, что «говоря о частных и социальных нормах отдачи от инвестирования [в человеческий капитал], следует заметить, что наличие первой (частной – критерием для которой обычно является заработная плата) не тождественно появлению второй (социальной – критерий которой – общественно значимые продукты созидательной деятельности индивида)» [12, с. 143–148].

Поэтому говорить о прогрессивности теории человеческого капитала в определении пути развития общества некорректно. Следование логике концепции может привести лишь к стимулированию симулятивных потребностей, к предпочтению количественной оценки труда (по уровню дохода) в ущерб качественной (по критерию созидания). Конечно, с этим можно спорить, указывая на многочисленные эмпирические статьи, успешно доказывающие положительное влияние развития человеческого капитала на экономику домохозяйства и государства. Однако, давайте вспомним: длительные дискуссии о количественной оценке человеческого капитала свелись к тому, что он измеряется преимущественно через образование, в некоторых случаях к этому добавляют здоровье (на уровне индивида или системы здравоохранения), доходы и некоторые демографические показатели. Выходит, что нет нужды в использовании самой категории человеческий капитал, если она успешно заменяется давно известными социально-экономическими показателями (развитие которых, к слову, и до появления теории расценивалось как важное), а употребление термина в широком смысле – как философии рационального инвестирования – бессмысленно ввиду разрушительного характера концепции в целом для развития общества по пути творчества и созидания.

Иное значение имеет понятие развития человеческого потенциала. Нередко категории человеческий капитал и человеческий потенциал используются почти как синонимичные, однако термин человеческий потенциал гораздо шире, его определяет не возможность извлечения прибыли из собственных знаний, а, скорее, возможность самореализации. Наиболее полное и развернутое сравнение категорий проводит А. О. Вереникин в своем диссертационном исследовании. В ходе работы автор приходит к выводу, что понятие человеческий потенциал обладает большей глубиной и лучше подходит для анализа процессов современной экономики и рынка труда. Он упоминает и о дискуссиях по вопросу, стоит ли включать человека как физического субъекта в понятие человеческого капитала, ведь невозможно отделить знания и навыки от самого человека (человек в качестве физического существа и его потенциал едины). К понятию человеческий потенциал категория капитала неприменима, поскольку термин «капи-

тал» не просто обозначает умозрительную возможность создавать какой-либо доход – это существующая и находящая реальное отображение экономическая категория, связанная с производством благ и услуг, а навыки и умения человека помогают извлекать доход, но сами по себе доходом быть не могут. В конечном счете А. О. Вереникин приходит к выводу (подобно большинству неомарксистов), что понятие *человеческий капитал* некорректно само по себе, в отличие от категории *человеческий потенциал*. В то время как человеческий капитал есть лишь самовозрастающая стоимость, «человеческий потенциал – это совокупность созидательных способностей индивидуума и общества» [9, с. 29–30].

В завершение подчеркнем, что именно развитие человеческого потенциала есть одна из главных целей и один на сегодняшний день из главных вызовов для общества и экономической политики.

Близким по устремлениям в своем развитии к человеческому потенциалу выступает понятие креативного класса Р. Флориды. Данная категория, безусловно, требует смысловой доработки из-за употребления термина «класс», который ранее использовался в несколько ином значении, что не получает четкого объяснения у сторонников теории. Нельзя не обратить внимание на то, что концепция строится отнюдь не на привязке к бесконечному увеличению дохода. Здесь акцентируется творческий характер труда, стимулирующее влияние созидательной деятельности на общество и экономику.

Креативный работник в определении Флориды отличается двумя основополагающими свойствами – новаторством (производством новых продуктов и идей) и эффективностью в решении текущих вопросов [18]. Именно креативные профессионалы являются основными драйверами роста городов и регионов, создают новые правила в жизни общества [16, с. 394]. И к ним относятся далеко не только обладатели высокооплачиваемых профессий, но также средний медицинский персонал, учителя, библиотекари, детские воспитатели и т. д. [19, с. 625]. Сегодня продолжаются дискуссии о влиянии развития креативного класса и его миграций на экономику: на уровень заработных плат, занятости, на инновации, экономическое развитие и т. д. Однако, оставляя в стороне эмпирическую часть вопроса, признаем, что концептуально Флорида стоит ближе многих исследователей к вопросу выбора гуманистически правильной траектории экономического развития.

Теоретические и эмпирические исследования в области креативной экономики пришли к согласию о значимости культурной среды для развития креативного класса (в эмпирических работах её измеряли суммой различных показателей, среди которых разные авторы отмечали толерантность, открытость, разнообразие, развитость инфраструктуры, доступность образования, центров индустрии развлечений и пр.) [17, с. 8–17]. Было зафиксировано, что развитие культурной среды (например, субсидирование театров, кинотеатров и пр.) привлекает профессионалов творческого труда. Более того, чаще всего креативные работники не стремятся переезжать с целью поиска работы, если их устраивает среда, в которой они живут. Они предпочитают создавать рабочие места в месте своего обитания (jobs follow people) [21].

Таким образом, Р. Флорида и сторонники его теории предлагают экономическую политику, направленную на улучшение культурной среды в городах и регионах с нехваткой креативных профессионалов с целью их привлечения, а также подстраивание образа жизни и инфраструктуры под нужды креативного класса. Поскольку их потребности и стремления разумны и прогрессивны (в отношении регионального развития), эти меры в совокупности приведут к экономическому развитию.

Тем не менее теория Р. Флориды не лишена недостатков. Ошибка кроется в самом определении креативного класса: основополагающими качествами креатора названы новаторство и эффективность в текущих рабочих процессах, однако не упоминается критерий общественной полезности инноваций. Несколько иное определение творческого работника приводит А. Фриман: он предлагает отделять творческие профессии по принципу их незаменимости, т. е. невозможности заменить труд людей этих профессий машинным [13, с. 42]. Это определение в сумме с наработками Флориды позволяет намного четче очертить круг профессий, которые следует включить в креативный класс, однако не разрешает упомянутого мной вопроса, в чем можно убедиться на примере.

Необходимый для общественного развития созидательный труд сводится к созданию нового. Разница на первый взгляд невелика, но она обусловливает появление в ряду креативных таких профессий, как специалисты по PR и рекламе, работники индустрии развлечений, что, на наш взгляд, является ошибочным. От создателей рекламных роликов действительно требуется весомая доля креативности, однако создаваемые ими, зачастую уникальные, продукты не просто не несут никакой пользы обществу, но, скорее, вредны, поскольку искажают потребности индивидов и, заменяя разумные на симулятивные, подталкивают к излишнему потреблению.

Вторым острым моментом теории является процесс экономического развития через стимуляцию миграции креативных работников посредством реформ в области культуры. На первый взгляд все верно, поскольку культура – одно из необходимых и основополагающих средств развития общества через формирование разумных потребностей, однако вызывает сомнение целеполагание, заложенное в основу системы развивающих мер. Культура воспринимается как средство притяжения высокопродуктивного труда в ожидании, что его представители повлияют на экономику. В действительности же после признания важности творческого характера труда, высокопродуктивного созидания речь должна идти о мерах, стимулирующих рост креативного класса, его самостоятельное зарождение в тех регионах, где его плотность низка. Если первые теоретические работы в области развития креативного класса упоминали именно такой вектор развития, то последние исследования (а они преимущественно эмпирические) свелись к изучению влияния на процесс миграции и последующему влиянию этой миграции творческого труда на экономику.

Недавно появившаяся теория нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), теория генезиса ноономики [3], разработанная С. Д. Бодруновым, идейно опережает перечисленные выше концепции о развитии человеческого потенциала. Автор анализирует современный уровень развития технологий и объявляет переход к новому технологическому укладу в недалёком будущем [4]. Как уже говорилось, экономика и общество в связи с этим находятся перед точкой бифуркации: возникает вопрос о выборе основ общественного развития.

С. Бодрунов описывает два пути, по которому может пойти развитие потребностей социума. Первый из них – количественное измерение успеха, когда человек стремится только к преумножению материального, что приводит к ненужному потреблению. Такое поведение порождается собственниками капитала, которые в погоне за прибылью не задумываются о реальной полезности своих товаров и услуг для общества. Их действия направлены на максимальную реализацию продукции, что, благодаря хорошим рекламным кампаниям, приводит к зарождению и стимуляции симулятивных потребностей у населения и «перепотреблению» [5, с. 13].

Дальнейшее продвижение по этому пути не просто не может привести к развитию общества, но и предвещает более опасную реальность, в которой уровень общественного развития не соответствует уровню развития технологий, что может инициировать одну из тех катастроф, которые часто предрекают ученые (биологическую, технологическую, экологическую, генетическую…).

Второй путь развития – генезис ноономики, в которой доминируют ноопотребности, а симулятивные просто отсутствуют. Ноопотребности – это рационально отбираемые человеком потребности, где критерием является разум, строго отвергающий симулятивные блага. Поскольку критерием выбора потребностей является разумное самостоятельно дисциплинируемое мышление человека, оно должно воспитываться в благоприятной среде. Это достигается посредством развития культуры. Культура как самоощущение определяет в человеке ноопринципы, руководствуясь которыми он делает рациональный выбор [2, с. 5].

Технологическое развитие будет стремительно идти своим путем (NBICS-конвергенция, переход к аддитивным технологиям и т. д.), отстраняя человека от процесса производства, пока, наконец, он не выйдет из него полностью, контролируя его извне. Производство, выстроенное на основе ноопринципов, будет полностью удовлетворять ноопотребности общества. Труд человека в такой системе исключительно творческий, точнее, как пишет С. Бодрунов, труд исчезает, остаются лишь занятия, творческая деятельность, созидание [2, с. 7].

Концептуально теория ноономики привлекает тем, что она, в отличие от многих, является всеобъемлющей по отношению к наиболее острым и актуальным вопросам экономической теории, причем не только «в пространстве», но и «во времени» – автор выполняет последовательный анализ современного этапа экономического развития и будущего с его становлением и результатом.

На данном этапе, когда повсеместно бытуют (а зачастую и преобладают) симулятивные потребности и репродуктивный труд, необходима переориентация экономики на развитие гуманистических императивов общества, что, в отличие от современных тенденций, ведет к гуманизации экономики, а не усилению её капитализации. Для решения данной задачи, по мнению автора, требуется синтез теории креативного класса и концепции ноономики. Р. Флорида и другие исследователи творческого труда наработали грамотный инструментарий, который следует использовать для изучения влияния креативного класса на экономические процессы, способов управления его миграцией, использования положительных экстерналий, которые она вызывает, держа в голове в качестве ориентира описанное Бодруновым нооообщество с ноопотребностями и преобладанием творческого труда.

На данный момент, говоря в общих чертах о мерах развития креативного класса в России, следует направить политику на благоустройство регионов и развитие культурной среды. Из опыта зарубежных стран знаем несколько вариантов экономической политики.

К *первой группе* можно отнести субсидирование, финансирование и инвестирование. Сюда входят прямое инвестирование, которое до сих пор остается одной из наиболее популярных мер (и составляет от 0,2 до 2,5 % от общего бюджета [1, с. 185], что существенно меньше, чем в России, но реализуется эффективнее), а также различные субсидии и налоговые преференции. Сюда относятся и проекты государственно-частного партнерства, направленные на выполнение более широких программ – они затрагивают стимулирование культурной среды косвенно, однако позволяют участникам финансирования извлекать выгоду из своих инвестиций.

Вторая группа – это меры, стимулирующие культурное развитие: создание и развитие благоприятной для творческого бизнеса среды, а также налоговые преференции для занятых в творческих профессиях.

Заключение

Экономический настрой современного общества диктует индивиду (как собственнику капитала, владельцу производства, так и члену домохозяйства) ориентацию на извлечение максимальной прибыли, на количественные, а не качественные характеристики, в результате чего повсеместно, как болезнь распространяется заражение симулятивными потребностями, порождая эффект «перепотребления» товаров и услуг (зачастую ненужных). В этой реальности следование постулатам теории человеческого капитала не только не препятствует развитию ситуации, но и усугубляет её.

Концепция ноономики критически интегрирует предшествующие выводы экономической теории, преодолевая их недостатки. В теории человеческого капитала человек нацелен на постоянное увеличение дохода как символ рациональности вложений, а индивид из НИО.2 – на творческую деятельность, созидание. Существует четкая граница между предвосхищаемыми моделями экономик названных теорий: в первом случае речь идёт о капитализации экономики, во втором – о её гуманизации. Это отражается и на потребностях: симулятивных в случае следования постулатам теории человеческого капитала и разумных – в ноономике.

Развитие человеческого потенциала как совокупности созидательных способностей индивида и общества в концепции С. Д. Бодрунова достигается через поддержку знаниеёмкого производства, NBICS-конвергенции и развитие посредством ориентации на культуру ноопринципов, на основе которых должен формироваться процесс производства качественно нового типа и осуществляться выбор разумных (ноо-) потребностей. Именно такие установки должны быть ключевыми для современной экономики, если мы хотим достичь качественно нового уровня развития.

Список литературы

1. *Абанкина*, *Т. В*. Модели государственной поддержки культуры: теоретические основания и финансовые инструменты / Т. В. Абанкина // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – №. 4. – С. 185–189.

2. *Бодрунов*, *С. Д.* К вопросу о нооникe / С. Д. Бодрунов //Экономическое возрождение России. – 2019. – №. 1. – С. 4–8.

3. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооникa / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

4. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооникa. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С. Д. Бодрунов //Экономическое возрождение России. – 2018. – №. 2. – С. 5–13.

5. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооникa: онтологические тезисы / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №. 4. – С. 6–18.

6. *Бодрунов*, *С. Д.* Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2 (52). – С. 17–21.

7. *Бодрунов*, *С. Д.* Нооникa: концептуальные основы новой парадигмы развития / С. Д. Бодрунов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 5–12.

8. *Бодрунов*, *С. Д.* Четвертая индустриальная революция – пролог нового индустриального общества второй генерации / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 205, № 3/2017. – С. 262–284.

9. *Вереникин*, *А. О.* Человеческий потенциал экономического развития: дис. … д-ра экон. наук / А. О. Вереникин. – М., 2005.

10. *Воейков*, *М. И.* Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке / М. И. Воейков // Вопросы политической экономии. – 2015. – №. 1. – С. 24–37.

11. *Колганов*, *А. И.* Что такое «человеческий капитал»? / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин //Уровень жизни населения регионов России. – 2006. – №. 5–6. – С. 19–22.

12. *Степанова*, *Т. Д.* Износ человеческого капитала / Т. Д. Степанова // Философия хозяйства. – 2019. – № 3. – С. 139–149.

13. *Фриман*, *А.* Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства / А. Фриман // Вопросы политической экономии. – 2016. – №. 4. – С. 37–60.

14. *Черковец, В. Н.* Категория человеческий капитал в общей экономической теории: исторический взгляд и содержательное определение / В. Н. Черковец // Материалы научной конференции «Экономические институты современной России». – Кострома, 2010.

15. *Becker*, *G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G. S. Becker // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol. 70, № 5. – Pt. 2.

16. *Boschma*, *R. A.* Creative class and regional growth: Empirical evidence from seven European countries / R. A. Boschma, M. Fritsch //Economic geography. – 2009. – Т. 85, №. 4. – P. 391–423.

17. *Florida*, *R.* Cities and the creative class / R. Florida //City & community. – 2003. – Т. 2, №. 1. – P. 3–19.

18. *Florida*, *R.* The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life / R. Florida [et al.] //New York: Basic, 2002.

19. *Florida*, *R.* Inside the black box of regional development–human capital, the creative class and tolerance / R. Florida, C. Mellander, K. Stolarick // Journal of economic geography. – 2008. – Т. 8, №. 5. – P. 615–649.

20. *Hoogstra G.*, J. Van Dijk, R. J. G. M. Florax. Do jobs follow people or people follow jobs? A meta-analysis of Carlino-Mills studies. – 2005.

21. *Mellander*, *C.* Tolerance, aesthetics, amenities or jobs?: the attraction of the Dutch city to the creative class / C. Mellander [et al.] //The Creative Class Goes Global. – Routledge, 2013. – P. 160–185.

T. D. Stepanova. Genesis of noonomy: humans as supreme value and main resource for development. The twentieth century is characterized by the increased role of man in the economy, which is reflected in new concepts of human capital, the creative class and the recently emerging theory of the genesis of noonomy. Their appearance initiated discussions in several areas: about the choice between the capitalization of human qualities and the humanization of the economy, about the development of human potential and its impact on economic decision-making. This article raises the question of the key principles for the development of the future society (the new industrial society of the second generation – NIS.2), the needs, motives and incentives of which are reasonable, and the activity is creative. The author proves the progressiveness of the theory of the noonomy genesis, described by S. Bodrunov, in comparison with the concept of human capital.

Keywords: noonomy, human potential, human capital, creative class, creative labor.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-188-193

С. Д. Бодрунов[1]

ЗАМЕТКИ О БУДУЩЕМ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ НООНОМИКИ И ГЕОПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Важнейшие задачи современного ученого – не только проведение собственных исследований и публикация (или публичное представление) их результатов, но и активная популяризация современных научных достижений, участие в формировании в обществе научных взглядов на различные составляющие социальных и природных явлений и процессов.

Не случайно университеты с момента создания первых из них были не только местами генерации и передачи знаний, воспитания и подготовки интеллектуальной элиты общества, но и дискуссионными площадками, центрами культуры и просвещения. Многие университеты, претендующие на лидерские позиции, сохраняют эту функцию[2].

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, работающий долгие годы под методическим руководством Российской академии наук, следуя академическим традициям, считает своим долгом и гражданской обязанностью придерживаться указанной позиции. Сотрудники ИНИР осуществляют систематический мониторинг издаваемой за рубежом литературы, особенно публикаций, в которых представлены нестандартные экономико-теоретические взгляды, альтернативные теории социально-экономического развития, пионерные исследования в междисциплинарных областях социального и экономического знания. Институт публикует специальную серию изданий «Современная экономическая мысль», в которой вышел ряд работ[3]. Зада-

---

[1] *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор, e-mail: inir@inir.ru.

[2] *Вертакова*, *Ю. В*., *Плотников*, *В. А*. Трансформация роли университетов в обеспечении социально-экономического развития // Экономика и управление. 2017. № 6 (140). С. 55–62.

[3] *Гэлбрейт*, *Дж. К*. Общество изобилия / науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 404 с.; *Комлос*, *Дж*. Что должен знать каждый, кто изучает

ча – донести до русскоязычного читателя новые нестандартные идеи, выходящие за рамки мейнстрима, которые, возможно, определят векторы развития экономической науки.

Недавно в этой серии вышла книга «Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи»[4]; её автор – известный и авторитетный канадский специалист, профессор университета «Манитоба» Радика Десаи. Книга издана в России по эксклюзивному праву, предоставленному автором ИНИР им. С. Ю. Витте (научным редактором русскоязычного издания стал автор этих заметок). В работе представлен оригинальный взгляд на современную мировую экономику; традиционная методология политической экономии дополнена инструментарием географического анализа, что позволяет полнее раскрыть современное состояние и перспективы развития системы мирохозяйственных отношений. Автор подвергает серьезной критике широко распространенные (в научном сообществе, в политических кругах и среди населения разных стран) представления об ослабевании роли национальных государств по мере развития глобализации, что обусловлено передачей части полномочий на наднациональный уровень управления, где доминируют влиятельные международные организации типа МВФ или ВТО. Критика – обоснованная, аргументированная и подтвержденная многочисленными фактами.

Действительно, в современном глобальном мире никакого «растворения государственности в глобальности» не произошло. Под напором глобализации некоторые политически слабые государства утрачивают часть национального суверенитета и передают его не на некий отдельный глобальный уровень управления, а – фактически – другим национальным государствам.

Таким образом, в глобальной экономике государство вовсе не исчезает, как утверждают сторонники неолиберальных взглядов; оно сохраняется, а его роль в определенном смысле даже возрастает, особенно в тех случаях, когда современные состоявшиеся (суверенные) государства сталкиваются с необходимостью, помимо традиционных, противостоять и новым – глобализационным вызовам. Расширение международных экономических взаимосвязей носит противоречивый характер, и в современных геополитэкономических процессах государство по-прежнему играет важную роль, которая начнет изменяться только при формировании предпосылок перехода к ноономике[5] в рамках НИО.2[6] и в иной парадигме реализации своих функций[7].

экономику, и о чем не написано в обычных учебниках / науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2018. 280 с.; *Амин*, *С.* Октябрьская революция 1917, столетие спустя / науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов / ИНИР им. С. Ю. Витте. М.: Культурная революция, 2018. 170 с.

[4] *Десаи*, *Р.* Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С. Ю. Витте: Центркаталог, 2020. 328 с.

[5] *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

[6] *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Изд. 2-е, доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 328 с.

[7] *Бодрунов*, *С. Д.* Государство и революция // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 9–16.

И экономика, и политические системы, и система международных связей, и интегрированные в них государства непрерывно эволюционируют. Одним из важнейших факторов, влияющих на эволюцию, является улучшение материальных условий жизнедеятельности человека. Этот вывод лежит в русле развития марксистской концепции базиса и надстройки, а также коррелирует с результатами наших исследований[8], которые показывают, что именно развитое материальное производство во все времена (и период глобализации – не исключение) было основой процветающего общества.

Конечно, с течением времени само материальное производство непрерывно видоизменялось. Так, на протяжении последних столетий мы наблюдали его существование в рамках индустриального общества. Индустриальная революция, которая означала, с одной стороны, переход к массовому стандартизированному производству, а с другой – существенное углубление разделения труда, потребовала значительного расширения рынков сбыта и географии источников снабжения, что привело к формированию мирового рынка – предтечи современной глобализации. Дальнейшее развертывание индустриализации в странах полупериферии (по С. Амину) привело к глубоким изменениям во всей системе мировых социально-экономических отношений и геополитике. Более того, эти феномены стали основой процессов реиндустриализации в странах центра.

Современное материальное производство, естественно, отличается от существовавшего в прошлые исторические эпохи. Это – знаниеинтенсивное материальное производство нового типа, а его продукт обладает новым свойством – высокой знаниеемкостью. Само производство в результате такой трансформации не перестало быть ни материальным, ни индустриальным, но в структуре его продукта преобладает удельный вес не материальных ресурсов, а человеческого знания. Таким образом, сегодня речь может идти о новом состоянии общественного производства и устройства общества, предшествующем грядущему переходу общества на новую фазу своего развития – к НИО.2[9].

Заметим, что Радика Десаи не заходит в своем прогнозе будущего так далеко, как это позволяет себе автор данных заметок и как это представлено в докладах исследовательской школы ИНИР им. С. Ю. Витте[10]. Однако – и это чрезвычайно важно в контексте идей новоиндустриального перехода – ее геополитэкономическая теория демонстрирует нам те закономерности развития мирохозяйственных отношений и те их современные рамки, в которых мир движется к глубоким переменам. В этом смысле

---

[8] *Бодрунов*, *С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, доп. М.; СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 328 с.

[9] Там же.

[10] *Бодрунов*, *С. Д.* Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 5–14; *Бодрунов*, *С. Д.* Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 17–21; *Бодрунов*, *С. Д.* Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. № 2 (56). С. 5–13; *Бодрунов*, *С. Д.* Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 5–11.

работа Р. Десаи описывает состояние мировой экономики в период, предшествующий переходу к НИО.2, с раскрытием тех тенденций ее развития, которые ведут к указанным переменам.

Эти перемены требуют международного сотрудничества, ибо угроза цивилизационного кризиса носит глобальный характер. Она по-разному затронет различные страны, но так или иначе коснется всех. И эта угроза чревата обострением международного соперничества, борьбой за доминирование в мировом хозяйстве, которая способна породить новые линии сегментации в мировой экономике, подрывая совместные усилия по преодолению цивилизационного кризиса.

Р. Десаи подвергает сомнению широко распространенный миф о глобальном доминировании экономики США в современном мире. По мнению автора, этот миф не только несправедлив сегодня (в его справедливости на фоне стремительного роста экономики Китая, которая по размеру ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности, обогнала американскую экономику, уже многие стали сомневаться), но и не был истинным когда-либо в прошлом. Заметим, что сегодня, в разгар пандемии Covid-19, сомнений в силе и совершенстве организации американской экономики еще больше.

Тем не менее в области мирохозяйственных отношений явно прослеживаются попытки удержать сегментацию мировой экономики на центр (лидером которого выступают США), концентрирующий в своих руках финансовые ресурсы и монополию на высокотехнологичные исследования и разработки, и периферию, уделом которой является производство, основанное на относительно более отсталой технологической базе. Однако эти попытки становятся все менее успешными. США и другие страны центра в своей политике стремятся под предлогом глобализации навязывать искусственные институциональные барьеры, препятствующие справедливому и эффективному развитию. А когда это не срабатывает, используют силовое вмешательство, чтобы удержать свою гегемонию.

В книге постулируется и последовательно раскрывается концепция «смешанного неравномерного развития» мирохозяйственной системы. И здесь мы наблюдаем явную корреляцию с марксистско-ленинской концепцией исторического развития, согласно которой страны развиваются неравномерно, а в мировой капиталистической системе всегда есть «слабое звено», которое может разорваться под напором революционно настроенных классов.

Суть концепции состоит в том, что противоречия мирового капиталистического (рыночного) хозяйства приводят к его неоднородности, гетерогенности. В этой гетерогенной, постоянно колеблющейся и видоизменяющейся системе происходят перманентные процессы обмена ресурсами между странами и регионами, что приводит к постоянному «перетеканию» экономической мощи между ними.

В результате мировая гегемония становится недостижимой даже для крупнейших держав, хотя она и выдвигается их правящими элитами как некий идеал. Любая заявка страны на мировую гегемонию очень быстро дестабилизирует систему, в ней начинаются активные перераспределительные процессы, возникают альтернативные полюса роста – итогом является ускоренное развитие тех или иных – но других! – стран, а заявка на гегемонию остается всего лишь заявкой.

В попытках удержать лидерство государства центра все более отходят от критериев экономической рациональности. Поначалу речь может идти, к примеру, о сужении поля применения экономических критериев при принятии хозяйственных решений.

И это сужение – отнюдь не утопия. Уже сейчас внушительная часть национального продукта (от трети до половины) распределяется не по экономическим или не только по экономическим критериям.

Это четко показывает наблюдаемый сегодня процесс противодействия распространению новой коронавирусной инфекции, когда экономическая рациональность, казавшаяся незыблемым фундаментом социального устройства, все чаще отодвигается на второй план. Мало того, те страны и государства, которые не следуют подобной линии поведения, оказываются аутсайдерами. Эти трансформации порождают новые геополитэкономические вызовы, а возникающие проблемы могут быть решены лишь при выработке новых моделей не только национального, но и мирового геополитэкономического устройства.

Важную роль в новом устройстве должны сыграть изменения культурного свойства, изменения самого человека. Не стоит, конечно, мечтать, что с завтрашнего дня все население Земли и элитные группировки вдруг переродятся, и *homo sapiens* превратится в *homo super sapiens*. Но объективные материальные предпосылки, задаваемые эволюцией хозяйственной системы, для этого имеются.

Высокая знаниеинтенсивность производства предполагает глубокое овладение знаниями всеми занятыми (чему активно сопротивляется мировой финансовый капитал), «ускорение ускорения» в развертывании инновационного процесса, постоянное расширение поля научных исследований и разработок. Происходит (несмотря на сопротивление) интенсификация процесса познания – одной из важнейших составных частей человеческой культуры. В перспективе это создает возможность перехода на новую ступень общественного устройства, базирующуюся на неэкономических критериях хозяйственной деятельности – ноономике[11].

Не обошла Р. Десаи и проблему устройства мировой валютной системы. Многим из нас, живущим в начале XXI в., особенно представителям молодого поколения, кажется, что определяющая роль доллара в мировой валютной системе чуть ли не естественна. Но совсем недавно, в XX в., это не было столь очевидным. Сотрясаемый двумя мировыми войнами и великими революциями, деколонизацией, созданием и распадом мировой системы социализма, мир перманентно менял актив, игравший роль мировых денег.

Вторая половина XX в. прошла под знаком усиления американского доллара, который превратился в основную валюту международных расчетов и один из ключевых резервных активов. Да, де-факто сегодня доллар – мировая валюта. Но в этом и кроется противоречие. Попытка США ориентировать мировые потоки капитала таким образом, чтобы поддержать роль доллара, извлекая из этого односторонние выгоды, может быть успешной лишь на исторически ограниченном промежутке времени.

Став глобальным, доллар оказывается жестко скованным в своем естественном развитии привязкой к национальной эмиссии. Мировая валютная система становится противоречивой и неустойчивой. На основе выполненного анализа Р. Десаи приходит к закономерному выводу, что дальнейшая судьба доллара зависит от обстоятельств, которые США уже не в состоянии контролировать.

Книга Р. Десаи актуальна во многих аспектах. Она не только задает важный импульс теоретическому осмыслению происходящих в современном мире процессов,

[11] *Бодрунов, С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

но имеет и прикладное значение. Изложенные в ней идеи позволяют под другим углом взглянуть на проблемы сегодняшней России, по-новому подойти к формированию стратегии технологического и социально-экономического развития страны.

Знакомство российских читателей, в особенности интересующихся проблематикой, исследованием которой занимается ИНИР им. С. Ю. Витте (технологическое развитие, прогресс знаниеинтенсивного производства и знаниеемкого продукта, этапы развития индустриального общества и т. д.), с книгой Радики Десаи будет весьма полезным. Эта книга во многом восполняет пробел в исследованиях института в сфере анализа современного общества, ставит множество интересных проблем и предлагает неординарные решения, побуждая к дискуссиям и размышлениям – к поиску истины.

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-194-206

R. Desai[1]

RUSSIA IN THE GEOPOLITICAL ECONOMY OF WORLD CAPITALISM[2]

This article introduces *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire* to readers in Russia on the occasion of its translation into Russian. It outlines geopolitical economy as a new approach to understanding world affairs in the age of multipolarity or pluripolarity. It is an approach that takes the contradictions of capitalism seriously, emphasises that these contradictions require that the states play critical roles in economies and the evolution of the world order of capitalism is best understood as a dialectic of uneven and combined development in which dominant states seek to dominate other states and territories so as to impose the consequences of their capitalism's contradictions on them, and many of these territories oppose this through autonomous industrializations, capitalist and, beginning with the Russian Revolution, in 'communist' ways.
The article goes on to highlight the central role that Russian history and ideas have played and can be expected to continue playing in the evolving geopolitical economy of the capitalist world and its transcendence.

Keywords: geopolitical economy, the materiality of nations, classes, states, capitalism, contradictions, uneven and combined development, Russian Revolution, multipolarity.

УДК 330.354

One of the more puzzling developments of recent times is the so-called 'New Cold War'. When the 'old' Cold War ended with the break-up of the Soviet Union, the world expected that it would become unipolar, with the United States, the sole surviving superpower, enjoying unchallenged 'hegemony', that it would enjoy a 'peace dividend' and that Russia would re-join its natural European home. None of these expectations were fulfilled. Instead, over the past three decades, the world has witnessed the opposite outcomes. Rather than unipolarity, multipolarity was heralded (most famously by Goldman Sachs economist, Jim O'Neill 2001) and then realised with the rise of China, the stabilization of the Russian Federation after the horrors of 'Shock Therapy', the rise of the other BRICs and the fissuring of the Western alliance, including in its military form of the North Atlantic Treaty Organization (NATO).

[1] *Radhika Desai*, Professor in the Department of Political Studies and Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba, President of the Society for Socialist Studies, e-mail: Radhika.Desai@umanitoba.ca.

[2] Based on the Preface to Desai, Radhika. (2013). *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press; основано на предисловии к российскому изданию: *Десаи*, *Р.* Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, Центркаталог, 2020. 328 с.

These developments posed new challenges to the United States and Western power, and the West has reacted not with a peace dividend, but with an intensification of its economic and military aggression around the world, and particularly against Russia, unsurprisingly mimicked and resisted by many other powers (see Desai 2015a).

If these developments are puzzling, it is chiefly because neither of the major approaches that have dominated our understanding of world affairs in recent decades – 'globalization' and 'US hegemony' or, in the parlance of the George Bush Jr administration, 'empire' – anticipated or can explain them. Moreover, given that such major and weighty developments do not come out of the blue, but are deeply rooted in history, these neoliberal approaches would appear to have been inaccurate all along. My recent book, *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*, now translated into Russian as *Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи*, proposes a radically different approach to world affairs – the geopolitical economy. It can explain the new Cold War and the preceding evolution of the world order of capitalism, at least since the middle of the nineteenth century. Refracted through its prism, recent developments are no longer puzzling.

Russia has been and remains historically critical to the evolving geopolitical economy of world capitalism reconstructed in *Geopolitical Economy*. Intellectually, in making Russia's singular history, its leaders operationalised and developed many of the key ideas and theories that form the necessary conceptual foundation of geopolitical economy as an approach, and we may expect Russian intellectuals to contribute to it further.

This article, which introduces you to *Geopolitical Economy,* concentrates on four elements of Russian's importance to geopolitical economy: two relate to Russia's historical role, and two to its intellectual contributions; two belong to its twentieth century past and two to its twenty-first century present.

Most critically, there is the idea of Uneven and Combined Development (UCD), essentially a dialectic of imperialism and resistance to it explained further below, which was integral to the self-understanding of the historic Russian Revolution. It forms the core of geopolitical economy. Historically, there is the October Revolution itself. It is perhaps most famous for placing a future beyond capitalism on the historical horizon of the capitalist world more effectively than ever before. Within the framework of geopolitical economy, however, Soviet Russia is also important for having pursued a new type of combined development, a non-capitalist one in contrast to that of countries like Germany and the United States in the decades before the First World War.

Moreover, Russia's historical and intellectual roles do not lie only in the past. We have already alluded to the challenge the Russian Federation poses to the United States and Western power amid the New Cold War despite the demise of the USSR. It is both military and – by challenging the supremacy of the United States dollar and hastening its demise as world money – also monetary. Moreover, as we shall see, the historical experience of a life beyond capitalism, with its limitations as well as its achievements, may well have provided the Russian people and intellectuals with a special capacity to contribute to the advance of our fast-changing world towards a future that fully realizes human potential. I hope *Geopolitical Economy* will make a distinctive contribution to that capacity, no matter how small, if only by reminding Russians of the importance of what they have done and thought so far.

In what follows, I explain geopolitical economy and its distinctiveness as an approach to understanding world affairs before going on to discuss Russia's intellectual and historical roles in the twentieth and twenty-first centuries.

Needless to say, this discussion has benefitted from the many ways in which geopolitical economy as an approach has developed since the publication of *Geopolitical Economy* in 2013. First, in 2015, the Geopolitical Economy Research Group (GERG, www.geopoliticaleconomy.org) was created at the University of Manitoba, Canada. Secondly, GERG has held three conferences: 'From the Thirty Years' Crisis to Multipolarity: the Geopolitical Economy of the 21st Century World' in 2015, 'Revolutions: A Conference' in 2017, marking the 100th anniversary of the Russian Revolution, and 'Class, State and Nation in the Twenty-First Century', the 14th Forum of the World Association of Political Economy. It has also organised many talks and working groups. Thirdly, a number of edited collections have emerged from the activities of GERG. Two volumes emerged from the first two conferences: *Russia, Ukraine and Contemporary Imperialism* (Kagarlitsky, Desai and Freeman, 2017) and *Revolutions* (Desai and Heller eds, 2020 Forthcoming). Three others, involving dozens of writers from around the world, engaged with and elaborated geopolitical economy: *Theoretical Engagements with Geopolitical Economy*; *Analytical Gains of Geopolitical Economy*; and *The Materiality of Nations* (Desai 2016a, 2016b and 2015c). Finally, the Geopolitical Economy book series with Manchester University Press has published two books – Jude Woodward's *The US vs China: Asia's New Cold War?* (Woodward 2017) and Kees van der Pijl's *MH17, Ukraine and the New Cold War* (van der Pijl 2018) – and many others are in progress, including a major work by Russian representatives of the Post-Soviet School of Critical Marxism, Aleksandr Buzgalin and Andrey Kolganov.

The Distinctiveness of Geopolitical Economy

The currently dominant approaches to understanding world affairs are cosmopolitan, that is to say, they understate, if not deny, the importance of national states and economies and assume that the world economy is a seamless whole whose division into national states and economies is, depending on the writer you are reading, undesirable, irrelevant or dangerous. In 'globalization', the world economy is unified by markets and no states matter. In 'US hegemony', or in the turbo-charged version of it that became prominent under George Bush Jr, 'empire', only the 'hegemonic' or 'imperial' country, which enforces the unity of the world economy, matters. By contrast, geopolitical economy places nation-states, national economies and their necessary plurality centre stage. It does not do so because it wishes to be narrowly national or sow divisions, but because it recognises that humanity's existing divisions are real, material and momentous. Denying them only accentuates them and acknowledging them permits us to think about how humanity can truly achieve peace, equality, prosperity, unity and, not least, ecological sustainability.

There are two reasons why the cosmopolitan approaches conceive of the world economy as a seamless whole: an intrinsic intellectual one and a political one. The intrinsic intellectual reason is that they are founded on neoclassical economics with its twin 'Ricardian fictions'. They are Say's Law and Comparative Advantage, the former accepted by David Ricardo and the latter fashioned by him. They yield a conception of capitalism that is wrong. The reasons why this wrong conception is used – and here we come to the political reason – is that it serves certain interests; it is ideological. Ideologies are not mere errors, but ones that serve the purposes of powerful actors, in this case, powerful capitalist countries against the rest of the world. By insisting that there are no gluts in capitalism, no overproduction of commodities and, by implication, of capital, Say's Law denies the key contradictions of capitalism. Comparative advantage then steps in to disguise the reality of inter-state relations in capitalism, which is conflictual and oppressive because countries with excess commodities

and capital need outlets for them with myths about free trade and capital flows being beneficial for all countries.

The reality, since the birth of capitalism, has been radically different. Capitalism's contradictions mean that powerful capitalist countries, suffering gluts of capital and commodities and needing resources and labour, have sought to dominate and exploit other societies by opening them up. An extensive literature on 'underdevelopment' since Marx and continuing into the World Systems and Dependency traditions has detailed the consequences of such opening up. On the one hand, it turns these societies into receptacles for surplus commodities and capital, resulting in deindustrialisation and/or domination of industry by foreign capital. This may be bad enough, but there is worse. Without industrialization or with only limited foreign-dominated industrialization, these countries' economies are relegated to producing raw materials at low cost (as Patnaik and Patnaik 2016 emphasise), sustaining the labour thus rendered supernumerary and supplying it to the dominant countries in the exact quantities and at the exact times required.

Given that free trade and openness have such destructive consequences where they can be imposed, it is little wonder (as Chang 2002 noted) that powerful countries have never truly practiced it. They only imposed it on societies they control, formally or informally. The result of this process has been to divide the world into the powerful countries that are able to produce goods of high value and the poor countries that remain producers of low value products. However, this process has not been one-sided. Some countries resisted it, seeking economic sovereignty through protection, national industrial and development policies and the like in a long chain of historic events going back to the time when Germany, Japan and the United States pursued their industrialization as a way of countering British world market dominance in the late nineteenth century and continuing into the multipolarity that is the talk of the twenty-first century.

In this now centuries-long process, the rhetoric of free trade and openness has served chiefly to justify formal colonial or informal subjugation of other countries. Between them, the twin Ricardian fictions obscure how capitalism's contradictions and expansionism have already broken up the world economy into numerous national states and economies whose interests are at odds with one another as powerful states pursue expansionism and others resist it as best they can.

This is the reality that geopolitical economy recognises and on which it is founded. It locates the motor, or driver, of the evolution of the world order of capitalism in the contradictions that plague its powerful national capitalisms. These contradictions then set the agenda of their domestic policies and their interaction with the rest of the world through actions that largely fall under the rubric of imperialism. These contradictions were, of course, most extensively explored and analysed by Karl Marx and his followers.

However, there are also other extensive bodies of thought that precede and follow neoclassical economics (which most systematically denies any contradictions, as we have discussed) that can contribute to our understanding of these contradictions and, thus, of geopolitical economy. There was, firstly, classical political economy – the largely bourgeois intellectual enterprise of trying to make sense of the emerging capitalist society. It too wrestled with capitalism's contradictions – whether its exponents complained of gluts of goods and clamoured for colonies or of falling profits. (They also clamoured for colonies in order to export the surplus population which, as Marx pointed out, capitalism always produces, leading to the settler colonialism that populated four more continents with populations of European extraction).

Through his engagement with classical political economy, Marx resolved its difficulties and produced a stunning indictment of capitalism. Only then did neoclassical economics emerge to defend capitalism on the flimsy basis provided by the twin Ricardian fictions mentioned above. While, naturally, it soon became the favoured approach to understanding the capitalist economy in the homelands of capitalism, even there it soon faced powerful new intellectual challenges. Major figures, such as John Maynard Keynes, Thorstein Veblen and Karl Polanyi, rejected neoclassical economists' view of capitalism and considered capitalism inherently contradictory and, therefore, expansionist.

While geopolitical economy thus draws on non-Marxist as well as Marxist traditions, it also distances itself from the forms of Marxism that result from the interaction of Marxism with neoclassical economics. They have unfortunately become quite influential among Marxists even though they contest the core of Marx's analysis and/or reject key contradictions of capitalism which he identified (Desai 2016c). Some of them regard imperialism as historically real, but not theoretically connected to capitalism – saying essentially that while imperialism "can and does happen and it does aid capitalist accumulation … it is not required by the logic of capitalism" (Zarembka 2003, 8). Others analyse imperialism, but without recourse to Marx's value analysis of capitalism. The result has been that many scholars in left circles either naturalise the world's division into rich and poor countries (rather than seeing that it is the result of capitalism and its dynamics) or try to understand imperialism without the application of Marxist theory (This intellectual evolution among Marxist economists is discussed fully in Desai, 2020 forthcoming). These currents represent a sharp break from the vast literature on the theoretically necessary relationship between capitalism and imperialism going back to Marx and Engels themselves, the classical theories of imperialism of such Marxists as Hilferding, Bukharin, Lenin and Luxemburg and theories of social liberals like John Hobson.

Geopolitical economy rejects the first tendency and, while benefitting from the contributions of the second, ploughs a new and different furrow. Whereas most left writing on imperialism treats it as an unchanging structure, a core proposition of geopolitical economy is that imperialism has gone through a clear trajectory, first rising to its peak on the eve of the First World War and then entering a long decline that led to contemporary multipolarity, though not without important reverses. . Formidable as it is with its subjugation of all-too-many countries and peoples and exaction of untold human and material costs, imperialism meets with resistance both from rival powers and from its victims. Indeed, imperialism reached its high noon when the dominant imperialism of Britain had to contend with rivals. The combined development of Britain's rivals led to intense competition for colonies because at the time there were still weak states and state-less territories that could be conquered or otherwise subjugated. This competition culminated in the First World War. Imperialism's long-drawn-out and still ongoing decline began here. To be sure, this decline was accompanied by great and murderous violence and wars, not least because established structures of power do not take their decline with equanimity, but fight it. The First World War inaugurated the Thirty Years' crisis of 1914-45, including the Second World War, with an umbilical link joining the two. Since then the long-drawn-out decline of imperialism witnessed the wars of the Cold War and then the New Cold War.

This violent resistance to its decline could not, however, hide the recession of imperial power. The Thirty Years' Crisis was bookended by the Russian Revolution and the Chinese Revolution that was in good part inspired and supported by its Russian predecessor (Cheng and Yang, forthcoming 2020). Allied victory in the Second World War would not have been

possible without the Soviet Union's tremendous contribution in material and lives, which was possible only thanks to its inter-war industrialization despite ongoing efforts of the imperial powers to impede it. And Soviet support was also critical in the long process of decolonization that issued out of the end of the Second World War and the Thirty Years' crisis of imperialism and ended formal colonialism, though not without considerable rear-guard action from the imperial powers. And, under Soviet leadership, the Communist Bloc now subtracted vast territories and populations from the capitalist world. It is little wonder, then, that the 'Cold War' began almost before the Second World War ended, with the United States bombing of Hiroshima and Nagasaki not so much to end the war as to signal to the Soviet Union that the United States now possessed weapons able to wreak hitherto unimaginable destruction (Desai and Heller 2019).

While the economic performance of the decolonized Third World did not live up to expectations, the regained policy autonomy of these countries did lead to sufficient growth in a sufficient number of countries to justify the notion of the 'rise of the rest', particularly the BRICs countries led by China. As already mentioned, the current economic and military aggression of the US and the West is itself a reaction to this decline and loss of power and to the West's reluctance to recognise, let alone accept, it.

We are now ready to understand the four major ways in which Russia (pre-Soviet, Soviet and post-Soviet) has contributed to the historical evolution of the geopolitical economy of world capitalism and to geopolitical economy as a theoretical approach.

From Theorising Revolutionary Practice to Geopolitical Economy

Students of international relations, in the English-speaking West at least, are taught that the modern discipline of international relations emerged after the First World War when United States President Woodrow Wilson announced his famous Fourteen Points to ensure peace at the end of the war. These points, students are told, with their call for 'open covenants openly arrived at' and self-determination, at least in Europe, were too 'idealistic' and failed. After the end of the Second World War a new 'realism' appeared. The story of international relations is then told as an ongoing contest between its 'idealist' and 'realist' schools.

Critical writers at the time – Thorstein Veblen and Karl Polanyi (Veblen 1919, Polanyi 1944/1957, 22) come to mind – pointed out that Wilson was not actually idealist in the sense of wanting a peaceful world but politically ambitious to the point of hubris. He wanted a world pacified by the United States, which is an entirely different matter. However, even they did not point out, as Arno Mayer (1959, 265) did, that Wilson's Fourteen Points were themselves a response to, and a much diluted form of, the Bolshevik peace decree, with its demand for self-determination of the colonies and an end to annexationism and its publication of the secret annexationist treaties between the allied powers. It proved so popular across Europe among its war-weary population, that Wilson had to do his best to respond.

Moreover, the first theories of modern, capitalist, international relations already predated the war. The classical Marxist theories of imperialism were nothing if not theorization of relations between capitalist states based on an understanding of capitalism as contradictory value production and the international expansionist imperatives it generated for the states in which it developed. Most of them also paid particular attention to the new stage of development that capitalism had arrived at – which Hilferding called finance capital, Bukharin, nationalized capital and Lenin, monopoly capital – and stressed the intense competition it generated between capitalist states for colonies. There is no better theoretical understanding for the

genesis of the First World War (as Hobsbawm 1989 shows). These works, not Wilson's alleged 'idealism', were the first theorizations of modern, capitalist, international relations.

Not only were two of these works authored by Russians, the ideas in these works were deeply imbricated in Russian and Soviet history. As is well-known, the first revolution against capitalism took place not in one of Europe's most advanced capitalist countries, as Second International Marxism expected, but in one of its laggards. It was not, however, difficult to go beyond the Second International's understanding, so focused on Western Europe, by reaching into Marx's own *oeuvre.* The Bolsheviks did just that through the kindred concepts of Permanent Revolution and the broader concept of Uneven and Combined Development. The latter was, for Trotsky, the fulcrum of his understanding of the Russian Revolution in his famous history (Trotsky, 1934).

As *Geopolitical Economy* shows, this concept was rooted in the works of Marx and Engels themselves and shared widely among the Marxists of Lenin's and Trotsky's generation. Since their time, however, the concept has largely been forgotten among Marxists. Most neither know nor use the term. Of the minority who do, most use the truncated formulation, 'uneven development', to refer to imperialism, excising combined development and, therefore, any possibility of resistance to, and change in, the structures of imperialism. This implies that imperialism is largely unopposed and unchanging. Some others use the full term 'uneven and combined development', but confine the latter part of the term to the inert coexistence, in subordinated or backward societies, of advanced and backward elements – picture a modern oil refinery amid fields cultivated by oxen – again without any dynamic implication of resistance to imperialism. Finally, an even smaller number do use UCD to refer to both imperialism and resistance to it in a dynamic and dialectical manner. However, they confine its meaning to attempts to build socialist societies in backward countries.

Against these trends, *Geopolitical Economy* rescues the term from the condescension of recent intellectual generations to return to it the meaning that Trotsky and other Marxists and Bolsheviks of his generation gave it and the interpretation Marx and Engels's anticipations of the concept supported. In their interpretation, UCD referred to the dialectic between imperial subordination and resistance to it and was pregnant with more meaning. It gave birth to an understanding in which not classes alone but nations too were among the principal *dramatis personae* of the world revolution. This is the conception that *Geopolitical Economy* develops.

According to it, capitalist development is uneven, developing first in some parts of the world. Capitalism's contradictions and its consequent expansionism make such uneven development fateful for the rest of the world. Much of it succumbs and is formally or informally colonized by the more developed capitalist powers so they can externalize their contradictions. They aim to establish relations of *complementarity* between their own advanced economies, producing high value manufactured goods, and the economies of the rest of the world, which must be kept producing low value primary commodities or cheap manufactures, supplying labour on tap and prevented from industrialising more independently and fully.

Facing sure economic ruin, countries threatened with subjugation resist, if they can, by engaging in combined development. Trotsky was never happy with the term, but it was clear that it referred to state-led development employing the whole array of means – protection, industrial policy, planning and the rest. Its aim is to establish relations of *similarity* with the advanced economies so as to increase domestic productive power and prosperity and reduce their subordination. In this process, 'backward' nations may enjoy certain advantages, such as being able to industrialise with the latest technology, while the most advanced countries may be laden down with obsolete technology as the legacy of their early lead.

Attempts at combined development may fail. However, without them, no society can escape subordination (as Amsden 2007 pointed out). Russian emigre' intellectual Alexander Gerschenkron brought this idea to the mainstream of academic thinking in the United States in the form of ideas of 'late development' and 'the advantages of backwardness'. He neglected, of course, to reveal its Marxist and Bolshevik heritage (as Marcel Van der Linden 2012 pointed out).

The Russian Revolution in the World Revolution

This understanding of UCD has several implications. A major one is that productive capacity has spread in the world through successful combined development alone, not through markets or some 'purely economic' spread of capitalism and imperialism, as the cosmopolitan approaches discussed above imply.

Another is that the idea of UCD permits us to place all instances of successful development in a single frame and see them in their variety. In the industrialization of Germany, Japan and the United States against British industrial primacy in the late nineteenth and early twentieth centuries, these attempts took capitalist forms. However, beginning with the Russian Revolution, the world witnessed combined development also in non-capitalist, 'Communist' forms. In the cases of the Soviet Union as well as the People's Republic of China, these forms demonstrated far more formidable capacities, lifting far poorer societies from poverty and developing their productive capacities to levels that were, or could be expected to be, comparable to those of the capitalist West. They also represent the first time when combined development reached countries fated to remain outside the capitalist core. The Russian Revolution marked, in these ways, a turning point.

UCD has also been vindicated by more recent work on the more successful instances of development in the post Second World War period, such as South Korea and Taiwan (Amsden 1992 and Wade 1990). It can also be seen at work in the struggles of Bolivarian Venezuela, where the very radicalism of the attempt to resist imperialism has made it the target of some of the most vicious imperialist aggression, both economic and military. Indeed, Hugo Chavez made a critically important point when he coined the term 'pluripolarity' as preferable to multipolarity, indicating that the multiplying poles of economic power should also be understood in their great variety of political and economic forms.

Finally, in advancing multipolarity, the struggle between nations that constitutes UCD plays a central role in advancing world revolution. Contrary to the dominant understanding that often pits nation against class, the unfolding of UCD in favour of countries outside the capitalist core has a complex relation with the cause of working classes, both within and outside the core. Both can advance at the same time. In the case of the Russian, Chinese, Vietnamese or Cuban revolutions, whose combined development is socialist in orientation, the role of UCD in advancing revolution is clear enough. However, the advance of multipolarity even in capitalist forms narrows the choices for capitalists in capitalism's imperial core. There is less room for them to externalize the consequences of capitalism's contradictions. They must now be dealt with internally, and this can often advance the cause of the working classes of both imperialist and anti-imperialist countries.

Let us consider one example, which concerns one of the major contradictions of capitalism, – the paucity of demand. Historically, formally and informally colonised countries have served the advanced countries as markets. As long as there were colonies, capitalist ruling classes could get away with keeping working class incomes and consumption to a minimum so as to keep their goods competitive on the world market. However, with the onset

of decolonization, advanced countries' access to colonial markets was reduced. It was no coincidence, therefore, that they had to expand their domestic markets, and this could only be done with a massive and substantial increase in working class incomes and consumption through full employment policies and welfare states, which were added to the other tools of combined development, such as protection and industrial policy.

The expansion of working-class consumption laid the foundation of the 'golden age', the most sustained growth the capitalist world and the West had witnessed. The reason had everything to do with the rollback of imperial power. With fewer colonial markets to rely on, major capitalist powers had to rely on demand from their own working masses (see Desai 2015b). At the same time, decolonization also increased growth in the former colonies. This made room for, though did not ensure, advances in the income and consumption of working people there (for instance, independent India broke the stagnation of colonialism, as shown in Nayyar 2006). The extent to which this potential was realised would depend on the balance of class forces between capitalist and propertied elites on the one hand and workers and peasants on the other.

This is just one illustration. There are many aspects to how advancing multipolarity and popular struggles can advance the prospects of transcending capitalism's injustices, anarchy and irrationality (many of them yet unanticipated) that form an agenda for future research. What are the other ways in which advancing multipolarity will narrow the options of capital? How exactly, if at all, will this expand opportunities available to working classes in the imperial and other countries? How can working people construct solidarities across the imperial divide to advance their interests? Does the development of (relatively) independent capitalisms in hitherto subordinated countries, such as India or Brazil, and in Russia, merely narrow the options of advanced country capitalists, or do they also complicate the advance of popular interests in these countries? How do reforms that such narrowing of capitalist options necessitates change the capitalist state's international personality and actions? The list is long.

Answering these questions will further develop geopolitical economy, and this is a necessary task. For now, we can safely say that if and when the world looks back on how humankind transcended capitalism and its inseparable integument, the Russian Revolution (the demise of the Soviet Union notwithstanding) will surely mark the beginning of that process.

Russia's Contribution to Multipolarity, particularly De-dollarization

Moreover, if current developments are any indication, Russia's role in advancing multipolarity is unlikely to be confined to this history. Indeed, it had not begun there: the industrialization efforts under Prime Minister Sergey Witte in the last decades of Imperial Russia may not have been spectacularly successful, but they are part of the history of attempts at combined development. Moreover, the challenge of re-industrializing Russia is making itself felt, both to the Russian government administration and to Russia's critical thinkers.

To be sure, these efforts face formidable internal obstacles, thanks to the oligarchical structure and natural resources focus the Russian economy acquired under the 'Shock Therapy' method of transition. However, the urgency of reindustrialization is being underlined, as Russia today seeks to preserve its policy-autonomy and security against an increasingly aggressive West, with its military provocations and economic sanctions. In resisting this pressure, Russia is probably playing a critical role in the further unravelling of imperialism, notwithstanding its considerable integration with the West economically, especially since the demise of the Soviet Union.

As *Geopolitical Economy* argues, theories of US hegemony/Empire as well as 'globalization' have been simply the ambitions of US political and business elites dressed up as theory. Since the early twentieth century, these elites have worked to secure for the United States the sort of dominance Britain enjoyed in the nineteenth century. However, even then it was clear that, despite the most zealous efforts, the United States could not match the scale of British nineteenth century dominance. Amid already far advanced multipolarity and rising nationalism, it could never secure the sort of empire Britain had. So United States ruling and policy-making elites settled instead on what they considered a lesser goal, a sort of 'dominance lite': they would seek to make the dollar the world's currency, as sterling was, and New York the world's financial centre, as London was.

Of course, what they overlooked was that the British Empire was the *conditio sine qua non* of sterling's and London's dominance. Their dominance rested on Britain's ability to transform colonial surpluses extracted from her non-settler colonies, such as India or the Caribbean, into the capital which Britain exported to her settler colonies, including the former settler colony that was the United States. This was how she provided the world with liquidity. Without an empire, the United States could not supply the world with liquidity by exporting capital. Indeed, the United States has been throughout its history, and remains, a sinkhole for capital. The alternative, the one the US followed – to furnish the world with liquidity by running current account deficits – was subject to the famous Triffin Dilemma: the greater the liquidity supplied by these means, the lower the dollar's value plunged, reducing the rest of the world's willingness to hold it, thus undermining its world role.

While *Geopolitical Economy* deals with the vicissitudes of the dollar in greater detail, for our purposes it is enough to note that, as the world demanded gold over devalued dollars, the US 'closed the gold window', effectively refusing to back the dollar with gold in 1971. Thereafter, the dollar's world role has required creating an artificial demand for dollars by inflating a series of increasingly larger, more dangerous and volatile financial asset bubbles, the largest of which burst in 2008. In its aftermath, the dollar's world role has been questioned. More and more countries are seeking alternatives to it, and Russia – by shifting to gold in its reserve accumulation, by concluding agreements with other countries to accept each other's currencies in international payments and by seeking to devise alternative payments systems – is leading the way in this process. The advance of this process, which can only spell the end of United States dominance and deepen the fissures between the U.S., Western Europe and Japan, is a critical part of the story of imperialism's decline.

Russian Critical Thought

Finally, we can expect Russia and Russian intellectuals to be involved in the further unfolding of the discourse of *Geopolitical Economy* through the development of its critical thinking. While Soviet official Marxism has largely been dismissed as devoid of intellectual significance (a denaturing of Marxism so it could serve as a mere ideological tool), critical and intellectually fecund currents of Marxism also emerged in the Soviet Union, and they have left important legacies. There is also the legacy of both pre- and post- Soviet Marxism that is intellectually significant. Some of the more important representatives include members of the Post-Soviet School of Critical Marxism, such as Alexander Buzgalin, Andrei Kolganov and Lyudmila Bulavka, who deploy the philosophical insights of major Soviet era intellectuals with those of contemporary Western thinkers to understand contemporary capitalism and its culture; Boris Kagarlitsky, Ruslan Dzarasov and Oleg Barabanov, who employ political, economic and historical assessments in their critical analysis of Russia's political economy

and the possibilities for progressive politics$ and researchers working at S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, which, under the leadership of Sergey Bodrunov, is pioneering work on Noonomy and Russian re-industrialization. The insights of these scholars are inseparable from Marx's understanding of history as the advance of the forces of production. In contributing to the conversation about their country's future, as it once again confronts imperial powers, they can be expected to develop lines of thought that will surely be compatible with geopolitical economy and may even develop it further.

However, there is more. Beyond Marxism or any theory, there is the legacy of the Soviet period as an experience of living outside capitalism. During that time, for all its problems, Soviet citizens could take for granted a many-sided social life in contrast to capitalist societies where most of it tended to be reduced to the infernal 'cash-nexus'. They had the experience of relative equality and shared a belief in the illegitimacy of inequality. The popular public life, buildings, spaces and institutions had a certain grandeur (compare the Moscow subway system, for instance, to New York's), while their Western counterparts suffered the syndrome of 'private affluence, public squalor' that John Kenneth Galbraith lamented. This legacy cannot fail to infuse Russians' thinking about their own society and its future and thereby contribute to that of the entire humanity. Moreover, Russia has also played host to some of the most profound debates on the challenges posed by capitalist modernity, whether it concerned the matter of industrialization in Imperial Russia and again in post-Communist Russia or the matter of whether Russia could take a 'peasant' road to socialism or that of the integration of nationalities.

As Russians, like other peoples around the world, seek a way out of the ravages of capitalism, I hope that this article and, at a more profound level, *Geopolitical Economy* contribute, however modestly, to their endeavours, not least by stirring their memories and hopes.

References

Amsden, Alice. 2007. *Escape from Empire: The Developing World's Journey Through Heaven and Hell*. Cambridge, Mass: MIT Press.

Amsden, Alice H. 1992. *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. New York: Oxford University Press.

Chang, Ha-Joon. 2002. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem.

Cheng, Enfu and Jun Yang. 2020. 'The Chinese Revolution and the Communist International'. *Third World Quarterly*, Special Issue of Revolutions, expected date of publication, 2020.

Desai, Radhika. 2015a. 'Is there a new Cold War?' Keynote presentation at the 20th International Rosa Luxemburg Conference, 10 January 2015, available at *Defend Democracy Press* http://www.defenddemocracy.press/1738/

Desai, Radhika. 2015b. 'Look Back in Hope? Reassessing Regulation Theory'. Kees Van der Pijl (ed) *The International Political Economy of Production*. Cheltenham, Edward Elgar. 2015.

Desai, Radhika. 2015c. *The Materiality of Nations in Geopolitical Economy.* Symposium in *World Review of Political Economy on Geopolitical Economy*. Volume 6, No. 4, Winter 2015.

Desai, Radhika. 2016a. *(edited) Theoretical Engagements in Geopolitical Economy,* Volume 30-Part A, Research in Political Economy, Bingley: Emerald, 2015.

Desai, Radhika. 2016b. *(edited) Analytical Gains in Geopolitical Economy:* Volume 30-Part B of Research in Political Economy, 2015, Bingley: Emerald, 2016.

Desai, Radhika. 2016c. “The Value of History and the History of Value.” In *The Great Meltdown of 2008: Systemic, Conjunctural or Policy-Created?*, edited by Turan Subasat. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.

Desai, Radhika. 2020. ‘Marx’s Critical Political Economy, ‘Marxist Economics’ and Actually Occurring Revolutions against Capitalism’, *Third World Quarterly*, Special Issue of Revolutions, expected date of publication, 2020.

Desai, Radhika and Henry Heller. 2019. ‘Cold War’. Immanuel Ness and Zak Cope, *The Palgrave Encyclopedia of Imperialism and Anti-Imperialism*. London: Palgrave.

Desai, Radhika and Henry Heller (eds). 2020, forthcoming. *Revolutions*. *Third World Quarterly*, Special Issue.

Hobsbawm, Eric. J. 1989. *Age of Empire: 1875–1914*. London: Vintage.

Kagarlitsky, Boris, Radhika Desai and Alan Freeman. 2016. *Russia, Ukraine and Contemporary Imperialism, Special issue of International Critical Thought*, Vol 6, no. 4.

Mayer, Arno. 1964. *Wilson vs Lenin: Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918*. New York: H. Fertig.

Nayyar, D. 2006. ‘Economic growth in independent India: Lumbering elephant or running tiger?’, *Economic and Political Weekly* (15 Apr.): 1452–3.

O’Neill. Jim. 2001. Building Better Global Economic BRICs. Global Economics Paper No 66. New York: Goldman Sachs.

Patnaik, Utsa and Prabhat Patnaik. 2016. *A Theory of Imperialism*. New York: Columbia University Press.

Polanyi, Karl. 1944/1957. *The Great Transformation*. New York: Beacon Press.

Trotsky, Leon. 1934. *The History of the Russian Revolution*. London: Gollancz.

van der Linden, Marcel. 2012 Gerschenkron’s Secret: A Research Note, *Critique: Journal of Socialist Theory*, 40:4, 553–562.

van der Pijl, Kees. 2018. *Prism of Disaster: MH17, Ukraine and the New Cold War*. Manchester: Manchester University Press.

Veblen, Thorstein. 1919. “Peace”. The Dial. Vol. LXVI, May 17, 1919, 485–487. http://de.geocities.com/veblenite/txt/peace.txt

Wade, Robert. 1990. *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton, N.J: Princeton University Press.

Woodward, Jude. 2017. *US versus China: Asia’s New Cold War?* Manchester: Manchester University Press.

Zarembka, P. “Lenin as economist of production: A Ricardian step backward.”
Science & Society Vol. 67, No. 3 (2003): 276–302.

Р. Десаи. Роль России в геополитэкономии мирового капитализма. Представлены основные положения недавно переведенной на русский язык книги «Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи». Излагаются принципы геополитической экономии как нового подхода к осмыслению международной ситуации в эпоху многополярности. В рамках данного подхода дается оценка присущих капитализму противоречий. Подчеркивается, что государство играет определяющую роль в разрешении этих противоречий. Эволюция капиталистического миропорядка рассматривается как диалектика неравномерного и комбинированного развития, при котором ведущие страны стремятся навязать последствия накопившихся противоречий капиталистического строя и контролировать менее развитые страны и территории. Многие государства противостоят гегемонии ведущих экономик, осуществляя самостоятельно индустриализацию страны и выбор пути развития – капиталисти-

ческого или, начиная с революции 1917 г. в России, коммунистического. Подчеркивается роль российской истории и идей российских ученых в развитии геополитической экономии капиталистического мира и его трансцендентности.

Ключевые слова: геополитическая экономия, роль национальной обособленности, классы, государства, капитализм, противоречия, неравномерное и комбинированное развитие, революция 1917 г., многополярность.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ ДЖ. КОМЛОСА

В мире разворачивается широкая дискуссия по проблеме преподавания экономической теории. В «Журнале экономической теории» (Питтсбург, Пенсильвания), издаваемом под эгидой Американской экономической ассоциации, готовится к публикации статья Самуэля Боулза и Венди Карлин «Содержание курса введения в экономику: время перемен». Авторы обосновывают необходимость внесения изменений в базовый курс экономики с учетом новых проблем (роста неравенства, изменения климата и финансовой нестабильности мировой экономики), использования ранее не имевшихся в распоряжении экономистов методов (анализа стратегического взаимодействия, теории принципала-агента, поведенческих исследований, диагностики нестабильности и пр.).

Авторы статьи Самуэль Боулз и Венди Карлин в составе группы ученых подготовили новый учебник «Экономика» (*Bowles, S., Carlin, W. and Stevens, M.* (*2017*). *The Economy. Oxford: Oxford University Press*), в котором в доступной форме излагаются принципы применения перечисленных методов.

В статье Боулз и Карлин разъясняют свою позицию по некоторым аспектам нового подхода, который они полагают «парадигмальным сдвигом» в преподавании экономики. Редакция журнала «Экономическое возрождение России» положительно оценивает предложенные авторами подходы к преподаванию экономических дисциплин. Тем не менее, мы поддерживаем мнение о необходимости внесения некоторых уточнений и разъяснений, не содержащихся в этом фундаментальном труде. Более того, в статье, к сожалению, не рассматриваются принципиально важные вопросы. В связи с этим редакция считает целесообразным, отсылая заинтересованного читателя к упомянутой статье, опубликовать рецензию нашего коллеги, одного из авторов нашего журнала, почетного профессора Мюнхенского университета Дж. Комлоса, существенно дополняющую предлагаемый «парадигмальный сдвиг».

Дж. Комлос не ограничивается критикой нестыковок в теории и примеров неудачного применения научно обоснованных рекомендаций на практике, он предлагает развернутую программу модернизации курса экономической теории. Программа состоит из 44 пунктов и построена на результатах авторских исследований и глубоком научном анализе позиций авторитетных ученых-экономистов, представляющих разные научные школы. Концепция Комлоса ориентирована на формирование комплексного, сбалансированного представления о механизмах функционировании экономической системы.

В силу значительного объема статьи и невозможности ее публикации в одном номере журнала мы разделили ее на две части. В этом номере публикуется первая часть статьи, а в следующем – ее окончание. Надеемся, что данная работа вызовет интерес читателей и приведет к позитивным изменениям в отечественной программе научных экономических исследований и в преподавании экономической теории в российских университетах.

Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»

DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-208-220

Д. Комлос[1]

ПОРА МЕНЯТЬ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ЭКОНОМИКИ[2]

Боулз и Карлин убедительно обосновывают необходимость модернизации содержания вводного курса экономики с включением в него научного аппарата, наработанного за последние тридцать лет. С их точки зрения, популярные учебники по экономике утратили свою актуальность. Боулз и Карлин выступают за использование в качестве базового учебника «Экономика», в составлении которого они принимали участие. Я разделяю эту точку зрения, однако, на начальном уровне предлагаю познакомить студентов еще с рядом концепций в целях формирования сбалансированного представления о функционировании экономической системы и грядущих вызовах.

Ключевые слова: проблемы преподавания экономики, вводный курс, базовый учебник, экономическая система, вызовы.

УДК 330.354

Введение

В статье, которая готовится к публикации в «Журнале экономической литературы», Сэмюэль Боулз и Венди Карлин убедительно доказывают необходимость внесения изменений в содержание курсов введения в экономику. Основной посыл их блестящей работы, хоть и с запозданием, приобретает широкую популярность – и не только в академических кругах [1–21]. Предлагаемые Боулзом и Карлин изменения назрели давно. С начала экономического кризиса, застигшего представителей мейнстрима врасплох, прошло более десяти лет, и мы больше не можем игнорировать масштабные политические, экономические и социальные конфликты, которые продолжают оказывать значительное влияние на глобальные процессы. Большинство этих конфликтов стали результатом начавшегося при Маргарет Тэтчер и Рональде Рейгане активного внедрения ультранеолиберальной экономической политики Милтона Фридмана и Фридриха фон Хайека, апогеем которой стал глобальный финансовый кризис 2008 г. [22–33].

В наши дни широко признается, что разрушение либерально-демократического консенсуса и подъем авторитета политических партий и фракций правого крыла стали следствием продолжительного господства идеологии *неограниченной свободы предпринимательства*, безоглядного прославления экономистами неоклассического направления маниакальной приоритезации методологического индивидуализма в ущерб социальному благосостоянию даже при наличии доказательств, опровергающих их тезис

[1] *Джон Комлос*, заслуженный профессор, Университет Мюнхена, e-mail: John.Komlos@gmx.de

[2] Окончание статьи будет опубликовано в следующем номере. При ссылке на вопросы из второй части (пп. 16–44) указано – ч. 2.

[34, 35]. Данный вопрос изучали сотни исследователей, однако наиболее убедительным в своем красноречии оказался Майкл Сандел из Гарвардского университета, которого считают «самым известным политическим философом своего поколения» [36]. Он подчеркивает, что из-за «провала технократического либерализма» для «демократии настали трудные времена». Технократы, к которым, по всей видимости, относятся и экономисты неоклассического направления, игнорировали «опасения, разочарования и законные недовольства» значительной части электората и «оставались глухими к возмущениям людей, считавшим, что экономика и культура отбросили их на обочину». И правда, «проблема заключается не только в стагнации заработной платы и потере рабочих мест, но и в утрате общественного признания. Здесь мы имеем в виду не только несправедливость, но и унижение» [36, 37].

Решающую роль в насаждении идеологии свободного рынка сыграли учебники по экономике и составленные на их основе образовательные курсы. Кульминацией стал «неслыханный по своим масштабам политический провал» [36]. Дело в том, что многие десятилетия по этим учебникам учились десятки миллионов студентов. Из своих курсов они усвоили идеи, на которых основывали свои решения годы спустя, действуя как граждане, чиновники или политики. Они считали, что рынки работают безошибочно, если правительства не вмешиваются в их деятельность; что налоги вредны, а конкуренция хороша; что свободная торговля – это лучший выбор для Америки, а вмешательство правительства в рынки всегда малоэффективно. Эта идеология способствовала укреплению экономического фундаментализма, что породило политическую атмосферу, подрывающую общественный договор и социальную сплоченность – саму основу политической системы, важнейший компонент беспроблемно функционирующей экономики.

Боулз и Карлин (далее – Б. и К.) подтверждают, что существующие учебники устарели и не отвечают на запросы студентов. Кроме того, авторы предлагают отличное обоснование обновления учебной программы, основанной на «новых вопросах», которые стоят перед студентами и широкой общественностью в развитом мире, в том числе на таких, в которых в наше время «должен разбираться каждый студент-экономист»[1]. В гиперглобализированном мире XXI в. после финансового кризиса студенты ожидают от курсов введения в экономику охвата таких тем, как «растущее экономическое неравенство, изменение климата, проблема труда в будущем и финансовая нестабильность» [38, с. 1].

Более того, они считают, что «у нас есть все инструменты, необходимые для рассмотрения этих проблем, в том числе проблем стратегического взаимодействия, ограниченной информации, принципал-агентской модели, новых принципов поведения и динамических процессов, а также проблем нестабильности и зависимости от пути развития...», и эти инструменты могут «вдохновлять сердца и умы наших студентов...» Вне всякого сомнения, эти инструменты были доступны не одно десятилетие. Б. и К. подвергают критике три популярных учебника, написанных Мэнкью, Самуэльсоном и Нордхаусом, а также Кругманом. Они подчеркивают: «… в том, чему мы учим наших первокурсников, есть нечто в корне неверное». Кроме того, они знакомят читателей с важным новым вводным учебником, который имеется в открытом доступе в Интернете, – *The Economy* (Team, 2017).[2] В этот проект внесли свой вклад многие экономисты, в том числе Б. и К.

Б. и К. советуют сосредоточиться на основных мировых проблемах. У них есть два блестящих довода в пользу реформирования вводного курса экономики: а) обраще-

ние к текущим проблемам студентов, как это было в новаторском учебнике Самуэльсона (1948 г.); б) модернизация курса на основе передовых исследований последних десятилетий, которые стандартные учебники обычно игнорируют. Я согласен с их доводами и добавлю, что важно не вводить студентов в заблуждение относительно возможностей неоклассической экономики решить проблемы нашего времени. В этой связи процитирую широко известное вступительное слово лауреата Нобелевской премии по физике Ричарда Фейнмана (1918–1988) в Калифорнийском технологическом институте. В своем выступлении он умолял выпускной класс практиковать «научную достоверность», «абсолютную честность», а также «учитывать весь спектр вариантов», чтобы не «обманывать самих себя» (и, конечно, других) [39, с. 11]. Я считаю, что это справедливо и для экономистов-теоретиков [40, 41].

Студенты с самого начала должны четко осознавать различия между реальным и теоретическим рынками, которые они, как я полагаю, обычно не понимают. Например, когда Самуэльсон и Нордхаус делают вывод о том, что «свойства рынков в отношении их эффективности поистине удивительны», они не делают никаких оговорок, поэтому их утверждение вводит читателей в заблуждение [42, с. 164]. Мы не найдем упоминаний о проблемах рынка и в формулировке Мэнкью: «Эта невидимая рука все преображает к лучшему» [43, с. 9]. А ведь десятилетия назад многие экономисты получали нобелевские премии именно за то, что они подчеркивали важность несовершенных рынков. Таким образом, эти формулировки не проходят проверки Фейнмана. Противоречат они и утверждению Джозефа Стиглица, высказанному в рамках Нобелевской лекции: «… причина, по которой рука может быть невидимой, заключается в том, что ее вообще нет...» [44]. Очевидно, что Мэнкью не смог «сделать все от него зависящее», чтобы не ввести студентов в заблуждение, поскольку идеальные рынки не должны являться базовой моделью.[3] Эти ложные формулировки обычно встречаются в традиционных учебниках, и именно против них предостерегают Б. и К.

Предоставление студентам заведомо ложной информации, по Фейнману, противоречит кодексу профессиональной педагогической этики. Об этом он и предупреждал выпускников: «Нельзя обманывать обывателей, когда вы выступаете в качестве специалиста» [39, с. 12]. Следовательно, петь дифирамбы рынкам, существующим только на бумаге, безответственно, поскольку это обеспечивает поддержку господствующей идеологии о рынках, которые могут выполнять для общества всю тяжелую работу и не нуждаются в социальном надзоре. Это также означает, что общественность, средства массовой информации и политики не получают достоверной информации о реальном положении дел в экономике [27–29]. Другими словами, самые популярные типовые учебники не следуют принципам Фейнмана и не дают ясных и подробных разъяснений по поводу ограничений, которыми пестрят теоретические модели. Следовательно, нужно быть гораздо более осторожными, определяя обстоятельства, при которых модели корректно применяются в реальном мире. Без таких разъяснений нынешние учебники в большинстве своем не дают достаточно точного понимания реальных экономических процессов.

Как видим, Б. и К. приводят убедительные доводы в поддержку своей позиции. Однако моя задача – не только похвалить их статью, но и, следуя принципам Фейнмана, указать на 44 важнейших вопроса, которые рассмотрены недостаточно подробно. Б. и К. считают, что выдвигают новую парадигму, но я бы сказал, что в их статье отражен половинчатый парадигмальный сдвиг. Зададимся вопросом: что из себя представляет вторая половина изменений в парадигме? Подчеркну, что здесь я имею в виду не сам

учебник, являющийся плодом труда данных авторов, а их доводы, изложенные в статье. Вопросы, детально рассмотренные, обсуждаться не будут. Я не буду обсуждать поведенческую экономику или финансовый кризис 2008 г., несмотря на то что большинство обычных учебников не позволяют составить адекватное представление по этим темам. Данная статья представляет собой дополнение к статье Б. и К. из «Журнала экономической литературы». По моему мнению, Фейнман выступал бы за то, чтобы вторая половина парадигмального сдвига включала концепции, рассмотренные далее.

1. Хотя Б. и К. включают в свое повествование тему асимметричной информации и обсуждают «стратегические» социальные взаимодействия, нет никаких доказательств того, что к этим темам относится *оппортунистическое поведение* (намеренное введение в заблуждение или манипулирование). Действительно, рынки не только предоставляют свободу добродетельным законопослушным гражданам, но и открывают множество возможностей для недобросовестных субъектов, которые без всякого стеснения эксплуатируют потребителей, используя безнравственные, беспринципные, коварные методы или прибегая к обману. Учитывая, что в тексте договора, как правило, невозможно предусмотреть все, существует множество возможностей для извлечения выгоды из непредвиденных обстоятельств [45]. Злоумышленники могут воспользоваться неточностью в формулировках, возможностью двоякого толкования, неактуальностью законов или их отсутствием, чтобы в результате мошеннических действий или способов, не регулирующихся законодательством, извлечь выгоду. Если сделка, в рамках которой стороны владеют асимметричной информацией, основана на обмане, то это означает возможность эксплуатации людей. Эта ситуация служит основанием для защиты прав потребителей [46, 47].

2. Многим студентам также следует знать, каково это – быть в меньшинстве и подвергаться *дискриминации* [48]. Реальные рынки нуждаются в моральном контроле, который поможет обеспечить равные возможности для групп, чьи возможности ограничены в рамках рынков [49–51]. Рынки не способны обеспечить моральный контроль – это изначально не входило в их функции. Контроль должен насаждаться извне, силами, находящимися вне экономической системы [52].

3. Хотя Б. и К. и пишут о «применении власти» на рынках труда, а также ссылаются на «неприятие неравенства», экономическое развитие на Западе, особенно в США и Великобритании, имело гораздо более разрушительные последствия, чем предполагали сторонники этих концепций, поскольку проблема распределения доходов сопоставима с огромной *проблемой одного процента самых богатых жителей планеты*. На самом деле неравенство при распределении доходов и богатства достигло критических значений [53]. Среднестатистическое американское домохозяйство, входящее в 1 % самых обеспеченных, владеет чистыми активами в размере 35 млн долларов. При этом 40 % взрослого населения не может отложить даже 400 долларов на непредвиденные расходы [54, с. 21]. Аналогичная ситуация с доходами: в период 1979–2013 гг. 1 % самых обеспеченных домохозяйств получали почти 600 тыс. долларов в год, а представители среднего класса – 11 тыс. долларов [55]. Даже бывший председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен признавал, что рост неравенства вызывает беспокойство, и опасался, что это может «вызвать... разрушительную для экономики реакцию» [56, с. 365, 408].[4]

4. Студенты с первого курса должны знать, что в структуру рынков встроены *механизмы усиления*. К ним относятся преимущества «новатора», предоставляемые небольшому числу компаний в соответствии с рыночным принципом, в рамках которого

победитель получает все, что крайне неблагоприятно влияет на распределение доходов и богатства [57]. Следовательно, огромные богатства, сконцентрированные в руках 1 % домохозяйств, не пропорциональны их вкладу в экономику, а обусловлены самим устройством рынков. Более того, в экономических курсах обычно упускается из виду фактор удачи [58].

5. Обсуждается тема *власти*, но не с позиции того, что накопление богатства неизбежно сопровождается накоплением *политической* власти, угрожающей демократическим институтам, которые зависят от широты распределения полномочий [59–64]. Это усугубляет проблему 1 % самых богатых, потому что способствует концентрации власти, которая, в свою очередь, породила масштабную негативную реакцию, чего технократы предвидеть не смогли. «Избрание Трампа, как и победа сторонников брексита в Великобритании, стало приговором десятилетиям растущего неравенства и варианту глобализации, который выгоден для верхушки общества, но заставляет простых людей чувствовать себя беспомощными» [36]. Экономистам следует признать, что только правительство способно поддерживать социально-экономический баланс и следить за тем, чтобы неравенство не выходило за приемлемые значения во избежание обвинений в несправедливости и утраты доверия электората (п. 10) [56, 66].

При отсутствии уравновешивающей силы олигархия неизбежно потянет одеяло на себя, и общество трансформируется в плутократию, поскольку сверхбогатые «обычно тратят львиную часть своего состояния на усиление влияния, повышение престижа и получение большей власти» [61, 62, 65, 67–78]. Иными словами, власть – это важнейший фактор эволюции экономики не только из-за воздействия последней на политическую систему, но и из-за обратного влияния власти на экономику посредством введения определенной структуры налогообложения, дерегулирования, демаркации избирательных округов и установления зарплат руководителям компаний (пп. 3, 13 и 38). Таким образом, рассредоточение власти – необходимое условие поддержания демократии. Студенты должны осознавать неспособность рынков достичь этой цели, в противном случае они не смогут понять причины распространения популизма.

6. Студенты должны знать, что стабильность *политической системы* не является само собой разумеющейся. Одна из основных задач правительства – не допустить возникновения олигархии. Достичь этого можно посредством поддержания баланса как экономических, так и политических сил [79]. Студенты должны четко понимать, что политическая и экономическая системы неразрывно взаимосвязаны; что концентрация богатства опасна не только из-за «антипатии к неравенству», но и потому, что, «применяя методы, слишком очевидные, чтобы их перечислять, экономическую власть можно использовать для получения политической власти» [80, с. 479]. Игнорировать эту проблему в эпоху Трампа – «интеллектуальное преступление» [13]. Концентрация дохода в правой части кривой распределения доходов в сочетании с ростом фрустрации в левой части – это гремучая смесь [26]. Только правительство способно установить ограничения, чтобы распределение власти не достигло точки невозврата. Депривация (в том числе относительная) представляет собой мощную политическую силу, и кандидат в президенты США Хиллари Клинтон почувствовала это на своем примере, когда назвала часть электората «отбросами общества» в ходе предвыборной кампании 2016 г. (п. 14).

7. Во избежание точки невозврата (п. 6) правительство должно следить за тем, чтобы экономика оставалась *инклюзивной*. Рынки априори не способны на это – рыночные процессы направлены на концентрацию власти и богатства (пп. 3…5). Чтобы со-

хранить свое положение, сильные мира сего возводят барьеры, препятствующие обеспечению достойного уровня жизни как можно большего числа людей. Это приводит к постепенному исчезновению среднего класса, а со временем население начинает чувствовать себя обманутым, что способствует распространению популизма [26, 36, 60, 81–83]. Следовательно, только правительство способно гарантировать каждому возможность функционировать в экономической системе, сохраняя чувство собственного достоинства и самоуважения. Рынки на это не способны. Лауреат Нобелевской премии Эдмунд Фелпс так описал неблагоприятные факторы, с которыми столкнулись низкоквалифицированные рабочие: «Экономический спад привел не только к потере дохода менее обеспеченными слоями населения, но и к утрате... инклюзивности – доступа к рабочим местам, предлагающим достойную работу и оплату. Но инклюзивности не хватало с самого начала» [16, 84], более того, «наша доминирующая политическая экономия слепа к самой концепции инклюзивности; она не предусматривает каких-либо способов устранения этого недостатка» [16].

8. Разве студенты не должны знать, что *бедные слои населения* не имеют возможности вести достойное существование и вытесняются на периферию в экономическом и социальном плане? В XXI в. следует, наконец, задуматься об искоренении нищеты. Казалось бы, 21-триллионная экономика США должна быть на это способна.

9. Б. и К. делают акцент на ВВП и его рост, хотя на данный момент должно быть очевидно, что в отсутствие инклюзивности экономический *рост* в том, что касается качества жизни, бесполезен (п. 21, ч. 2), поскольку жизнь в достатке по-прежнему будет недоступна тем обездоленным, которые больше всего нуждаются [85]. Это особенно верно в отношении экономики знаний, в рамках которой уровень образования ценится гораздо выше, чем в предыдущие эпохи, поскольку бедные слои населения по уровню образования не соответствуют запросам потенциальных работодателей (пп. 7, 8) [86]. Хотя на протяжении более 200 лет наблюдался рост, сейчас наша цивилизация зашла в тупик и остро нуждается в новой идеологии и переосмыслении базовых предпосылок для создания эффективной экономики и обеспечения высокого уровня жизни [87].[5] Нужно, чтобы доходы самых экономически уязвимых групп населения росли в отсутствие роста доходов сверхбогатых – тогда неравенство будет снижаться. Общий экономический рост, наблюдаемый в последнее время, скорее всего, не может способствовать достижению этой цели, он лишь усугубляет экономическое неравенство, приводит к снижению относительных доходов бедных слоев населения, оказывая на них еще большее давление. Следует также признать, что рост ограничен экологическими факторами. При сохранении нынешних темпов роста загрязнение окружающей среды будет иметь угрожающие последствия для экологии. Следовательно, рост не является устойчивым, и нужно подумать об альтернативных подходах к организации экономической деятельности.

10. Чтобы сохранить политическую и социальную стабильность в долгосрочной перспективе, экономика должна быть не только инклюзивной, но и *справедливой* [52, 88, 89]. Ролз утверждал, что общество можно считать справедливым, только если человек решил стать его частью, не зная, какое он занимал бы положение, попав в это общество случайно. Скорее всего, в рамках справедливого общества его потенциальный участник принял бы без особых раздумий социальный контракт, составленный «под маской неведения», поскольку люди не склонны к риску и не хотят оказаться в самом низу социальной пирамиды [66]. Однако, если общественный строй для нас неприемлем, мы не склонны навязывать его другим в соответствии с принципом категорического им-

ператива Канта. Следовательно, мы не стали бы «под маской неведения» создавать общество крайнего неравенства, опасаясь, что сами будем принадлежать к экономически уязвимым и наименее обеспеченным слоям населения.

Более того, в демократическом обществе только инклюзивный рост получает поддержку, достаточно широкую для сохранения стабильной политической структуры (пп. 7, 8). Если установится плутократия, система утратит легитимность, что признавал даже архиконсерватор Алан Гринспен: «Невозможно извлекать выгоду из роста капиталистического рынка без поддержки значительной части населения, а точнее – практически всего населения; и если у людей возникнет ощущение, что блага капитализма распределяются несправедливо, то система утратит свою жизнеспособность».[6] Рынки по своей природе не являются инструментом справедливого распределения доходов и богатства (пп. 1…5). Следовательно, ответственность за создание и поддержание институтов, обеспечивающих справедливость такого распределения, лежит на политической системе.[7]

11. Одна из причин, по которой рынки не способны создать справедливое общество, состоит в том, что они не могут установить *ограничения* в отношении таких результатов своей деятельности, как неравномерное накопление богатства и дохода [53, 65]. Невозможно достичь аристотелевой «золотой середины» (между двумя крайностями – избытком и дефицитом) посредством установления конкурентного равновесия на реальных рынках, если государственные институты не будут управлять экономическими процессами, руководствуясь здравым смыслом и вводя разумные ограничения [90]. В отсутствие таких ограничений рынки будут предлагать слишком много товаров и вариантов, слишком большие порции в ресторанах, что в конечном итоге выльется в непомерные кредитные обязательства, дефицит сна, переизбыток рекламы и т. д. Все это – следствие конкуренции (п. 36, ч. 2). Здравый смысл подсказывает, что более широкий выбор предпочтительнее ограниченного, а хорошего – много не бывает. Однако психологи утверждают, что слишком много хорошего может иметь негативные последствия: так, например, наличие десяти разных салатных заправок в магазине ставит нас перед чрезмерно сложным выбором, фактически затрудняет принятие адекватного решения и снижает качество жизни. Во избежание путаницы, вызванной слишком богатым ассортиментом, а также ради экономии времени и усилий уместно руководствоваться принципом «лучше меньше, да лучше» [91].

12. Б. и К. не рассматривают теорию игр, но говорят, что рынки могут стать частью *игры*, которую ведут, например, представители олигархии, имеющие возможность нанять толпу лоббистов для продвижения определенной стратегии в целях концентрации в своих руках еще больших рыночных преимуществ [92–95]. Хищническая реклама на Мэдисон-авеню – это «охота на простака», манипуляция потребителями с низким уровнем образования и невысокими когнитивными способностями (пп. 1, 42 (ч. 2) [96, 97].[8]

13. Несмотря на шумиху, поднятую вокруг теорий свободных рынков в экономике мейнстрима, в реальности их продолжительное существование ограничивается стенами образовательных учреждений, так как в отсутствие эффективного государственного *регулирования* и контроля со стороны соответствующих институциональных структур они, как правило, схлопываются [98]. Институциональные структуры необходимы для защиты прав потребителей, поддержания стабильности системы и предотвращения концентрации чрезмерной рыночной власти; в круг их задач входят обеспечение соблюдения антимонопольного законодательства и надзор за тем, чтобы ресурсоснаб-

жающие организации – технологические (или естественные) монополии – действовали в интересах общества и не завышали тарифы на свои услуги; кроме того, институциональные структуры должны следить за тем, чтобы компании не извлекали выгоду, пользуясь лазейками в подконтрольной каждой конкретной структуре части законодательства; не злоупотребляли своим господствующим положением и не взимали с конкурентов непропорционально высокую плату за доступ к рынкам. Государственные органы должны утверждать слияние компаний, выдавать патенты и выносить решения о банкротстве [99]. Помимо деятельности по перечисленным направлениям, госорганы не должны допускать узурпации функций регулирования, т. е. доминирования какого-либо лобби в правительственных учреждениях. Это далеко не тривиальная задача, но без эффективного регулирующего аппарата экономическая система просто не будет надлежащим образом функционировать.

14. В своем исследовании Б. и К. не пишут о необходимости понимания студентами того, что за рамками основных потребностей благосостояние формируется главным образом за счет *относительного*, а не абсолютного *дохода* [100–102]. Если не донести до студентов эту мысль, им будет трудно (а кому-то невозможно) понять причины роста неудовлетворенности на Западе и популизма (пп. 5…10).

15. Они перечисляют множество проблем, связанных с недостаточной информированностью, но не упоминают о том, что *информация* стоит дорого. Это создает огромные препятствия для достижения эффективных результатов и роста благосостояния, особенно для малообеспеченных групп населения, которые не смогут заплатить за доступ к информации, достаточной для принятия обоснованных решений. Данная проблема особенно актуальна в условиях неопределенности и в ситуациях, требующих принятия сложных решений (пп. 29, 31, ч. 2) [103, 104]. Это – ахиллесова пята эпохи свободной конкуренции: бедные слои населения оказываются в заведомо невыгодном положении, особенно в век информации, недоступность которой не позволяет им выйти из нищеты и достичь процветания (пп. 7, 8). Если студенты это не усвоят, им трудно будет понять, почему малоимущие не могут выбраться из ловушки бедности.

Окончание следует

Список литературы

1. Appelbaum, Binyamin, 2019. *The Economists' Hour: False Prophets, Free Markets, and the Fracture of Society* (New York: Little, Brown and Company).

2. Brochmann, Grete, Head, Simon, and Rabinovich, Itamar (ed.), 2015. "What's Wrong with the Economy—and with Economics?" *The New York Review of Books*, March 14-15.

3. Chang, Ha-Joon. 2010. *23 Things They Don't Tell You About Capitalism* (London: Bloomsbury Press).

4. Chang, Ha-Joon. 2019. "Economics for People," Institute for New Economic Thinking, December 11; https://www.ineteconomics.org/perspectives/videos/economics-for-people accessed January 11, 2020.

5. Decker, Samuel, Wolfram Elsner, and Svenja Flechtner, 2019. *Principles and Pluralist Approaches in Teaching Economics. Toward a Transformative Science* (London: Routledge).

6. Dorgan, Byron L. 2006. *How Corporate Greed and Brain-Dead Politics Are Selling Out America* (New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press).

7. Ehrenreich, Barbara, 2005. *Bait and Switch: The (Futile) Pursuit of the American Dream* (New York: Metropolitan Books).

8. Graeber, David, 2019. "Against Economics," *The New York Review of Books*, December 5.

9. Haring, Norbert and Niall Douglas. 2012. *Economists and the Powerful: Convenient Theories, Distorted Facts, Ample Rewards* (London: Anthem Press).

10. Keen, Steve. 2001. *Debunking Economics: The Naked Emperor of the Social Sciences* (London: Zed Books).

11. Keen, Steve. 2016. *Developing an economics for the post-crisis world* (London: College Publications).

12. Kwak, James, 2017. *Economism: Bad Economics and the Rise of Inequality* (New York: Pantheon).

13. Madrick, Jeffrey *Seven Bad Ideas: How Mainstream Economists Have Damaged America and the World* (New York: Vintage, 2015).

14. Marglin, Stephen A. 2010. *The Dismal Science: How Thinking Like an Economist Undermines Community* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

15. Nooteboom, Bart, 2019. *Uprooting Economics. A Manifesto for Change* (Cheltenham, UK: Edward Elgar).

16. Phelps, Edmund. 2015. "What is Wrong with the West's Economies?" *The New York Review of Books*, August 13.

17. Rajan, Raghuram. 2019. *The Third Pillar: How Markets and the State Leave the Community Behind* (New York: Penguin Press).

18. Reich, Robert, 2018 *The Common Good* (New York, Knopf).

19. Samuelson, Robert J. 2019. "It's time we tear up our economics textbooks and start over," *The Washington Post*, June 23.

20. Skidelsky, Robert, 2018. *Money and Government: The Past and Future of Economics* (New Haven, CT: Yale University Press).

21. Zingales, Luigi. 2012. *Capitalism for the People. Recapturing the Lost Genius of American Prosperity* (New York: Basic Books).

22. Baker, Dean. 2002. "The Run-up in Home Prices: A Bubble," *Challenge: The Magazine of Economic Affairs,* 45 (6): 93–119.

23. Cassidy, John. 2004. "Blowing Bubbles," *The New Yorker*, July 14.

24. Cassidy, John. 2010. "After the Blowup. Laissez-faire economists do some soul-searching – and finger-pointing," *The New Yorker*, January 11.

25. Komlos, John, 2014. "The Banality of a Bureaucrat, Timothy Geithner and the Sinking of the U.S. Economy," *Challenge: The Magazine of Economic Affairs,* 57 (5): 87–99.

26. Komlos, John, 2017. "The Triumph of Trumpism," *Journal of Contextual Economics, Schmollers Jahrbuch*, 137 (4): 421-440.

27. Komlos, John, 2019. "Reaganomics: A Watershed Moment on the Road to Trumpism," *The Economists' Voice* https://doi.org/10.1515/ev-2018-0032.

28. Komlos, John, 2019. *Fundamentals of Real-World Economics: What Every Economics Student Needs to Know* (2nd edition, Abingdon, UK: Routledge).

29. Komlos, John, 2019. "Despair at Full Employment: The Urgency of a Fairer Labor Market," *Challenge: The Magazine of Economic Affairs*, 61 (5-6): 363-386.

30. Minsky, Hyman. 1982. "The Financial Instability Hypothesis: Capitalistic Processes and the Behavior of the Economy," in *Financial Crises: Theory, History, and Policy*, ed. Charles P. Kindleberger and Jean-Paul Laffargue (Cambridge, UK: Cambridge University Press), pp. 12–29.

31. Posner, Richard. 2009. *The Failure of Capitalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

32. Posner, Richard. 2011. *The crisis of Capitalist Democracy* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

33. Turner, Adair. 2012. *Economics After the Crisis: Objectives and Means* (Cambridge, MA: MIT Press).

34. Rodrik, Dani, 2016. "Straight Talk on Trade," *Project Syndicate*, November 15.

35. Rodrik, Dani, 2018. "Populism and the economics of globalization," *Journal of International Business Policy*," 1(1–2): 12–33.

36. Sandel, Michael, 2019. "Populism, Trump, and the Future of Democracy," Institute for New Economic Thinking, March 15.

37. Sandel, Michael, 2018. "Populism, liberalism, and democracy," Philosophy & Social Criticism 44 (4): 353-359.

38. Bowles, Samuel and Carlin, Wendy. forthcoming. "What Students Learn in Economics 101: Time for a Change," *Journal of Economic Literature*.

39. Feynman, Richard. 1974. "Cargo Cult Science," *Engineering and Science* 37 (7): 10–13.

40. De Martino, George. *The Economist's Oath. On the Need for and Content of Professional Economic Ethics* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2011).

41. Bowles, Samuel. 2016. The Moral Economy: Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens (New Haven: Yale University Press).

42. Samuelson, Paul and William Nordhaus, *Economics* (19th edition, McGraw-Hill: 2009).

43. Mankiw, Gregory, N. 2018. *Principles of Economics* (8th edition, Boston: Cengage Learning).

44. Stiglitz, Joseph. 2002. "Information and the Change in the Paradigm in Economics," *American Economic Review* 92 (3): 460-501.

45. Johnston, David Cay. 2012. The Fine Print: How Big Companies Use "Plain English" to Rob You Blind (New York: Portfolio Books).

46. Sunstein, Cass. 2016. The Ethics of Influence: Government in the Age of Behavioral Science (Cambridge, UK: Cambridge University Press).

47. Thaler, Richard and Cass Sunstein, 2008. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness* (New Haven, CT: Yale University Press).

48. Darity, William Jr., and Patrick Mason, 1998. "Evidence on Discrimination in Employment: Codes of Color, Codes of Gender," *Journal of Economic Perspectives* 12 (2): 63–90.

49. Chetty, Raj, Nathaniel Hendren, Maggie R. Jones, Sonya R. Porter, 2018. "Race and Economic Opportunity in the United States: An Intergenerational Perspective," National Bureau of Economic Research Working Paper No. 24441, March.

50. Daly, Mary, Hobijn, Bart, and Pedtke, Joseph, "Disappointing Facts about the Black-White Wage Gap," Federal Reserve Bank of San Francisco *Economic Letters*, September 5, 2017;

51. Darity, William, Jr., and Darrick Hamilton, 2012. «Bold Policies for Economic Justice,» *The Review of Black Political Economy*, 39 (1): 79-85.

52. Sen, Amartya. 2009. *The Idea of Justice* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

53. Atkinson, Anthony, 2015. *Inequality: What Can Be Done?* (Cambridge: Harvard University Press).

54. Board of Governors of the Federal Reserve System. 2018. "Report on the Economic Well-Being of U.S. Households in 2017," May.

55. Komlos, John, 2018. "Hollowing Out of the Middle Class: Growth of income and welfare in the U.S., 1979-2011," *Challenge: The Magazine of Economic Affairs*, 61 (2018), 4: 303-324.

56. Greenspan, Alan. 2007. *The Age of Turbulence: Adventures in a New World* (New York: Penguin Press).

57. Frank, Robert H. and Philip J. Cook, 1995. *Winner-Take-All Society* (New York: Free Press).

58. Frank, Robert H. 2016 *Success and Luck. Good Fortune and the Myth of Meritocracy* (Princeton: Princeton University Press).

59. Fukuyama, Francis. 2018. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment* (New York: Farrar, Straus and Giroux).

60. Lazonick, William. 2015. "Labor in the Twenty-First Century: The Top 0.1% and the Disappearing Middle-Class," in Christian E. Weller (ed.), *Inequality, Uncertainty and Opportunity: The Varied and Growing Role of Finance in Labor Relations* (Cornell University Press), pp. 143-192.

61. Mann, Thomas E. and Norman J. Ornstein, 2012. *It's Even Worse Than it Looks: How the American Constitutional System collided with the New Politics of Extremism* (New York: Basic Books).

62. Page, Benjamin and Martin Gilens, 2017. *Democracy in America? What Has Gone Wrong and What We Can Do About It* (Chicago: University of Chicago Press).

63. Stiglitz, Joseph. 2011. "Of the 1%, by the 1%, for the 1%," *Vanity Fair*, May.

64. Wolff, Edward N. 2017. *A Century of Wealth in America* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

65. Piketty, Thomas. 2015. "About *Capital in the Twenty-First Century,*" *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 105(5): 48-53.

66. Rawls, John. 1971. *A Theory of Justice* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

67. Bartels, Larry, 2016. *Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age* 2nd edition (Princeton: Princeton University Press).

68. Blanchflower, David G. 2019. *Not Working: Where Have All The Good Jobs Gone?* (Princeton University Press, Princeton, NJ).

69. Domhoff, G. William. 1967. *Who Rules America?* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).

70. Formisano, Ronald, 2015. *Plutocracy in America: How Increasing Inequality Destroys the Middle Class and Exploits the Poor* (Baltimore: Johns Hopkins University Press).

71. Freeland, Chrystia. 2012. *Plutocrats: The Rise of the New Global Super-Rich and the Fall of Everyone Else* (New York: Penguin Press).

72. Gilens, Martin. 2012. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America* (Princeton, NJ: Princeton University Press).

73. Hacker, Jacob and Paul Pierson, 2016. *American Amnesia: How the War on Government Led US to Forget What Made America Prosper* (New York: Simon & Schuster).

74. Heller, Nathan, (2018). "The Bullshit-Job Boom," *The New Yorker*, June 7.

75. Kakutani, Michiko, 2018. *The Death of Truth. Notes on Falsehood in the Age of Trump* (New York: Tim Duggan Books).

76. Levitsky, Steven and Ziblatt, Daniel, 2018. How Democracies Die (New York: Crown Publishing).

77. MacLean, Nancy, 2017. *Democracy in Chain. The Deep History of the Radical Right's Stealth Plan for America* (New York: Viking Penguin).

78. Sitaraman, Ganesh. 2017. *The Crisis of the Middle-Class Constitution: Why Economic Inequality Threatens Our Republic* (New York: Knopf).

79. Mayer, Jane. 2016. *Dark Money. The Hidden History of the Billionaires Behind the Rise of the Radical Right* (New York: Doubleday).

80. Arrow, Kenneth. 1963. "Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care," *American Economic Review* 53 (5): 141–149.

81. Faux, Jeff, 2012. *The Servant Economy: Where America's Elite is Sending the Middle Class* (New York: Wiley).

82. Komlos, John, 2016. "Another Road to Serfdom," *Challenge: The Magazine of Economic Affairs*, 59 (6):491-518.

83. Warren, Elizabeth. 2007. “The Vanishing Middle Class,” in *Ending Poverty in America: How to Restore the American Dream*, ed. John Edwards, Marion Crain, and Arne L. Kalleberg (New York: New Press).

84. Phelps, Edmund. 2003. *Designing Inclusion: How to Raise Low-End Pay and Employment in Private Enterprise* (Cambridge University Press).

85. Raworth, Kate. 2017. *Doughnut Economics. Seven Ways to Think Like a 21st Century Economist* (White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing).

86. Unger, Roberto M. 2019. *The Knowledge Economy* (New York: Verso Books).

87. Fleurbaey, Marc and Didier Blanchet, 2013. *Beyond GDP: Measuring Welfare and Assessing Sustainability* (Oxford: Oxford University Press).

88. Fleurbaey, Marc. 2018. *A Manifesto for Social Progress: Ideas for a Better Society* (Cambridge University Press).

89. Tirole, Jean. 2017. *Economics for the Common Good* (Princeton: Princeton University Press).

90. Kuttner, Rober. 1997. *Everything for sale: The virtues and limits of markets* (New York: Alfred Arnold).

91. Schwartz, Barry. 2003. *The Paradox of Choice: Why More Is Less* (New York: Ecco).

92. Drutman, Lee. 2015. *The Business of America is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate* (New York: Oxford University Press).

93. Galbraith, James. 2008. *The Predator State: How Conservatives Abandoned the Free Market and Why Liberals Should Too* (New York: The Free Press).

94. Philippon, Thomas. 2019. *The Great Reversal: How America Gave Up on Free Markets* (Cambridge: Harvard University Press).

95. Saez, Emmanuel and Gabriel Zucman. 2019. *The Triumph of Injustice. How the rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay* (New York: W.W. Norton & Co.).

96. Akerlof, George and Shiller, Robert *Phishing for Phools: The Economics of Manipulation and Deception* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015).

97. Johnston, David Cay. 2003. *Perfectly Legal: The Covert Campaign to Rig Our Tax System to Benefit the Super-Rich—and Cheat Everybody Else* (New York: Portfolio Books).

98. Acemoglu, Daron and Robinson, James, 2012. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Business).

99. Tirole, Jean. 2015. “Market Failures and Public Policy,” *American Economic Review* 105 (6): 1665-1682.

100. Duesenberry, James, 1949.*Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

101. Leibenstein, Harvey. 1950. “Bandwagon, Snob and Veblen Effects in the Theory of Consumers’ Demand,” *Quarterly Journal of Economics* 65 (2): 183-297.

102. O’Donoghue, Ted and Charles Sprenger, 2018“Reference-Dependent Preferences,” Handbook of Behavioral Economics: Applications and Foundations 1:1-77.

103. Akerlof, George. “Behavioral Macroeconomics and Macroeconomic Behavior,” *American Economic Review* 92 (2002), 3:411-433.

104. Greenwald, Bruce and Joseph Stiglitz, 1986. “Externalities in Economies with Imperfect Information and Incomplete Markets,” *Quarterly Journal of Economics* 101 (2): 229–264.

Примечания

[1] Именно это обычно подразумевается в заголовках учебников по вводному курсу в экономику [55].

[2] Для подробного критического обзора Самуэльсона и Нордхауса см.: Komlos (2016a).

[3] Мэнкью критиковали за его понимание вводного экономического курса в Гарварде, и впоследствии с него сняли эту задачу (Sun, 2019).

[4] И добавляет, что, если мы не обратим вспять «четверть века роста социального неравенства, то культурные связи, которые составляют фундамент нашего общества, могут быть разрушены. Это может привести к недовольству, падению авторитетов и даже к масштабным актам насилия, подрывающим культурные связи, от которых зависят растущие экономические системы» [56, с. 468].

[5] Отметим, что региональный рост, который ведет к развитию областей, разрушенных глобализацией и технологической безработицей, представляет собой отдельную тему для обсуждения (п. 25, ч. 2) (Bailey, Glasmeier and Tomlinson, 2019).

[6] «On Income Inequality» («О неравенстве доходов») – видео с YouTube, временная метка: 2:36. www.youtube.com/watch?v=oqx88MyUSck. В письменном виде он выразил эту идею так: «Как я неоднократно отмечал, капитализм не будет устойчивым без поддержки значительной части общества» [56, с. 396].

[7] Только правительство может следить за тем, чтобы зарплаты генеральных директоров оставались в разумных пределах, а опозорившие себя руководители, такие как Деннис Мюленбург, ответственный за катастрофу Boeing 737 Max, не получали при увольнении компенсационный пакет в размере 60 миллионов долларов (Gelles, 2020).

[8] «Countrywide Commercial 3» («Национальная реклама 3»), видео с YouTube, https://www.youtube.com/watch?v=Ei5OrV-CmHg.

J. Komlos. Time to change the way we teach economics. Bowles and Carlin make a very strong case for updating and modernizing the curriculum of introductory economics courses to include many of the achievements of the discipline in the past thirty years. In their view, the popular textbooks in use are essentially anachronistic, and instead they advocate the use of the new CORE textbook, *The Economy*, to which they contributed. I agree but suggest additional concepts to introduce to students at the beginning level so that they receive balanced insights into the working of the economic system and of the challenges that lie ahead.

Keywords: economic curriculum issues, introductory course, core textbook, economic system, challenges.

ТМ

Требования к материалам, представляемым в журнал «Экономическое возрождение России»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы, представляемые авторами в редакцию

Материалы пересылаются в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает следующие файлы:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке и содержащий в указанном порядке*:

1) сведения об авторах на русском языке*;
2) ключевые слова на русском языке (5–8 слов);
4) аннотацию на русском языке (150–200 слов);
5) название статьи на русском языке;
6) текст статьи;
7) библиографический список на русском языке.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке и содержащий в указанном порядке*:

1) перевод сведений об авторах на английский язык;
2) перевод названия статьи на английский язык;
3) перевод ключевых слов на английский язык;
4) перевод аннотации на английский язык;
5) транслитерацию библиографического русскоязычного списка.

* В информации об авторе должны указываться: фамилия, имя, отчество автора; ученая степень; должность; организация, которую представляет автор; адрес организации (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail.

Вся указанная информация подлежит публикации.

Требования к оформлению рукописи

Объем статьи – 25 000–45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – Times New Roman.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. Нормативно-правовые документы, статистические материалы и материалы без указания фамилий авторов в список источников не включаются, при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску.

Список составляется в алфавитном порядке: сначала русскоязычные, затем англоязычные источники. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи. При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При указании страницы (страниц) ссылка оформляется следующим образом: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русской язык.

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Неопубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удаленного доступа (из сети Интернет) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведенные в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье, и наоборот. References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте https://translit.net/

Рукописи, не соответствующие данным требованиям, возвращаются авторам.

Плата за публикацию статей не взимается.
Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Прием статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
тел./факс: +7 (812) 313-82-71
e-mail: evr@inir.ru

Для записей

Для записей